

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

СУРКОВ Олег Сергеевич

**ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ
И КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Д и с с е р т а ц и я

на соискание степени кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент
С.Н. Туманов

Саратов – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОЦЕНКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И КОНСЕРВАТИВНЫХ ПРАВОВЕДОВ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА	 32
1.1. Методологические подходы к исследованию государствен- ной власти в российском либеральном и консервативном правоведе- нии	32
1.2. Особенности разграничения либеральной и консервативной политико-правовой мысли в России	52
1.3. Категория формы государства в российском правоведении .	68
 ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	 84
2.1. Формирование подходов к изучению форм государства в либеральной и консервативной правовой мысли России	84
2.2. Механизм государственной власти в правовых оценках ли- беральных и консервативных мыслителей пореформенной России	106
 ГЛАВА 3. РЕФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДОКТРИНАХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ В 1905–МАРТЕ 1917 ГОДА	 132
3.1. Эволюция подходов к изучению форм государства в либе- ральной и консервативной правовой мысли России начала XX века ...	132
3.2. Российская государственная власть и местное самоуправле- ние в доктринальных оценках либералов и консерваторов	158
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 189
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	 200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется особой теоретической и практической значимостью вопросов исследования правовых основ формирования и развития организации государственной власти в России. При этом в научной литературе серьезное внимание уделяется проблемам сущности и механизма государственной власти, формам государства. Концептуализация политико-правовых оценок организации государственной власти в России либералами и консерваторами исследуемого периода остается недостаточно изученной.

Историко-теоретический опыт обоснования формы государства, осмысления сущности государственной власти и соответствующих изменений в ее организации содержится, прежде всего, в либеральном и консервативном правоведении. Целесообразность изучения дискуссии либералов и консерваторов сохраняет актуальность научного анализа нормативного регулирования и институционализации государственной власти, природы и развития парламентаризма, а также соотношения различных уровней власти и управления.

Важность исследования организации государственной власти актуализируется необходимостью развития российского законодательства в направлении совершенствования структуры публичной власти, ориентированной на решение одной из главных задач — четкого разграничения полномочий и ответственности между уровнями власти.

Накопленный исторический опыт имеет научную и практическую ценность для урегулирования многочисленных проблем развития российской государственности в контексте современных политико-правовых дискуссий о выборе юридического инструментария для формирования правовой политики современной России.

Отечественная либеральная и консервативная правовая мысль XIX — начала XX в. в настоящее время становится предметом пристального внима-

ния и изучения со стороны государственных и общественных структур, так как в условиях реформирования России принципиально важной является широкая поддержка населением проводимой государственной политики, восстановление ответственности государства и его активной роли. Решение поставленных задач невозможно без возрождения историко-правовых традиций. Все изложенные обстоятельства актуализируют объективную потребность в историческом осмыслении прошлого с тем, чтобы найти ориентиры, которые могли бы быть использованы при разработке стратегий будущего развития взаимоотношений общества и государства.

Объектом исследования является либеральная и консервативная правовая мысль о государственной власти в России второй половины XIX – начала XX в.

Предметом исследования выступает комплекс доктринальных оценок организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли. Данное обстоятельство способствует пониманию избранного предмета исследования как сложной системы теоретических конструкций, формировавшихся под влиянием разноплановых факторов.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении закономерностей формирования и развития концепций об организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли в России второй половины XIX – начала XX в. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие **задачи**:

1) осуществить сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к исследованию государственной власти в российском либеральном и консервативном правоведении второй половины XIX – начала XX в., а также дискуссии о правовом обеспечении организации государственной власти;

2) выявить теоретико-методологические основы разграничения политической и юридической науки как фактора, определяющего осмысление и оценку организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.;

3) установить причины, особенности концептуализации основных направлений в либеральной и консервативной политико-правовой мысли в России второй половины XIX – начала XX в.;

4) рассмотреть процесс формирования и развития категории формы государства в качестве общетеоретической основы изучения организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.;

5) провести сравнительный анализ формирования и эволюции подходов к изучению формы государства в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.;

6) определить особенности правовых оценок механизма государственной власти в пореформенной России либералами и консерваторами;

7) проанализировать процесс осмысления системы центрального, местного управления и самоуправления в российской либеральной и консервативной правовой мысли в контексте консервативной направленности Основных государственных законов Российской империи 1842 и 1857 гг., а также либеральных реформ 60–70-х гг. и контрреформ 80–90-х гг. XIX в.;

8) установить особенности и закономерности изменений российской государственной власти и местного самоуправления в доктринальных оценках либералов и консерваторов в 1905 г. – марте 1917 г.

Хронологические рамки исследования обусловлены поставленной целью и соответствующими ей задачами. Исследуемый период берет начало во второй половине XIX в., так как консервативная направленность Основных государственных законов Российской империи в редакциях 1842 и 1857 гг. определила сущность, формы выражения и динамику дискуссии либералов и консерваторов в России 50-х гг. XIX в. Содержание дискуссии либералов и консерваторов изменялось в связи с проведением либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. и контрреформ 80–90-х гг. XIX в., что способствовало возникновению новых направлений в правоведении, а также формированию концептуальных подходов к осмыслению актуальных проблем органи-

зации государственной власти в контексте действующего государственного законодательства.

Завершающий этап исследуемого периода обусловлен тем, что начало XX столетия характеризуется принципиально новыми историческими условиями, революционными событиями и политико-правовыми реформами. В связи с тем, что Основные государственные законы Российской империи потеряли юридическую силу в марте 1917 г., самым важным стал вопрос выбора будущей формы государства, что предполагало новый этап в политико-правовой дискуссии по актуальным вопросам организации государственной власти. Соответственно конечной датой комплексного исследования определен март 1917 г.

Методологическую основу исследования составили всеобщие, общенаучные и специальные методы научного познания.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие методы научного познания: диалектический, логический, реконструкции, исторический, сравнительный, историко-правовой и формально-юридический.

Сочетание методов диалектического, логического и реконструкции позволило выявить особенности и закономерности политико-правовой дискуссии либералов и консерваторов, принимавших активное участие в обсуждении актуальных проблем организации государственной власти, а также особенностей осмысления перспектив реформирования Российского государства во второй половине XIX – начале XX в.

Элементы категории формы государства, процесс формирования и эволюции подходов к изучению формы государства исследовались с применением логического, исторического и сравнительного методов, что дало возможность выявить особенности оценки организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.

Историко-правовой и формально-юридический методы позволили исследовать дискуссию либералов и консерваторов о форме государства и особенностях организации государственной власти в контексте соответствующих норм и институтов государственного права России второй половины XIX – начала XX в.

Концептуализация основных течений в либеральной и консервативной правовой мысли исследуемого периода и фрагментарность их отдельных направлений просматриваются в сочетании системного и сравнительного подходов.

Научно-биографический и проблемно-хронологический подходы применялись к исследованию догматических, доктринальных и теоретических конструкций либералов и консерваторов в России второй половины XIX – начала XX в.

Выбор методов и подходов обусловлен комплексом изучаемых проблем, целью и задачами, позволившими сформулировать авторскую концепцию. Предмет исследования предопределил необходимость применения комплексного подхода к доктринальным оценкам организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли. Исследование проводилось с учетом методологических подходов, сложившихся в либеральном и консервативном правоведении рассматриваемого периода, что позволило осуществить реконструкцию процесса концептуализации их основных направлений, объективно исследовать идейное наследие либералов и консерваторов в их историческом развитии.

Теоретические основы диссертационного исследования составили основные подходы, применявшиеся в рамках догматической и исторической, доктринальной, историко-сравнительной, теоретической и политико-правовой дискуссиях либералов и консерваторов в России второй половины XIX – начала XX в. В работе учитывались подходы к исследованию организации государственной власти в России, апробированные в трудах В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.В. Коркунова, С.А. Котля-

ревского, П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича, определившие теоретические и методологические основы дискуссии.

Комплексное исследование формирования и эволюции подходов к изучению формы государства в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. проведено на основе научных взглядов М.И. Байтина, А.В. Малько, Н.И. Матузова, И.Н. Сенякина и других представителей саратовской теоретической школы на категорию формы государства.

Для исследования организации государственной власти в России особое концептуальное значение имели работы О.И. Чистякова о форме государственного единства. Данное им определение шире по объему, чем понятие «государственное устройство», и соответственно применимо для анализа более сложных примеров отношений центра государства с его составными частями (в частности, в условиях Российской империи).

На теоретико-методологические основы исследования оказали влияние работы С.В. Кодана о закономерностях формирования и развития правовых параметров организации государственной власти в России, а также о соотношении общеимперского и местного права¹; А.А. Васильева о консервативной правовой идеологии России; А.В. Корнева о консервативной и либеральной теории государства и права в России XIX – начала XX в.²; В.Н. Корнева о проблемах государства и права в политико-правовой мысли России³;

¹ См.: Кодан С.В., Владимирова Г.Е. Правовое оформление в Основных государственных законах Российской империи 1832–1892 гг. изд. организации верховной государственной власти // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 44–78; Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в.). М., 2014. С. 3–15.

² См.: Корнев А.В. Попытки создания основных законов Российской империи в политике, идеологии и юридической практике Российского государства (XVIII–XIX вв.) // Право и политика. 2012. № 3 (147). С. 567–568.

³ См.: Корнев В.Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

Н.В. Акчуриной и В.А. Томсинова¹ о правоведении в России второй половины XIX – начала XX в.

Историко-правовые исследования Основных государственных законов Российской империи 1832–1892 гг. (Г.Е. Владимирова), а также их редакции от 23 апреля 1906 г. (С.В. Юшков) дали возможность выявить наиболее актуальные проблемы организации государственной власти в правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.

Степень разработанности темы диссертационного исследования отражает процесс и динамику изучения организации государственной власти в российском правоведении второй половины XIX – начала XX в. В историографии проблемы выделяются научные и публицистические работы дореволюционных, советских и современных авторов.

В российском правоведении второй половины XIX в. В.И. Сергеевич², А.Д. Градовский³, А.В. Романович-Славатинский⁴, Б.Н. Чичерин⁵, Н.И. Хлебников⁶ и другие рассматривали правовые основы организации государственной власти преимущественно в рамках догматического, исторического, сравнительного и историко-сравнительного методов.

И. Андреевский признавал необходимость изучения соответствующих правовых институтов с точки зрения не только исторического метода, но и на основе теорий о государстве Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Г. Аренса, Ф. Моля и др.⁷

¹ См.: Томсинов В.А. Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX веков. Статья 4 // Законодательство. 2013. № 12. С. 81–87.

² См.: Сергеевич В.И. Задача и методы государственных наук: очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 5–12.

³ См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I. СПб., 1875. С. 1–8.

⁴ См.: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Основные государственные законы. Киев, 1886. С. I–IV, 75–120.

⁵ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: в 3 т. Т. I. М., 1894–1898. С. 1–17.

⁶ См.: Хлебников Н.И. Право и государство в их обоюдных отношениях. Варшава, 1874. С. 53–98.

⁷ См.: Андреевский И. Русское государственное право. Т. 1. Введение. Ч. 1. О правительстве. СПб., 1866. С. 1–2, 40–80.

В исследовании В.И. Сергеевича задачи и методы науки о государстве изложены только в соответствии с политико-правовым опытом стран Западной Европы (Германии, Франции, Англии)¹.

Во второй половине XIX в. наука о государстве рассматривалась как система учений, взаимосвязанных с правом, так как на само государство смотрели с «юридической и философско-отвлеченной точки зрения». Публицисты ограничивались исследованием общих вопросов о цели государства, наилучших формах его устройства, но не обращали внимание на реальные основы государственной жизни. Соотношение политики и государственного права не получило последовательного изучения в научной и публицистической литературе².

В работе Д. Каченовского особенности соотношения политической и юридической науки в России не конкретизированы в контексте методологических подходов, сложившихся в отечественном правоведении³.

В очерке А. Ломана подчеркивалось, что в научной литературе второй половины XIX в. учение о государственной власти было неопределенным и неясным. Основные юридические понятия в теории только начинали формироваться. В результате неопределенности теории сложилось превратное понимание и толкование того, что такое государственная власть и кому она принадлежит в государстве. Сам автор акцентировал внимание на подходах к пониманию государственной власти, сформулированных Аристотелем, Ж. Боденом, Г. Гроцием, Г. Еллинеком, М. фон Зейделем, Р. фон Иерингом, П. Лабандом, Ш.-Л. Монтескье. В работе отсутствует теоретическое осмыс-

¹ См.: *Сергеевич В.И.* Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 1–2.

² См.: *Нелидов Н.К.* Наука о государстве как предмет высшего специального образования. Речь, читанная на акте Демидовского юридического лица 30-го августа 1872 г. Ярославль, 1872. С. 1–14, 84.

³ См.: *Каченовский Д.* О современном состоянии политических наук на западе Европы и в России. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета. Б.м. 1862. С. 1–17.

ление соответствующих взглядов российских либеральных и консервативных мыслителей второй половины XIX в.¹

Общие положения относительно соотношения центральной и местной властей представлены в виде сравнительного обзора деятельности русских и иностранных земских и общественных учреждений (А. Васильчиков, В.А. Гольцев, К. Головин, М.П. Драгоманов)².

М.М. Ковалевский исследовал феномен государственной власти в ретроспективе с древнейших времен и до эпохи правления Александра II. В его работе отсутствуют догматические и теоретические оценки государственной власти в России второй половины XIX в.³

Либералом В.Е. Якушкиным за основу был взят политико-правовой аспект. Подобное исследование было вызвано первоочередностью вопросов преобразования российского государственного строя, нашедших отклик в обществе и опору в законодательном акте о созыве народных представителей. Однако данная проблема рассматривалась в контексте общественно-политической мысли XVI–XVIII вв., а затем конституционных проектов царствования Александра I и Александра II⁴.

Взгляды Н.М. Коркунова на сущность государства и государственной власти в русской юридической литературе вызвали в 90-е гг. XIX в. дискуссию, в которой приняли участие А.С. Алексеев, М.Б. Горенберг, М.А. Дьяконов, В.В. Ивановский, В.И. Сергеевич). Теоретическое осмысление сущности государственной власти в начале XX в. имело место главным образом в

¹ См.: Ломан А. Современное учение о государственной власти. М., 1896. С. 3–4.

² См.: Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869. С. VI–VIII; Гольцев В.А. Государство и самоуправление. Историко-юридические очерки. М., 1882. С. 1–44; Головин К. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884. С. III–IV; Драгоманов М. Либерализм и земство в России. Оттиск статьи. Женева, 1889. С. 1.

³ См.: Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России. М., 1905. С. 111–112.

⁴ См.: Якушев В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. С приложением проекта конституции Н. Муравьева. СПб., 1906. С. 1–2.

немецкой литературе, где существовали различные теории, выдвинувшие своих представителей (А. Аффольтер, Г. Еллинек, Э. Зейдлер, Э. Лёнинг)¹.

Изучая проблему государственной власти и местного, городского и земского самоуправления, Ф.А. Данилов (Ачадов) писал, что вопрос о местном самоуправлении был тесно взаимосвязан со всей совокупностью политических вопросов, поставленных революцией 1905–1907 гг. Он обращался к истории и современной ему организации местного самоуправления в Западной Европе, США и России².

Б.А. Кистяковский, рассуждая о сущности государственной власти с точки зрения подходов, сложившихся в западноевропейской и отечественной юридической науке, акцентировал внимание на положениях о государстве, сформулированных в работах либеральных мыслителей — А.С. Алексеева, В.В. Ивановского, Н.М. Коркунова³.

П.П. Гронский, рассматривая идею самоуправления, а также теорию самоуправления в странах Западной Европы, США и России, анализировал дискуссию о применимости в России общественно-хозяйственной теории, в которой речь шла не о местном самоуправлении, а об управлении делами, относящимися к хозяйственным пользам и нуждам (В. Лешков, Б.Н. Чичерин, А. Васильчиков, В.П. Безобразов, А.А. Головачев)⁴.

П.П. Гронский писал, что в России конца 80-х гг. XIX в. все публицистические труды носили либеральный или консервативный характер, но, по его мнению, в дискуссии численно преобладали консерваторы. К. Головин, С.А. Корф, А. Пазухин останавливались на вопросах местного самоуправле-

¹ См.: Горенберг М.Б. Новый опыт исследования государственного права России // Журнал гражданского и уголовного права. 1894. № 5; Сергеевич В.И. Новые учения в области государственного права // Журнал министерства юстиции. № 1894. ноябрь; Дьяконов М.А. Новая политическая доктрина // Журнал министерства народного просвещения. 1894; Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти // Русская мысль. 1894. № 11; Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2 т. Т. 1: Введение и Общая часть. СПб., 1908. С. 48–49.

² См.: Данилов Ф.А. Государственная власть и местное городское и земское самоуправление. М., 1907.

³ См.: Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 17–34.

⁴ См.: Гронский П.П. Децентрализация и самоуправление. 2-е изд. М., 1917. С. 20–23.

ния, так как считали, что новая реформа должна приблизить земское самоуправление к самоуправлению сословному.

В 90-е гг. XIX в. Н.М. Коркунов назвал себя сторонником государственной теории самоуправления. В начале XX в. понятие «самоуправление» развивается российскими мыслителями Б.Э. Нольде, Н.И. Лазаревским, В.Ф. Матвеевым¹.

Итак, во второй половине XIX – начале XX в. отсутствовали комплексные исследования соответствующей либеральной и консервативной правовой мысли по теоретическим и практическим вопросам организации государственной власти в России. В юридической литературе второй половины XIX в. актуальные проблемы организации государственной власти рассматривались на основе догматического, исторического и историко-сравнительного методов, что не позволило либералам и консерваторам до 1905 г. выйти на теоретический уровень осмысления перспектив развития российской государственности, а также сравнить их доктринальные оценки государственной власти. В российской юридической науке до 1905 г. происходила концептуализация представлений либералов и консерваторов о государственной власти в странах Западной Европы и России преимущественно в рамках науки государственного права. Революционные события начала XX в. способствовали расширению методологии исследований государственной власти и государственного законодательства. Взгляды отечественных правоведов на государственную власть формировались и развивались в условиях динамичных социально-политических отношений и, как следствие, изменения правовых основ российской государственности.

В советской юриспруденции, с точки зрения марксистской теории права, резко критиковались различные аспекты организации государственной власти, получившие осмысление и оценку в либеральной и консервативной политической и правовой мысли в России второй половины XIX – начала XX в. (М.Д. Карпачев, М.Г. Коротких, Е.А. Скрипилев, А.Е. Скрипилев и др.)².

¹ См.: Гронский П.П. Децентрализация и самоуправление. 2-е изд. М., 1917. С. 23–24.

² См.: Государственный строй и политико-правовые идеи России XIX столетия: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1987.

В рамках системы советского правоведения политико-правовые оценки и законодательные проекты реформирования Российского государства и права в эпоху буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в., контрреформ 80–90-х гг. XIX в., а затем в ходе русской революции 1905–1907 гг. и последующих преобразований до февраля–марта 1917 г. затрагивались преимущественно в историко-правовых работах и диссертациях. Касаясь некоторых аспектов организации государственной власти, советские исследователи в основном сосредоточили свое внимание на историко-правовом изучении государственно-правового регулирования деятельности органов центрального управления Российской империей и их роли в самодержавной политике, которая расценивалась ими как реакционная (Н.Д. Кузнецов, Д.В. Петрова, Е.Д. Черменский, А.А. Сенцов, А.Я. Аврех, Н.Г. Королева, Е.М. Ярошевская, А.В. Ремнев)¹.

В советской историко-правовой науке изучались не природа самодержавия или оценки императорской власти в консервативной и либеральной политико-правовой мысли, а некоторые полномочия императора, его личность и ее роль в классовой борьбе или сотрудничестве с реакционными слоями. Особое внимание уделялось способам подавления и противодействия рабочему движению в Российской империи (П.А. Зайончковский, Е.Д. Черменский, Ю.Б. Соловьев, А.М. Давидович)².

¹ См.: *Кузнецов Н.Д.* Третья государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе. М., 1951; *Петрова Д.В.* IV Государственная дума (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Черменский Е.Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма. М., 1976; *Сенцов А.А.* Развитие формы Российского государства в XIX в. // Правоведение. 1980. № 4; *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981; *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет Министров России в 1905–1907 гг. М., 1982; *Ярошевская Е.М.* Государственный совет и политическая реакция 80 – начала 90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Ремнев А.В.* Комитет министров в системе высших учреждений царской России, 1861–1906 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986; *Сенцов А.А.* Развитие формы Российского государства в начале XX в. // Известия высших учебных заведений правоведения. 1990. № 4. С. 88–93.

² См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX веков. М., 1980.

Исключением стали труды В.Д. Зорькина и Н.Я. Куприца, посвященные Б.Н. Чичерину и М.М. Ковалевскому, идейно-теоретическим основам их концепций. Они были признаны сторонниками абсолютного идеализма и институциональной социологии, а в целом их исследования оценивались как классово ограниченные и реакционные. Труды, освещавшие деятельность других правоведов дореволюционного периода, появились уже в постперестроечную эпоху.

В советской юридической науке не проводилось комплексного сравнительного анализа теоретико-методологических основ правовой мысли либералов и консерваторов в России второй половины XIX – начала XX в.

В современной юридической науке особый интерес представляют исследования, в которых затрагиваются аспекты осмысления организации государственной власти в России второй половины XIX – начала XX в.: проблемы теории государства в отечественной политико-правовой мысли (А.Г. Хабибуллин, В.Н. Корнев)¹; идеи конституционализма и парламентаризма в политико-правовой мысли России (А.Р. Пустовалова, Н.В. Онишко)²; имперской идеи и идеи федерализма (В.Г. Пахомов, Б.А. Левитанус, В.В. Мазуров)³; идеи разделения властей в политико-правовой мысли России (Е.Ю. Зорина)⁴; идеи идеократической государственности как разновидности идеи имперской государственности (А.А. Горшколепов)⁵.

¹ См.: *Хабибуллин А.Г.* Теория и идеология государства: политико-правовые процессы. СПб., 1998; *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра юрид. наук.

² См.: *Пустовалов А.Р.* Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Онишко Н.В.* Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

³ См.: *Пахомов В.Г.* Идеи федерализма в истории политико-правовой мысли России: конец XVIII – XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Левитанус Б.А.* Идея федерализма в русской политической и правовой мысли второй половины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Мазуров В.В.* Имперская идея в государственно-правовых учениях России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

⁴ См.: *Зорина Е.Ю.* Идея разделения властей в российской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

⁵ См.: *Горшколепов А.А.* Идеократическая государственность: политико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.

Организация государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. не исследовалась в качестве цели и научных задач в работах, направленных на изучение консервативных политико-правовых воззрений (А.И. Байгушкин)¹; консервативной и либеральной теории государства и права (А.В. Корнев)²; политико-правовой доктрины российского либерализма (И.А. Акашкин)³; консервативной правовой идеологии России (А.А. Васильев)⁴; консервативной правовой идеологии в Западной Европе и России в XVIII–XX вв. (Н.Ю. Андреев, И.Н. Васев, А.А. Васильев, И.А. Исаев, В.А. Томсинов и др.)⁵.

Теоретико-методологические основания политико-правовых взглядов отдельно взятых либеральных и консервативных мыслителей Российской империи второй половины XIX – начала XX в. изучены в диссертационных исследованиях, прежде всего, на основе научно-биографического подхода. В подобных политико-правовых исследованиях, посвященных учению о праве и государстве, отдельно взятых отечественных мыслителей традиционно затрагивались оценки актуальных проблем организации государственной власти в России и странах Западной Европы. И все же сравнительное исследование концепций либералов и консерваторов об организации государственной власти в России не являлось задачей подобных диссертационных исследований (А.М. Величко, Е.А. Фролова, Е.А. Макарова, В.П. Скворцов, А.Э. Черных, Н.В. Ющенко, А.В. Захаров, А.В. Шаповалов, Е.А. Лобановская, Т.А. Желдыбина, Е.С. Баранова, Д.С. Тальников, М.А. Ментюкова, Е.В. Тимошина, М.Ю. Понежин, В.И. Цыганов, Ю.А. Комнатная, Ю.В. Брояка,

¹ См.: *Байгушкин А.И.* Консервативные политико-правовые воззрения в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

² См.: *Корнев А.В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.). М., 2003.

³ См.: *Акашкин И.А.* Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX – начало XX веков). М., 2009.

⁴ См.: *Васильев А.А.* Консервативная правовая идеология России: сущность и формы правления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 3.

⁵ См.: *Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ* / под ред. А.А. Васильева. М., 2016. С. 2–3.

М.В. Игнатьева, А.Ю. Кузубова, Н.В. Кроткова, Н.А. Овчинникова, А.В. Крымов, А.С. Окатова)¹.

Для комплексного изучения организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. представляют интерес работы авторов, изучавших эволюцию форм Российского государства (И.А. Иванников); образ и формы государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли (А.Г. Тищенко); теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства (Н.Н. Арзамаскин).

Так, главной задачей И.А. Иванникова являлось комплексное исследование проблемы формы государства в работах М.А. Бакунина, К.Д. Кавелина,

¹ См.: *Величко А.М.* Учение Б.Н. Чичерина о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995; *Фролова Е.А.* Политическое и правовое учение П.И. Новгородцева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; *Макарова Е.А.* Политико-правовые взгляды Н.А. Бердяева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; *Скворцов В.П.* Либерально-демократические идеи о государстве и праве в учении Б.А. Кистяковского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002; *Черноков А.Э.* Учение С.Л. Франка о государстве и праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002; *Ющенко Н.В.* Государственно-правовые взгляды С.А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002; *Захаров А.В.* Государственно-правовые воззрения Б.Н. Чичерина. Тамбов, 2004; *Шаповалов А.В.* Правовые взгляды А.Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005; *Лобановская Е.А.* Государственность и государство в правовом учении И.А. Ильина: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Желдыбина Т.А.* Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; *Баранова Е.С.* Государственно-правовые воззрения Л.П. Карсавина: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008; *Тальников Д.С.* Политико-правовые воззрения Павла Александровича Флоренского: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009; *Ментюкова М.А.* Государственно-правовые воззрения Питирима Александровича Сорокина: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009; *Тимошина Е.В.* Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998; *Понежсин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова: философско-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000; *Цыганов В.И.* Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000; *Комнатная Ю.А.* Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; *Брояка Ю.В.* Политико-правовые воззрения А.Д. Градовского: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006; *Игнатьева М.В.* М.М. Ковалевский как антрополог права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Кузубова А.Ю.* Политико-правовые взгляды К.Н. Леонтьева: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2007; *Кроткова Н.В.* Государственно-правовые воззрения С.А. Котляревского: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Овчинникова Н.А.* Правовые и политические взгляды Е.Н. Трубецкого: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009; *Крымов А.В.* Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С. Соловьёва: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009; *Окатова А.С.* Учение В.М. Гессена о государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

К.П. Победоносцева, В.И. Ленина, И.В. Сталина, русских эмигрантов и влияние их идей на практику государственного строительства в России, критический анализ их концепций, а в ряде случаев, поиск позитивных аспектов политико-правовой мысли, которые могут быть «рецептированы, трансформированы в современной политической практике»¹. В последующих работах И.А. Иванников развивает положения, получившие воплощение в его докторской диссертации, но с учетом концепций А.С. Ященко и Л.И. Петражицкого². И все же в своих трудах И.А. Иванников делает акцент на политико-правовых идеях представителей социалистической мысли различных направлений³.

Аналогичный подход использует В.В. Мазуров, который рассматривает эволюцию имперской идеи от некоторых консервативных дореволюционных направлений до современного этапа⁴.

А.Г. Тищенко делает акцент на исследовании феномена образности как свойства восприятия человеком окружающего мира и рассматривает в контексте данного свойства человеческого сознания такие политико-правовые явления, как государственная власть, легитимность власти, суверенитет, гражданское общество, правовое государство и др. В первую очередь он обращается к субъективным способам репрезентации государственно-правовых феноменов. Его интересует субъект права, причем преимущественно права современного⁵.

Н.Н. Арзамаскин изучал развитие формы Российского государства, его структуры, а также внутренние и внешние факторы, определяющие процесс

¹ Иванников И.А. Проблема государственного устройства в русской политико-правовой мысли (М.А. Бакунин, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1995.

² См.: Иванников И.А. Проблема эволюции формы Российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX – середины XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2000.

³ См.: Иванников И.А. История политико-правовой мысли о форме Российского государства. М., 2012.

⁴ См.: Мазуров В.В. Имперская идея в государственно-правовых учениях России: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

⁵ См.: Тищенко А.Г. Образ и форма государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли: ретроспективный и юридико-компаративистский анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

его становления, институциональные аспекты, анализировал взгляды отдельных мыслителей второй половины XIX – начала XX в.¹

Рассматривая принципы и формы организации государственной власти в России, В.М. Гаптрахманов акцентировал внимание на проблемах развития современной российской государственности, а также механизма функционирования властных структур в условиях представительной демократии².

В.А. Томсинов исследовал некоторые аспекты становления науки государственного права России XIX – начала XX в. в контексте официальной государственной идеологии, формы правления и отражающих ее основных законодательных актов. Особое внимание он уделил становлению догматического и юридического методов в указанный период на примере государственно-правовых взглядов И.Е. Андреевского, А.Д. Градовского, и В.М. Гессена³.

В теоретических работах А.Р. Гаянова⁴, М.О. Кулькова⁵, Е.О. Старостина⁶, о проблемах развития формы государства и государственной власти на современном этапе развития Российского государства затрагиваются преимущественно идеи либеральных мыслителей: М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кошкина, Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, Г.Ф. Шершеневича.

¹ См.: *Арзамаскин Н.Н.* Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2008.

² См.: *Гаптрахманов В.М.* Принципы и формы организации государственной власти в России: политико-правовые исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 7, 12–15.

³ См.: *Томсинов В.А.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX веков. Статья 4 // *Законодательство*. 2013. № 12. С. 81–87; *Его же.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX века. Статья 5 // *Законодательство*. 2014. № 1. С. 88–94; *Его же.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX века. Статья 6 // *Законодательство*. 2014. № 2. С. 88–94.

⁴ См.: *Гаянов А.Р.* Эволюция формы правления российской государственности в XX веке: теоретико-методологическое и историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 2–5.

⁵ См.: *Кульков М.О.* Теоретические проблемы типологии форм государства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 2–5.

⁶ См.: *Старостин Е.О.* Правовые формы осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 2–6.

В историко-правовых исследованиях центрального управления и местного самоуправления в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. акцент делается на изучении соответствующих институтов и их отражении в государственных законах и законопроектах (В.В. Лузин¹, Г.В. Тарабан², О.В. Погожева³, С.Г. Зороян⁴, А.П. Яцкова⁵, Н.И. Захарова⁶, В.А. Малыхов⁷, А.Ю. Калинин⁸, А.А. Диденко⁹).

Вопрос оценки общегосударственного административного устройства в либеральной и консервативной политико-правовой мысли затрагивается в историко-правовом исследовании Г.С. Лиманского, изучавшего особенности формирования систем местного самоуправления в России¹⁰.

В работе Д.Ц. Бутитовой, посвященной проблемам местного самоуправления в системе взаимодействия власти и общества современной России, поднимается вопрос о степени разработанности темы в отечественной дореволюционной юридической литературе (А. Васильчиков, А.Д. Градовский, А.А. Кизеветтер, Н.М. Коркунов, М.Н. Свешников, В.М. Гессен, П.Н. Подлигайлов). Проведено «исследование сущности и роли местного самоуправления в системе взаимодействия власти и общества в отечественной

¹ См.: *Лузин В.В.* Форма правления в России в начале XX века: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1994.

² См.: *Тарабан Г.В.* Реформирование формы правления и формы государственного устройства России начала XX века: дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2005.

³ См.: *Погожева О.В.* Монархия как форма правления в Российской империи: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

⁴ См.: *Зороян С.Г.* Форма правления в России в начале XX века (1906 – февраль 1917): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

⁵ См.: *Яцкова А.П.* Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001.

⁶ См.: *Захарова Н.И.* Городское самоуправление в системе местного самоуправления в России: Становление и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

⁷ См.: *Малхозов В.А.* Нормативно-правовое регулирование деятельности городских органов местного самоуправления: Историко-теоретический аспект: На основе реформ 1870, 1892 и 1990-х годов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001.

⁸ См.: *Калинин А.Ю.* Историко-теоретические основы организации местного самоуправления в России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

⁹ См.: *Диденко А.А.* Организационно-правовые формы местного самоуправления в России. 1785–1917: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002.

¹⁰ См.: *Лиманский Г.С.* Формирование системы местного самоуправления в России: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 2.

политико-правовой мысли». Однако анализ дискуссии либералов и консерваторов по поводу реформирования местного самоуправления в России второй половины XIX – начала XX в. не являлся задачей диссертационной работы¹.

Итак, в дореволюционной, советской и современной юридической научной литературе отсутствуют комплексные исследования либеральной и консервативной правовой мысли в России второй половины XIX – начала XX в. в контексте процесса разграничения политической и юридической науки, а также догматического и исторического, а затем историко-сравнительного, доктринального и теоретического осмысления актуальных проблем организации государственной власти и реформирования центрального, местного управления и самоуправления.

Источниками диссертационного исследования послужили труды либерально и консервативно настроенных мыслителей, политических и общественных деятелей, практикующих юристов и ученых, принимавших активное участие в дискуссии об организации государственной власти в России второй половины XIX – начала XX в. Так, среди них следует особо отметить публикации либерально настроенных мыслителей и политических деятелей: К.К. Арсеньева, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, В.В. Ивановского, К.Д. Кавелина, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, П.Н. Милюкова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Н.И. Палиенко, Ф.Н. Плевако, Ф.И. Родичева, В.С. Соловьева, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича.

Исследованы публикации консервативных мыслителей: И.С. Аксакова, П.Ф. Булацеля, С.Ю. Витте, К.Ф. Головина, В.А. Грингмута, Ф.М. Достоевского, А.И. Дубровина, П.Е. Казанского, М.Н. Каткова, П.И. Ковалевского, А.И. Кошелева, С.Е. Крыжановского, К.Н. Леонтьева, В.П. Мещерского, М.О. Меншикова, Б.Н. Никольского, А.Д. Пазухина, К.Н. Пасхалова, К.П. Победоносцева, А.В. Романович-Славатинского, Ю.Ф. Самарина,

¹ См.: *Бутитова Д.Ц.* Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества современной России: региональный аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 1–10.

Н.Н. Страхова, Л.А. Тихомирова, Р.А. Фадеева, Д.А. Хомякова, Д.Н. Шипова, С.Ф. Шарапова, А.Г. Щербатова.

Использованы материалы из фондов Государственного архива Саратовской области, а именно: Канцелярии саратовского губернатора (Ф. 1), Саратовского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 25), Саратовского губернского по земским делам присутствия (Ф. 89), Саратовского губернского по городским делам присутствия (Ф. 90), Саратовского губернского по делам об обществах и союзах присутствия (Ф. 176), а также фонда Н.Н. Мясоедова (Ф. 409), так как они содержат сведения о местных отделениях общеимперских политических организаций, принимавших участие в дискуссии о форме правления в России.

Источниками исследования послужили законодательные акты, содержавшие положения об элементах формы Российского государства, а также управлении и самоуправлении, входившие в систему государственного законодательства второй половины XIX – начала XX в. и систематизированные в Полном собрании законов Российской империи 1830, 1882, 1913 гг. и Своде законов Российской империи (1842 – марта 1917 г.).

Сущность и динамика политико-правовой дискуссии в контексте либеральных реформ 60–70-х гг. и контрреформ 80–90-х гг. XIX в. способствовали формированию основных подходов к осмыслению форм государства в странах Западной Европы и Российской империи, а также особенностей организации государственной власти в контексте реализации действующего государственного законодательства: Основных государственных законов, Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.

Новая редакция Основных государственных законов Российской империи 1906 г. определила особенности и закономерности применения догматического, историко-правового, доктринального и теоретического подходов в политико-правовых дискуссиях о перспективах развития формы Российского государства и соответствующей им организации государственной власти. Дискуссия между либералами и консерваторами велась в контексте догмати-

ческого и доктринального осмысления Основных государственных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г., а также реализации «Высочайше утвержденного положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. и других положений, действовавших на окраинах Российской империи.

Особый интерес вызывают материалы субъективного характера: дневники, письма, записки, воспоминания и т.д. Они представлены в работе, например, письмами К.П. Победоносцева, С.Ю. Витте, воспоминаниями Ю.Ф. Самарина, А.Г. Достоевской и других выдающихся общественно-политических деятелей России.

В качестве источников диссертационного исследования использовались периодические издания второй половины XIX – начала XX в.: «Гражданин», «Мирный труд», «Судебный вестник», «Русский вестник», «Вопросы политики», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Новое время», «Слово», «Научное слово», «Московские ведомости», «Свобода и культура», «Сборник клуба русских националистов», на страницах которых велась научная и политическая дискуссия либералов и консерваторов о форме правления и государственном устройстве, сущности и динамике реформ и преобразований, а также по наиболее актуальным вопросам организации государственной власти в России, например, таких как самодержавная власть и самоуправление.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что было выполнено комплексное исследование доктринальных оценок организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. С методологических позиций новым представляется сравнительный анализ концепций организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. на основе сочетания научно-биографического и проблемно-хронологического подходов.

Применение системного подхода позволило выявить особенности формирования и развития теоретических конструкций и их теоретико-

методологических основ в доктринальных оценках организации государственной власти.

Выявлены особенности концептуализации взглядов либералов и консерваторов на законодательное закрепление, а затем перспективы развития формы правления и формы государственного устройства в правовой мысли XIX – начала XX в., что определяло их внутренние противоречия в политико-правовых оценках механизма государственной власти в России.

Теоретико-методологические и практические проблемы осмысления реформ российской государственности определены в процессе разграничения политической и юридической науки на основе сравнительного анализа.

В историографическом отношении новизна исследования нашла свое отражение в том, что в нем на основе многочисленных источников впервые рассмотрены политико-правовые концепции мыслителей, относившихся ко всему спектру консерваторов от почвенников до государственников, как противовес в дискуссиях с представителями либеральных направлений в России второй половине XIX – начала XX в.

Конкретизирована классификация консерваторов и в качестве относительно самостоятельного течения выделены консерваторы, отстаивавшие идеи национального представительства в органах государственной власти в России начала XX в.

Определен вклад в развитие догматического, исторического, доктринального и теоретического осмысления актуальных проблем организации государственной власти России таких малоисследованных в данном контексте либеральных мыслителей, как К.К. Арсеньев, К.Ф. Головин, В.В. Ивановский, Е.В. Спекторский, П.А. Сорокин.

В источниковедческом плане новизна изыскания состоит в том, что впервые вводятся в научный оборот ранее не использованные архивные документы и материалы из фондов ГАСО, содержащие малоизученный фактический материал о некоторых сторонах политической деятельности консервативных организаций начала XX в.

Малоизученные публицистические и научные статьи в периодических изданиях либералов и консерваторов способствовали объективному освещению политико-правовой дискуссии об организации государственной власти в России пореформенного периода и дальнейшей трансформации механизма государственной власти, вызванной революционной ситуацией.

Научная новизна исследования конкретизируется в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Российские либерально и консервативно настроенные правоведы развивали в 50–70-е гг. XIX в. политико-правовые идеи и концепции, опираясь на единую методологию трансцендентального идеализма Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля. В последующий период, в 80–90-х гг. XIX – начале XX в., они разделились в вопросах методологии. Часть либеральных мыслителей стала использовать такое ответвление идеалистической философии, как неокантианство (В. Дильтей и Г. Риккерт), а остальные либеральные правоведы — различные направления позитивизма (Г.Т. Бокль, У.Б. Карпентер, Д.С. Милль, Г. Спенсер, Ч.У. Томсон и др.). Консерваторы же предпочитали не пользоваться методологией позитивизма и оставались последовательными сторонниками различных направлений идеализма (субъективного, объективного, абсолютного, христианского). Соответственно речь шла о разграничении теоретико-методологических подходов в правовой мысли либералов и консерваторов.

2. Категория «форма государства» еще не сложилась в либеральной и консервативной правовой мысли России во второй половины XIX – начале XX в. Ее теоретическим эквивалентом выступали понятия «форма правления» и «форма государственного устройства». Они рассматривались как различные категории, связанные между собой, но не образующие единства (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Н.И. Лазаревский), или употреблялись как синонимы (Н. Зверев, Н.К. Нелидов). В условиях возросшего интереса к проблеме закономерностей перехода от одной формы правления к другой, а также к развитию формы государ-

ственного устройства в начале XX в. юристы стали применять данные категории как относительно самостоятельные в рамках формы государственного единства (П.Е. Казанский, Б.А. Кистяковский, Б.Э. Нольде, Н.И. Палиенко, Н.К. Ренненкампф, К.Н. Соколов, Е.Н. Трубецкой и др.).

3. Догматическое осмысление организации государственной власти в отечественной юриспруденции 50–90-х гг. XIX в. осуществлялось в рамках ее законодательного закрепления в нормах «Основных государственных законов» в редакциях 1842 и 1857 гг., а политико-правовые реформы обсуждались в контексте попыток доктринального осмысления взаимосвязи центрального, местного управления и самоуправления. Государственная власть по-разному реагировала на идеи либеральных и консервативных правоведов. Высказывания консерваторов не подвергались ограничениям, пока оставались в пределах теоретических конструкций самодержавия как уникальной формы правления и выстраивались в историческом, религиозном, национальном и политическом контекстах развития Российской империи. Либералы не имели возможности высказываться по вышеизложенному вопросу напрямую. Поэтому для выражения своих идей они в качестве материала для анализа использовали политико-правовые реалии некоторых стран Европы и Азии. Результатом стало формирование историко-сравнительного подхода к эволюции западной и восточной цивилизаций, в рамках которого и концептуализировались перспективы организации местного самоуправления в контексте развития Российского государства.

4. Теоретические конструкции как либерально, так и консервативно настроенных мыслителей, о местном самоуправлении в Российской империи 60–90 гг. XIX в. подразделяются на три вида на основе такого критерия, как степень интеграции органов местного самоуправления в центральный государственный аппарат. Первый вид базируется на идеях обновления существующей формы правления и государственного устройства путем включения выборных от местного самоуправления в высшие органы государственной власти при сохранении особого статуса (В.И. Герье, К.Ф. Головин,

В.В. Ивановский, Л.А. Полонский, В.Ю. Скалон, Б.Н. Чичерин); второй вид — на идеях образования всероссийского земского учреждения совещательного характера с полностью альтернативной выборной системой, финансированием и кругом полномочий (К.К. Арсеньев, Р.А. Фадеев, О.К. Нотович). Третий вид, противостоявший предыдущим двум, представлял собой особый бюрократический консерватизм и основывался на идеях исключения всех видов общественных организаций из политической и административной систем, признавая самоуправление лишь как хозяйственное дополнение администрации (Л.С. Маков, Д.А. Толстой, И.Н. Дурново).

5. Либеральные представители юридической науки и общественности в целом восприняли Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. как ограничивающие самодержавие. Наиболее радикальные либералы настаивали на том, что в России введен новый конституционно-монархический порядок, за которым последует республиканская форма правления (П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский). Более умеренные их представители называли строй дуалистическим (А.И. Гучков, В.В. Ивановский, Н.М. Кишкин, Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Н.И. Палиенко, Ф.Н. Плевако, Ф.И. Родичев).

6. Консерваторы посчитали Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. преимущественно как юридическое оформление традиционного для России самодержавия и государственного устройства. Одни из них не видели в этих законах конституционной направленности (И.Л. Горемыкин). Другие полагали, что народное представительство носит совещательный характер, а в таком случае ни о каком ограничении самодержавия не могло идти и речи (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров). Отдельные консервативные авторы допускали наличие конституции в России, подчеркивая ее совместимость с самодержавной монархией (Н.А. Захаров).

7. В начале XX в. в рамках консерватизма возникло новое идейное направление. Его приверженцы отстаивали идеи национального представительства в органах государственной власти. Некоторые из них эволюциони-

ровали от юридических интерпретаций в духе традиционного консерватизма к полному отрицанию монархии, в том числе и уникальной русской (М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, А.И. Савенко). Проекты представителей этого направления предусматривали создание конституционного порядка, в котором доминирующее положение займет орган народного представительства, но сформированный на консервативном принципе. В нем произойдет «снятие» всех партийных противоречий и их место займет новая монополярная единая народная партия. Отдельные националисты оставались на более умеренных монархических позициях (Н.О. Куплеваский, В.А. Грингмут, В.Л. Величко, П.Ф. Булацель, К.Н. Пасхалов, А.И. Дубровин, А.Л. Щербатов).

8. Дискуссию либералов и консерваторов по поводу обновленных Основных государственных законов в Российской империи в 1905 – марте 1917 г. нельзя свести к традиционным разногласиям сторонников республиканской, конституционно-монархической или монархической форм правления. Ее содержание может быть раскрыто через концептуальное противостояние либералов, отстаивавших тотальное усовершенствование государственного аппарата при помощи четкой правовой регламентации, и консерваторов, выступавших против дальнейшего совершенствования правовых основ государственного управления, особенно в сфере политико-правовых функций самодержца. При этом не оформленное легально народное представительство у консерваторов принципиальных возражений не вызывало.

9. Правовые взгляды консерваторов на государственное устройство в начале XX в. определялись не только теоретико-идеологической позицией мыслителей, но и их биографической связью с конкретной территорией. Так, консерваторы Царства Польского выступали за федерализацию, Великого княжества Финляндского — за автономию, а представители Великорусских губерний — за унитарное устройство Российской империи. Отношение либералов к федерации и унитарному государству детерминировалось их взглядами на совокупность политических технологий и правовых методов управления применительно к конкретной территории.

10. Дискуссия либералов и консерваторов о местном самоуправлении велась в 1909 – марте 1917 г. в рамках вопроса о государственном устройстве в силу административно-территориальных и национальных особенностей империи. Так, о местном самоуправлении полемизировали: консерваторы-чиновники (И.Л. Горемыкин, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, Б.В. Штюмер), консерваторы, отстаивавшие идеи национального представительства в органах государственной власти (М.С. Андрейчук, В.Г. Амосенок) и консерваторы-дворяне (М.И. Драгомиров, А.А. Княжевич, П.Д. Святополк-Мирский). Идеиная дискуссия этих групп консерваторов велась по следующим вопросам реформирования местного самоуправления в Российской империи: социальная опора государства, система голосования, допуск различных групп населения к голосованию, способ интеграции органов местного самоуправления в имперскую администрацию. Консерваторы по данным вопросам противостояли либералам, все проекты которых предусматривали максимальную степень демократизации органов местного самоуправления. Различия либеральных проектов связаны исключительно с процедурой и способами взаимодействия местного самоуправления и органов государственной власти. По вышеуказанным принципиальным вопросам реформирования системы местного самоуправления согласие среди либералов было достигнуто (С.С. Крым, А.В. Новиков, К.К. Арсеньев, В.Д. Кузьмин-Караваев, И.В. Жилкин).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты комплексного диссертационного исследования, проведенного в контексте истории учений о праве и государстве, могут быть использованы для дальнейшего осмысления актуальных проблем организации государственной власти в России, а также способствовать выявлению особенностей и закономерностей формирования и развития теоретической юриспруденции в России.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что ее содержание и выводы могут использоваться в изучении отечественной политико-правовой традиции применительно к процессу развития российского

законодательства, а также в известных пределах в практике применения соответствующих норм конституционного, административного и муниципального права.

Результаты исследования могут оказаться востребованными в рамках преподавания таких юридических дисциплин, как теория государства и права, история государства и права России, история политических и правовых учений, история и методология юридической науки.

Основные положения работы и теоретические выводы могут быть приняты во внимание в ходе дальнейших общетеоретических, политико-правовых, историко-правовых, историко-теоретических и специально-юридических исследований организации государственной власти в России.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были обсуждены на заседаниях и методических семинарах кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», а также апробированы автором путем участия в международных научно-практических конференциях: VII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 15–18 апреля 2010 г.), VIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 14–17 апреля 2011 г.), Международной научно-практической конференции IV Саратовские правовые чтения «Современная юридическая наука и правоприменение» (Саратов, 3–4 июня, 2011 г.), Международной научно-практической конференции «Право и его реализация в XXI веке» (Саратов, 29–30 сентября 2011 г.), IV Международной научно-практической конференции «Политика и право в социально-экономической системе общества» в Институте стратегических исследований (Москва, 2–3 июля 2012 г.), Международной научно-практической конференции V Саратовские правовые чтения «Юридическая наука и правоприменение» (Саратов, 1–2 июня 2012 г.), XIII Международной научно-практической конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы

юридической науки» (г. Тольятти, 21–24 апреля 2016 г.), XV Международной научно-практической конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы юридической науки» (г. Тольятти, 20–21 апреля 2018 г.).

Структура и содержание диссертации обусловлены целью и задачами, объектом, предметом, теоретической и методологической основой научного исследования по истории учений о праве и государстве. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОЦЕНКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И КОНСЕРВАТИВНЫХ ПРАВОВЕДОВ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

1.1. Методологические подходы к исследованию государственной власти в российском либеральном и консервативном правоведении

Формирование и развитие методологических подходов к изучению государственной власти прослеживались в процессе реформирования юридического образования и науки. Сущность государственной власти изучалась в системе юридических наук: государственного права, энциклопедии права, общей теории права и т.д.

В 50–60-е гг. XIX в. юристы применяли в своих исследованиях исторический и догматический методы, что было вызвано господствующим влиянием в правоведении исторической школы права¹.

На основе университетских уставов 1835 и 1863 гг. развивается система юридических наук. Этому способствовало создание кафедр государственного права иностранных государств. В уставе 1884 г. университетам предписывалось создание кафедр общего и русского государственного права, которые впоследствии способствовали изучению системы государственного права в России и за рубежом.

Первый курс русского государственного права был создан И.А. Андреевским, затем Б.Н. Чичериным, а основания догмы государственного права были заложены А.Д. Градовским².

И.А. Андреевский подчеркивал, что государственное право есть наука юрико-политическая и вместе с тем историческая и философская. В каче-

¹ См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом институте. Б.м., Б.д. Издание кассы взаимопомощи студентов. СПб., 1912. С. 39.

² См.: Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. Б.м., Б.д. С. 7–12.

стве политико-юридической науки она проявлялась, если исследователь акцентировал внимание на изучении «законных начал», на которых строились отношения всех элементов в государстве. Государственное право изучалось с учетом исторических знаний о государстве. Вместе с тем в рамках данной науки вырабатывались свои философские начала¹.

А.Л. Блок дал обзор политической литературы в России и о России, акцентировав внимание на двух направлениях — славянофильстве и западничестве. Именно эти направления, с его точки зрения, способствовали осмыслению коренных основ, исторического развития и характера русской государственной жизни².

А.С. Алексеев писал, что наука государственного права должна стать подлинной юридической наукой со своим собственным объектом (положительное право) и догматическим методом исследования³.

Государство, по мнению М.И. Свешникова, это обширный вид соединения людей, а значит, оно может рассматриваться с различных точек зрения. Науки, которые изучают отношения власти к населению, могут быть названы политическими. В свою очередь, науки, изучавшие отношения внутри государства между индивидами и социальными группами, войдут в состав наук общественных. Отношения между различными индивидами, определение их взаимных прав и обязанностей составят предмет ряда юридических наук. Соответственно, с его точки зрения, для выяснения природы государства необходимо развитие юридических, социологических и политических наук.

Оценивая уровень развития западноевропейского государственного права, М.И. Свешников писал, что эта наука призвана изучать юридические отношения в государстве. Так, государство может быть рассмотрено с точки зрения его устройства, незыблемости начал и принципов, на которых строит-

¹ См.: *Андреевский И.* Русское государственное право. СПб., 1866. Т. I: Введение. Ч. I: О правительстве. С. 1.

² См.: *Блок А.Л.* Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884. С. 5.

³ См.: *Алексеев А.С.* Русское государственное право: конспект лекций. М., 1892. С. 8–11.

ся «политическое соединение», с точки зрения деятельности, а также начал и принципов, определявших его как действующую систему учреждений. Соответственно первый род отношений ведет к установлению государственного права, а второй — к формированию науки административного или полицейского права. М.И. Свешников оценивал государственное право в качестве «юридико-политической» науки¹.

С.М. Прутченко считал, что направления в области мысли, изучающей отношение государства к праву и их взаимодействие, обусловлены самыми сложными влияниями в прошлом и настоящем, происходившими из самой жизни, для служения которой предназначено государствоведение².

В.М. Гессен критически относился к динамике развития науки государственного права. С его точки зрения, «историко-философо-политический метод», господствовавший в ней, не способствовал точному анализу юридических отношений и их возведению к основным принципам.

Сторонники классической школы публичного права в значительной степени обращались к изучению того, что должно быть, а не того, что есть. Соответственно, вместо системы действующего права предлагалось философское построение истинного государственного права или политические рассуждения о целесообразности в праве.

По мнению В.М. Гессена, государственное право как юридическая наука было призвано изучать «правовое начало» государственного устройства и деятельность государства, но политическая сторона публично-правовых вопросов была слишком сильна, чтобы ее можно было игнорировать³.

¹ См.: *Свешников М.И.* Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896. С. 111–112.

² См.: *Прутченко С.М.* Современные направления науки государственного права в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1896. Т. 307. Сентябрь. С. 204.

³ См.: *Гессен В.М.* О юридическом направлении в государственном праве. СПб., 1897. С. 5–6, 13, 18–19.

В контексте вопроса о кризисе в науке государственного права Н. Тоцкий рассмотрел историю ее формирования, а также направления развития и пути выхода из сложившейся ситуации. С его точки зрения, политические отношения лишь тогда становятся правовыми (публично-правовыми), когда они рассматриваются их участниками в соотношении. И все же политические отношения не всегда в истории были правовыми, но часто носили характер фактический. Политические отношения есть «хаос неопределенно-изменчивых отношений», чуждый взгляду юриста, дающего «систему неизменно и постоянно должного»¹.

С точки зрения Н. Тоцкого, школа естественного права своей рационалистической концепцией юридической связи социальных атомов-индивидов дала государственному праву принципиальную основу, а политические учения ее представителей предоставили первую догму публичного права (Г. Еллинек). Н. Тоцкий критиковал попытки многих исследователей сблизить в оценке государства метод догматизации положительного права с рационалистическим методом школы естественного права.

«В юридической школе государствоведения» различались два направления: во-первых, применявшее догматизацию публичного положительного права, во-вторых, осуществлявшее конструирование общего учения о государстве. В научной литературе Германии и России обсуждался вопрос о необходимости привнесения в юридическую конструкцию политических идей, вызванных потребностями жизни. Догматика права интересует лишь его нормативное содержание².

Политическое учение составляет идейную сущность положительного права. Догматика положительного права чаще всего носит консервативно-политический характер, а работа конструктивиста, напротив, имеет творче-

¹ Тоцкий Н. Кризис в науке государственного права. СПб., 1914. С. 7–8.

² См.: Там же. С. 18–20, 24.

скую и прогрессивную направленность, что возможно только в условиях провозглашения новых политических принципов¹.

Исследование догмы права с точки зрения юридического метода не требовало от юриста этической оценки справедливости системы в целом и отдельной правовой нормы в частности. Развитие догмы положительного государственного права связано с проникновением принципов естественно-правовой школы в положительное право, соответственно политические отношения стали публично-правовыми. Этим процессам в странах Западной Европы способствовали революционные события и первая Конституция во Франции, так как только в этот момент догматик видел в политических отношениях легально признанное право и соответственно изучал положительное право. Как считал Н. Тоцкий, в XIX в. в странах Западной Европы произошли принципиальные изменения «начал государственного строя». Принципы публичного права постепенно проникали во все государства, и к началу XX в. право окончательно было признано основой политических отношений. Современные государства стали именовать правовыми².

Формирование догмы конституционного права значительно затруднялось в условиях революций и переходных периодов. Обращаясь к вопросу о теории, политике и догматике государственного права, Н. Тоцкий писал, что в Германии традиционно догматика положительного права стремится к обособлению от истории, статистики и политики. «Историк и статистик имеют дело с реальностями, а публицист и политик с возможностями»³. Отличие политики от догматики проявлялось в соотношении вопросов о легальности и целесообразности соответствующих правовых норм: *delegelata* и *delegeferenda*. Юристы часто смешивали элементы догмы, политики и теории⁴.

Государственно-правовая теория должна развиваться в соответствии с политической действительностью. Политика признает право не как суще-

¹ См.: Там же. С. 26.

² См.: Тоцкий Н. Указ. раб. С. 31–33.

³ Там же. С. 54–57.

⁴ См.: Там же.

ствующее, а как должное. Политики рассуждают о правомерности включения политических и исторических элементов в догму права¹.

В государственном праве А.С. Алексеев различал науку общую и особенную. Общее государственное право призвано изучать основные юридические принципы государственной жизни народов. С его точки зрения предметом особенного государственного права является положительное государственное право одного народа. Особое внимание автор уделял истории политических учений в странах Западной Европы и России и лишь затем обращался к изложению догмы государственного права².

В.Г. Гессен писал, что в Германии первой половины XIX в. в качестве самостоятельных отраслей государственной науки различались общее (философское) государственное право и общее учение о государстве и политике. Исследование государственного права в рамках естественно-правовой доктрины приобретает цивилистический характер. Под влиянием исторической школы права просматривается эволюция науки государственного права от рационализма к позитивизму.

Усиление догматических элементов в науке положительного государственного права способствовало эволюции от политики к догме в науке общего государственного права. Повсеместное установление конституционного строя послужило причиной сравнительного изучения государственного права различных государств. Зарождается теория конституционного права как синтез государственно-правовых начал. С окончательным утверждением конституционализма особое значение приобретает именно теория конституционного права³.

В.М. Гессен писал, что, по мнению В.И. Сергеевича, до тех пор, пока наука общего государственного права носит политический (естественно-правовой) характер, ее обособление от науки политики не возможно. Эти

¹ См.: Там же. С. 62–65, 115.

² См.: *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Конспект лекций. М., 1892. С. 8–11.

³ См.: *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. Лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом институте. СПб., 1912. С. 13–17.

науки и по предмету «науки политики», а не догмы. Политика выдвигается на первый план в момент целесообразности, а общее государственное право — в момент торжества права. Кроме того, наряду с теорией конституционного государства, по сути, наукой теоретической может и должна стать наука политики государственного права. Однако в начале XX в. такой самостоятельной политической науки не существовало. Политические элементы просматривались в догматической науке государственного права¹.

Догматическое исследование вопросов положительного государственного права, по мнению В.М. Гессена, встречает серьезные препятствия в недоступности для науки проектов законодательных работ. Что касается политического осмысления вопросов государственного права, предполагающих свободную оценку его правовых институтов с точки зрения их соответствия коренным принципам правосознания, то для этого, с точки зрения В.М. Гессена, время не пришло.

Многие исследования вопросов государственного права носили историко-правовой характер (И. Андреевский, Б.Н. Чичерин и т.д.). В частности, А.Д. Градовский построил свои работы на основе сочетания истории и догмы государственного права.

Под влиянием юридического направления в области публичного права Германии в отечественной научной литературе конца XIX – начала XX в. появляются системы государственного права, носившие догматический характер (Н.М. Коркунов, А.А. Алексеев и др.).

Как считал В.М. Гессен, в зависимости от характера положительного права страны в исследованиях системы государственного права преобладает исторический, политический или догматический метод. В более или менее отдаленном будущем государственное право вступит в период преобладания

¹ См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом институте. СПб., 1912. С. 18–19.

политического метода и только затем наступит время плодотворного его догматического осмысления¹.

Государствоведы XIX в. подчеркивали исключительность монархического принципа, изучали его историю, но не дали ему оценку и не разработали рекомендации, призванные указать пути его самостоятельного развития. В России наука государственного права не шла впереди существующего строя, так как это было невозможно в условиях абсолютной монархии. Политическая реформа 1905–1906 гг. внесла изменения в основные понятия государственного строя, которые, по мнению Н.А. Захарова, в Основном государственном законе Российской империи изложены в форме компромисса между отечественными и западными принципами построения системы органов государственной власти. Правоведы не сошлись на общей формулировке понятия государственного строя в связи с наличием многих неясностей в законе и неурегулированности различных сторон жизни, что вызывало потребность в стройном и ясном изложении его правовых основ, в установлении правильно работающего государственного механизма. С его точки зрения, во второй половине XIX – начале XX в. теория государственного права являлась продуктом учений о государстве западных мыслителей, поэтому ставила на первое место не конституцию порядка, а конституцию власти².

В.М. Гессен писал, что наука государственного права изучает государство только с правовой точки зрения, которой проникнуто государственное устройство и деятельность государства³.

В России юристы постигали науку права, где центральное место занимало понятие права с многоаспектным содержанием. Развитию правопонимания способствовало возникновение таких наук, как энциклопедия права, история философии права и общее учение о праве. Общая теория права воз-

¹ См.: См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом институте. СПб., 1912.. С. 39–42.

² См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. М., 1912. С. 95–111.

³ См.: Гессен В.М. О юридическом направлении в государственном праве. СПб., 1897 С. 13.

ника на основе энциклопедии и истории философии права. Энциклопедия права — это обозрение всех юридических наук. История философии права являлась наукой о поступательной и преемственной зависимости правопонимания сменявших друг друга эпох. Общая теория права была призвана стать общей для всей юридической науки¹.

Указанные науки о праве способствуют развитию не только правопонимания, но и формированию подходов к изучению государства (М.Н. Капустин, Н.К. Ренненкампф, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, Н.И. Палиенко, Г.Ф. Шершеневич, Н.Н. Алексеев)².

М.Н. Капустин, рассматривая соотношение истории, догмы и политики права, рассуждал о закономерностях развития общественного порядка. С его точки зрения, политика действует во имя постепенного развития, охраняя существующие силы (консерватизм) и давая место новым (либерализм). Реформами политика предупреждает потрясения общественного порядка и, противодействуя частым переменам, придает ему прочность³. По мнению ученого, существование положительного права в той или иной форме было возможно в каждом обществе, в котором признается власть. От характера власти зависит и характер права. Между властью и законом происходит постоянное взаимодействие, и по мере юридической определенности власти становится более определенной формальная сторона закона. Особое внимание М.Н. Капустин уделяет вопросу участия членов общества в издании законов⁴.

Именно в рамках учения об источниках (формах) права Н.А. Гредескул акцентировал внимание на процессе формирования права в рамках деятельности органов государственной власти. Порядок издания законов связан с ор-

¹ См.: *Лебедев В.И.* Общая теория права. Популярные лекции для самообразования. Лекция I. Введение. СПб., 1903. С. 2–3.

² См.: *Гредескул Н.А.* Лекции по общей теории права. Лекция, читанная в С.-Петербургском Политехническом институте на первом курсе Экономического отделения в 1908–09 году. СПб., 1909. С. 9.

³ См.: *Капустин М.Н.* Теория права. Юридическая догматика. М., 1868. Т. 1. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 140–141.

ганом государственной власти, его издающим: абсолютным монархом или выборными представителями народа. Автором закона в государствах с конституционным устройством могли быть две (или одна) палата, кроме того, глава государства. Постепенно формируется порядок издания законов, но в условиях монархии этот процесс затруднялся именно объемом власти главы государства. С его точки зрения, при абсолютизме попытки создать определенный порядок издания законов были более или менее неудачными. В условиях конституционного государства этот процесс получил надлежащую устойчивость. Н.А. Гредескул акцентировал внимание на изучении порядка издания законов в конституционных государствах. Теоретика права интересовали сущность, содержание и формальная сторона Основных государственных законов¹.

В рамках юридической энциклопедии Н.К. Ренненкампф рассматривал вопрос о соотношении права и государства, особое внимание уделяя проблеме понятия и происхождения государства, основных элементов государства: территории, народа и государственной власти, а также формах государственного устройства²

Н.М. Коркунов изучал в общей теории права общественные условия его развития, рассматривал теории развития общества и государства, классификацию государств, проблему соотношения государства и права³.

Основные направления в понимании государства и права сложились в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском и Киевском университетах, причем формирование и развитие правоведения в них не всегда можно однозначно соотнести с конкретной научной школой или направлением.

Так, государственная школа права, возглавляемая А.Д. Градовским, существовала при Санкт-Петербургском университете.

¹ См.: Гредескул Н.А. Указ. раб. С. 216–218, 223.

² См.: Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб., 1913. С. 37–44.

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Б.м., Б.д. С. 235, 255.

Казанский университет стал оплотом юридического позитивизма благодаря научной деятельности и наследию профессора Г.Ф. Шершеневича.

Социологическое направление получило развитие в Санкт-Петербургском (Н.М. Коркунов) и Московском университетах (С.А. Муромцев). В этих учебных заведениях работал М.М. Ковалевский, который развивал государственно-правовые идеи с позиции социологического направления.

Возрожденная школа естественного права и интерпретация права и государства в рамках гегелевской философии сосредоточились исключительно в Московском университете. Естественное-правовое направление в его светском прочтении было представлено П.И. Новгородцевым, а в религиозном — Е.Н. Трубецким.

Сторонники гегелевской методологии объединялись вокруг представителя школы государственного права Б.Н. Чичерина.

Психологическая теория права развивалась на базе Харьковского и Киевского университетов (Н.И. Палиенко, Л.И. Петражицкий).

Л.И. Петражицкий и Г.Ф. Шершеневич (после перейдет в Московский университет) перебираются в Санкт-Петербург из-за карьерных соображений, собирая вокруг себя учеников и последователей через публичные выступления и академические семинары.

Идеократические и теологические теории государства и права не занимали господствующего положения в академической среде, а сосредотачивались в Императорском училище правоведения (П.Ф. Булацель) и становились популярными зачастую у людей, не имеющих юридического образования (например, Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев).

В контексте государственной школы права само государство как объект изучения приобрело историческое и политическое измерения. Было решено отказаться от исследования идеальной формы государства, идеальных форм прогресса и перейти к исследованию форм прогресса реального. Наука, с точки зрения А.Д. Градовского, должна иметь доступ к практическим проблемам и вопросам жизни государства, то есть государству как политическо-

му институту, и участвовать таким образом в политической жизни общества. Политическая и правовая теория не должны более основываться на вечных и абсолютных началах разума, которые требуют совершенной формы государства. Соответственно государство как политический феномен организации власти в обществе должно исследоваться в историческом контексте определенного пространства и времени. Ни одна из его форм не может рассматриваться как состоявшаяся и окончательная правовая и политическая конструкция. Отрицание застывшего состояния и признание исторического прогресса должно было составлять основу политической философии¹.

Представители государственной школы права настаивали на том, что вопросы юридической организации формы государственного устройства утратили в XIX столетии приоритетный характер, так как на первое место выдвинулись вопросы практической необходимости, то есть задачи государственной деятельности и формы их осуществления².

Государственная школа права связана с адаптацией политико-правовых идей Г.В.Ф. Гегеля к российской юридической науке и оценке организации государственной власти в контексте особого понимания истории как последовательных этапов развития с последующим синтезом. Соответственно ни один из элементов человеческой жизни (семья, гражданское общество, церковь, государство) не имеет полного самостоятельного значения, но является определенной ступенью, ведущей к более высоким формам организации бытия. Этапы поступательного развития истории реализуются через человека и его деятельность. Поэтому существование исключительно юридической идеи формы государства невозможно, так как она непременно базируется на историческом фундаменте, хотя государство и является высшей ступенью и фор-

¹ См.: Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная в годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года // Собрание сочинений: в 9 т. 1899. Т. 1. С. 22–36.

² См.: Там же. С. 31.

мой организации человеческого общества, которое подчиняет себе юридически все другие союзы¹.

Сущность государственной власти и особенности ее организации постижимы только на последующей стадии исторического развития государства и права, так как смысл всей истории постижим только после ее завершения. Формы государства связывались в данном течении с идеей государственных учреждений как учреждений всеобщего характера, подчеркивающего предварительный характер других учреждений. Связующим звеном между всеми частями общества в широком смысле слова должен был стать закон, имеющий не только юридическое, но и нравственное значение, так как он устанавливал логическое преобладание всеобщего интереса над частным, что соответствует требованиям нравственности. Кроме того, законом ограждается свобода частного лица, чего требует не только нравственность, но и право². Поэтому, несмотря на выделение государства как особой сферы человеческой жизни, оценка государственной власти проходила в тесном соединении с идеями нравственного развития и поступательного хода мировой истории, в котором государство не всегда выступало активной движущей силой.

Светская интерпретация естественно-правовой теории в исследуемый период была связана с новым витком интереса к философии И. Канта. Сторонники данного подхода провозглашали необходимость применения априорной кантовой методологии с идеальными стремлениями и признанием самостоятельного значения за нравственным и нормативным началами в понимании права и государства (П.И. Новгородцев).

Главное в правовой науке согласно указанному направлению — это этический критицизм, фундамент которого заложен в работе И. Канта «Кри-

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. М., 2005. С. 784–801.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Общее государственное право // Курс государственной науки: в 3 т. М., 1894. Т. 1. С. 5–21.

тика практического разума», где любой факт, в том числе и юридический, должен оцениваться с этической точки зрения¹.

Акцент при изучении юридической жизни человека делался на отношения между личностью и обществом, через актуализацию понятия абсолютной свободы. Следуя в контексте персоналистическо-этической трактовки права И. Канта и последующих разработок неокантианцев, было предложено расширить понимание правовой сферы за пределы формально-юридических норм. Формирование основных положений естественно-правового направления происходило в противостоянии юридическому позитивизму и социологической школе права, которые упраздняли традиционные этические вопросы и сводили проблемы государства, его формы и права к историческим традициям и социальным связям.

Представители данного направления считали, что историзм лишь кажущимся образом решает проблемы естественного права, так как он был не в состоянии раскрыть проблемы природы нравственности с исторической и генетической точек зрения.

Естественное право понималось не в контексте исторической эволюции, а как неотъемлемое и вечное право человеческой личности, которое имеет характер абсолютной ценности и нравственную природу, определяется как совокупность нравственных представлений о праве, но не позитивном, а должном, то есть как идеальная конструкция будущего и этический критерий для оценки существующего, независимо от фактических условий правообразования². Поэтому вопрос о праве вообще и естественном праве в частности должен с неизбежностью подводить к вопросу об этическом начале³.

Идеализм позволял по-новому оценить вопросы теории и практики в юридической науке. При этом постулировалась несводимость права и нравственности друг к другу, но устанавливалась связь обоих начал на основе

¹ См.: Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. М., 1904. С. 12, 110.

² См.: Новгородцев П.И. Ответ Л.И. Петражицкому // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. 66. С. 129.

³ См.: Новгородцев П.И. Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. 64. С. 825.

естественно-правовой идеи. Такое положение определяло принципы нравственной критики позитивного права при толковании естественного права как особой части моральной философии. Понимание нравственности как закона и явления каждой человеческой жизни как абсолютной ценности, опирающейся на постулаты «Критики практического разума», погружало право в плотную среду моральных норм и позволяло стоять на независимой критической позиции по отношению к окружающей социальной жизни. Проблемы естественного права трактовались как проблемы будущего права, которое являлось результатом не только естественного развития, но и идеи должного и нравственного закона¹.

Сторонники естественно-правовой теории считали позитивизм законодательно оформленным властным произволом, так как основой права считались распоряжения государственной власти. По их мнению, не сила, а независимость правовых норм от государственной власти должны быть основой государственной жизни и науки.

Государственную науку необходимо преобразовать на основе идей естественно-правовой теории. Они должны состоять в признании того, что над государством находятся некие высшие нормы, которым оно обязано подчиняться и находить целеполагающие основы для своей деятельности. По отношению к этим нормам государство выступает лишь исполнителем, но никак не создателем. Этические нормы, которые возвышаются над государством, не являются продуктом его деятельности, а следовательно, не могут быть созданы его властью. Они выступают как принципы естественного права, ограничивающие государство в его деятельности. Пределы государственной власти, предусмотренные естественно-правовой конструкцией государственной науки, позволяют определить, насколько конкретное государство соответствует принципам правопорядка².

¹ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 282–294.

² См.: *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн.75. С. 507–538.

Указанные принципы пронизывают все вопросы государственной науки, которые представляются основополагающими принципами государственного строительства и не могут рассматриваться изолированно (сугубо юридически) от фундаментальных этических естественно-правовых принципов.

Христианское направление естественно-правовой школы (Е.Н. Трубецкой) не противоречило в целом основным постулатам ее светской интерпретации. Представители указанного течения искали основы естественно-правовых фундаментальных этических принципов в христианском учении, опирались на Священное писание и существующие богословские философские концепции христианского толка. Зачастую, представляя свои концепции в форме теодицеи, они включали в нее и вопросы о государственном устройстве¹.

Представители психологической школы (Л.И. Петражицкий, Н.И. Палиенко), которую также принято рассматривать как особое ответвление естественно-правовой теории, сознательно отказывались от юридико-догматического метода как не объясняющего вопросы возникновения и развития государства и права и опирались на дедуктивно-аксиологический метод.

Сторонники Л.И. Петражицкого критиковали догматическую практику формирования понятий и категорий для описаний всех объектов современной им юридической науки, таких как государство, его организация (форма) и право. С их точки зрения, при описании правового отношения обнаруживается несостоятельный наивно-реалистический подход, который описывает правоотношение, в том числе и государственное, как некоторую вещь, а не связь между субъектами права и обязанности².

За попыткой дать определение любого понятия государства или права стоит методологическое заблуждение, основанное на некритической вере в то, что раз есть какое-либо слово, то непременно должен быть объект, соот-

¹ См.: *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 200–228; *Его же.* Смысл жизни. М., 1918 С. 2–36.

² См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 279–280.

ветствующий ему, класс предметов. И вот этот класс предметов и является подлинным объектом юридической науки. Поэтому необходимо сначала методически выделить определенный класс предметов, которые будут исследованы, избегая по возможности уже существующего юридического языка как вводящего в заблуждение. Следует разделять вопросы образования общих понятий науки и именования этих понятий, что должно привести к большему соответствию между понятиями и мыслями¹.

Представители юридического позитивизма (Г.Ф. Шершеневич, Н.К. Ренненкампф, М.Н. Капустин) полагали, что основным делом теоретических юридических дисциплин (философия и теория права) является исследование понятий, лежащих в основе всех юридических дисциплин. При этом предлагалось сделать упор на догматическое исследование ключевых понятий юридической науки: права, государства, субъекта права, правоотношения и т.д.

Позитивисты выступали против внедрения методов из других смежных гуманитарных дисциплин, таких как социология, полагая, что подобная практика приведет к нивелированию юридических наук и не позволит выделиться тем особым типам исследования, которые присущи только им. Задача же теоретических юридических дисциплин состояла в выработке понятий, на основе которых будет сформировано представление о должном преобразовании существующего юридического порядка. При этом указывается, что юристы, используя достижения других гуманитарных дисциплин и даже философии права, не должны забывать, что применять их необходимо только в тесном соединении с методами практических юридических наук. Если эту рекомендацию не соблюдать, то будет происходить умножение теоретических конструкций, не представляющих никакого практического интереса, то есть бесполезных для прикладной юриспруденции².

¹ См.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. С. 59–86.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 1907. С. 8–32.

Несмотря на то, что позитивисты представляли себя как сторонников сочетания разных методов — методологического плюрализма, большинство из них склонялись к признанию догматического метода как наиболее органичного для изучения государства и права. Выделяя социологический, исторический, критический методы исследования, позитивисты предполагали, что их использование может принести науке скорее вред, чем пользу, и это всегда определенный риск. Догматический метод понимался юристами как систематическое изложение действующих норм права в данное время в известное стране¹ и представлял собой сочетание формально-логических и герменевтических методов интерпретации существующих юридических текстов при максимальном исключении всяких контекстов (социальных, политических и др.). В работах указанного направления прослеживается определенная логика в понимании места государствоведа и правоведа среди других ученых-гуманитариев. С их точки зрения, изучение государства и права в рамках юридических дисциплин предполагает их постепенное обособление от остального комплекса наук об обществе и государстве на основе юридической догматики.

В социологическом направлении (М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов) была произведена смена привычных теоретических основ юридической науки. Фундаментальной обобщающей наукой была названа социология, которая должна была заменить философию. Социология постепенно перестала пониматься только как наука о социальном порядке и социальной организации, а стала восприниматься как наука о социальной организации и социальных изменениях, сквозь методологическую призму которой должны рассматриваться все явления общества, включая государство и право.

Произошел отказ от понимания общественного развития как односторонне прогрессивного. Задачей социологии соответственно стало изучение коллективных образцов сознания (менталитета) в контексте их организации и

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве*. М., 1911. С. 151.

эволюции. Социология должна выделять основные направления развития исследуемого социума, абстрагируясь от множества конкретных фактов, тем самым объясняя причины социальной стабильности и социальных изменений¹. При этом М.М. Ковалевский уточнял, что когда социология берет на себя подобные задачи, могут возникнуть проблемы в определении границ поля ее исследования. Проблема была решена при помощи заявления о самостоятельности фундаментальных предпосылок социологии, которые не должны заимствоваться из других социальных наук². Конкретные социальные науки, поставляющие эмпирический материал для выводов общей социологии, тем не менее, должны сами базироваться на общих законах развития социума, которые формулирует общая социология³.

Социология при этом является не только описательной наукой, но и наукой социально-политической. Только социология способна раскрыть причины прогресса обществ и их отношения друг к другу, а также найти критерии для определения ценности позитивных законов⁴, то есть всех основных законов, которые устанавливают организацию общества и государства, законов как писанных, так и не писанных.

Фундаментальные социологические законы могут быть выявлены путем сравнения процессов изменения, происходящих в нескольких различных обществах. Однако существуют основополагающие правила такого сравнения. Так, сравнительная история институтов (государство как один из них) должна иметь дело только с фактами, которые соотносятся с прошлым, настоящим и коллективными образцами сознания, в том числе и правового, которые были зафиксированы среди исследуемого народа.

Факты, которые добыты эмпирическим путем исследования, должны быть изучены с учетом их принадлежности к той или иной стадии развития

¹ См.: Ковалевский М.М. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии // Социология: в 2 т. СПб., 1910. Т. 1. С. 9–15.

² См.: Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1905. С. 286–290.

³ См.: Ковалевский М.М. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии // Социология: в 2 т. СПб., 1910. Т. 1. С. 30.

⁴ См.: Там же. С. 50–68.

социума. Например, в ходе исследования необходимо уточнить, принадлежат они современному этапу развития этого общества или являются пережитками прошлого, или предвестниками грядущей неизвестной стадии его развития¹.

Сравнение и систематизация однотипных фактов предполагает теоретическое формулирование определенных стадий развития, то есть задания некоторого предварительного шаблона. Сложность исследования возрастает, когда у современного народа необходимо увидеть черты, присущие ему на очень давней стадии его развития, а также необходимо исследовать функции социального института².

М.М. Ковалевский писал, что другая опасность основана на использовании готовых образцов мышления. Наконец, необходимо допускать возможность вариаций для тех или иных стадий развития общественных и государственных форм, а также форм коллективных образцов мышления. Поэтому, исходя из основных постулатов, социологического направления, традиционное исследование государства и всех феноменов, с ним связанных, представлялось его последователям бессмысленным и даже весьма вредным заблуждением³. Соответственно догматический метод, с точки зрения М.М. Ковалевского, не способен объяснить в юридической науке логику и стадии развития государства как социального института, а также выявить степень влияния на него всевозможных групп людей. Этот метод применим лишь в качестве вспомогательного основания исследований государства, на котором можно выстроить перспективное направление для понимания социальной реальности.

Итак, в процессе разграничения политической и юридической науки одна группа исследователей государства и права второй половины XIX – начала XX в. полагала, что юридическая наука есть наука синтетическая, то

¹ См.: Там же. С. 104–105.

² См.: *Ковалевский М.М.* Генетическая социология или учение об исходных моментах развития семьи, рода, собственности, государственной власти и психической деятельности // *Социология*: в 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 18–20.

³ См.: *Ковалевский М.М.* Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии // *Социология*: в 2 т. Т. 1. С. 87–90.

есть соединяющая в себе несколько различных методологических подходов к объекту исследования (И.А. Андреевский, М.И. Свешников, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев и др.). Другая группа ученых предполагала в качестве своего собственного объекта положительное право, изучаемое преимущественно при помощи догматического метода (А.С. Алексеев, Г.Ф. Шершеневич, Ф.Ф. Кокошкин и др.). И все же даже они иногда утверждали, что политический элемент в объекте исследования очень силен и вряд ли можно говорить об окончательном его исключении из юриспруденции (В.М. Гессен). Особая роль догматического метода в исследовании организации государственной власти признавалась только в рамках юридического позитивизма (Г.Ф. Шершеневич).

1.2. Особенности разграничения либеральной и консервативной политико-правовой мысли в России

Представления об организации государственной власти формировались и развивались в отечественной политической и юридической научной литературе второй половины XIX – начала XX в., прежде всего, в рамках таких идеологий, как либерализм и консерватизм. Важная особенность полемики либералов и консерваторов на протяжении исследуемого периода состояла в подвижности критериев, по которым сами участники разграничивали друг друга. Во второй половине XIX в. происходила кристаллизация сущностных признаков консерватизма и либерализма в России, а в начале XX в. продолжалась дальнейшая эволюция этих направлений, по-новому определившая критерии разделения идейных противников.

В процессе развития противостояния по вопросам организации государственной власти в России можно выделить такие направления консерватизма, как славянофильский, государственнический, идеократический, бюрократический, почвеннический, националистический, аристократический. Либерализм же формировался как государственное, земское, конституциона-

листское, аристократическое и социальное направления. Все указанные разновидности обоих направлений развивались на всем протяжении второй половины XIX – начала XX в., вырастали одно из другого, изменяя критерии, по которым их можно было отличить друг от друга. При этом современники очень часто сами затруднялись в определении критериев, в соответствии с которыми можно было бы отделить либералов от консерваторов. Так, известный мыслитель П.Н. Ткачев писал: «...Понятие о либерализме и консерватизме утратило всякую точность и всякую ясность...никто теперь не в силах определить не только где кончается либерализм и начинается консерватизм, но и самые общие признаки, отличающие первый от последнего»¹.

В условиях цензуры в политической и юридической литературе изучались преимущественно вопросы, касавшиеся теоретического осмысления форм правления и государственного устройства. Реформы, направленные на либерализацию общественных отношений, предпринятые Императором Александром II в 60–70-е гг. XIX в., дали юристам возможность принять участие в обсуждении наиболее актуальных аспектов политико-правовой реальности в России. В конце XIX в. в обществе активизировались не только либералы и консерваторы, но и многочисленные социалистические и националистические движения, как общероссийского, так и регионального масштаба. И все же большинство выдающихся законоведов, энциклопедистов, философов права и государства, теоретиков и историков права, а также государствоведов являлись либерально или консервативно настроенными сотрудниками ведущих российских университетов.

Политические и юридические исследования государственной власти проводились в России второй половины XIX – начала XX в. с учетом теоретико-методологических подходов, выработанных либерально и консервативно настроенными мыслителями стран Западной Европы: А. Смитом, Э. Берком, Алексисом де Токвилем, Дж. Ст. Миллем, Б. Констаном, Жаном де

¹ Ткачев П.Н. Принципы и задачи современной критики // Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 37.

Местром, Луи де Бональдом, Ф. Ю. Шталем, Л. фон Герлахом, А. Мюллером¹.

В рамках политико-правовых исследований российские мыслители давали свою интерпретацию феноменам либерализма и консерватизма. Так, в 1862 г. один из ведущих представителей отечественной политической и юридической науки Б.Н. Чичерин различал такие виды либерализма, как уличный, оппозиционный и охранительный. И только охранительный либерализм, помимо свободы признававший необходимую объективность исторического порядка, способен свои теоретические построения продуктивно сочетать с имеющейся исторической ситуацией².

В противоположность данной точке зрения А.Д. Градовский не подразделял либерализм на подвиды, а рассматривал его как западноевропейское течение, которое развивает буржуазия в процессе борьбы с абсолютизмом. Это политическое течение, по его мнению, желает покончить со средневековым корпоративным наследием и организовать общество на началах крайнего индивидуализма, что, безусловно, ошибочно и категорически неприемлемо для России³.

Другой исследователь указанных явлений, М.П. Драгоманов характеризовал либерализм как общее течение, целью которого являлось развитие личной свободы. Соответственно он не делал теоретических классификаций либерализма, так как под это понятие подпадали самые разнообразные тече-

¹См.: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007; Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897; Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863; Местр Ж. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007; Чичерин Б.Н. История политических учений. СПб., 2010; Милюев В.А. Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2006.

²См.: Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 185–205.

³См.: Градовский А.Д. Политические теории XIX столетия // Собрание сочинений: в 9 т. СПб., 1907–1908. Т. 3. С. 3–271.

ния, начиная от земских деятелей и заканчивая польскими борцами за независимость¹.

Л.А. Тихомиров выделял общее течение, которое он называл демократизмом, и подразделял его на два вида — либеральный и социальный. Либеральный демократизм, по его мнению, возник и развился из французского Просвещения в первой половине XIX в. При этом он опирался на христианские идеи. Например, идея прав человека и равенства, основывалась на христианской идее равенства всех перед Господом, а также наличия у каждого человека индивидуальной и уникальной души.

С точки зрения Л.А. Тихомирова, в либерализме место Бога ошибочно занимает самодостаточная личность, которая не может образовать более высокое духовное единство, а создает общество атомарных индивидов, где правит эгоизм, который подтачивает социальные основы и в перспективе ведет к гибели как индивида, так и общества. На смену либеральному демократизму в конечном итоге приходит более разумный социальный демократизм, который признает наличие самостоятельно существующего общества и ответственности личности перед ним. Однако в его основе сохраняется светское бездуховное начало, поэтому и социальный демократизм не может, по мнению Л.А. Тихомирова, стать полноценным учением².

В.Л. Львов-Рогачевский рассматривал российский либерализм как единый феномен, прошедший несколько стадий формирования и развития:

- 1) дворянский либерализм 40–50-х гг. XIX в. характеризуется им как юношеское увлечение дворян иностранными теориями, обязательно проходившее с вступлением дворянина в брак и во владение поместьем;
- 2) земский либерализм, который наиболее приближался к западному образцу и отражал идеологию собственников как основы общества;

¹ См.: Драгоманов М.П. Указ. раб. С. 8–11.

² См.: Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. М., 1896. С. 16–19.

3) либерализм земского «Союза союзов» перед созывом Государственной думы рассматривался как промежуточный и потому не имел четких структурных параметров;

4) кадетский либерализм характеризовался как полноценный парламентский тип либерализма, в отличие от классического уже уделявший внимание социальным вопросам¹.

В свою очередь феномен консерватизма отечественные исследователи видели как менее разделенный на направления. Слова «консервативный» и «охранительный» зачастую употреблялись как синонимы. Так, Б.Н. Чичерин рассматривал охранительное движение как неотъемлемо присущее любому политическому порядку. Его задачу он видел в укреплении организации и сдерживании от чрезмерного увлечения изменениями, так как прогрессивные течения сами по себе неспособны создать устойчивого порядка. При этом охранительное течение должно уметь уступать разумным требованиям времени и не держаться за отжившее.

Б.Н. Чичерин воспринимал попытки возрождения в России французских охранительных теорий 20-х гг. XIX в. как «чистое безумие». По его мнению, основная задача охранительного течения — это забота о «сверхличных сообществах», таких как семья и государство².

Аналогично видел задачу охранительного политического течения А.Д. Градовский. Наличие в России лишь реакционеров и революционеров он объяснял слабостью среднего класса, интеллектуального ядра, от которого и проистекает слабость всего государственного устройства. Он считал охранительное течение неотъемлемо присущим любому развитому политическому порядку, который должен отказаться лишь от устаревших его составляющих, обязательно сохраняя все живое и самобытное³.

¹ См.: *Львов-Рогачевский В.Л.* Наши политические партии. Либералы. М., 1917. С. 10–35.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 145–185.

³ См.: *Градовский А.Д.* Что такое консерватизм? // Собрание сочинений: в 9 т. СПб., 1899. Т. 3. С. 313–346.

Ю.Ф. Самарин как один из лидеров славянофилов рассматривал консерватизм как неотъемлемую составляющую развитого политического порядка, только распределял его по социальным группам (дворянство, купечество, крестьянство), утверждая, что каждой из них присущи некоторые особенности охранительного порядка, которые, однако, не мешают образовывать им единое консервативное начало¹.

И все же с развитием политической жизни в России стали предприниматься попытки разграничения консервативных течений. Так, П.Д. Носков предлагал различать охранительные и реакционные группы консерваторов. Охранительные группы согласно данной классификации, характеризуются нечеткостью политических постулатов, требованиями свободной хозяйственной жизни без умаления прерогатив государства, местного самоуправления, даже для инородцев, пусть и с некоторыми ограничениями, а также решением земельного вопроса в духе классического права собственности. К таким группам он относил, например, «Союз 17 октября» и «Партию правового порядка». Реакционными, с его точки зрения, являлись партии, выступавшие с требованиями ликвидации последствий реформ 1905 г., то есть всевозможного подавления и ограничения конституционного пути развития государства².

В свою очередь К.Ф. Головин вопреки изменениям общественно-политической жизни продолжал настаивать на универсальном характере консерватизма, который всегда сплачивает общество после потрясений, вызванных борьбой сословий, классов или партий³.

В советской и современной обществоведческой науке прослеживаются два подхода к пониманию таких социокультурных феноменов, как либерализм и консерватизм. Сторонники первого подхода предлагают рассматривать их как определенный набор универсальных исторически изменяющихся идей и ценностей (в том числе государственно-правовых), а представители

¹ См.: Самарин Ю.Ф., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Berlin, 1875. С. 18–20.

² См.: Носков П.Д. Охранительные и реакционные партии. СПб., 1906. С. 10–35.

³ См.: Головин К.Ф. Вне партий. Опыт политической психологии. СПб., 1905. С. 46–54.

второго подхода считают их явлениями, свойственными только определенному историческому периоду¹.

В рамках первого подхода либерализм и консерватизм предстают как противостоящие друг другу идеологии с различным пониманием в том числе государства и права. Они рассматриваются исследователями как стили мышления, образ действий, набор ценностей и политические идеологии (А.П. Корелин, Е.А. Дудзинская, В.Я. Гросул, А.В. Репников, М.Ю. Чернавский, К.А. Сулимов, Е. А. Иуков)².

Этот подход применяется и в юридической научной литературе. Так, например, А.В. Корнев относит зарождение либерализма к Ренессансу, с дальнейшим его развитием, включая Россию, где побеждали то консервативные, то либеральные тенденции в осмыслении государства и права³. В свою очередь В.Н. Корнев, используя в качестве теоретической основы исследования понимание К. Маркса феномена абсолютизма, рассматривает в контексте формационного подхода эволюцию взглядов известных русских либералов на проблемы теории государства⁴.

Второй подход, формирующийся в общественных науках, предполагает рассмотрение либерализма и консерватизма как явлений свойственных только определенному историческому периоду, так как все тексты, которые содержат группы высказываний по поводу указанных феноменов, образуют логически и содержательно замкнутую во времени и (или) пространстве целостную группу смыслов. Поэтому, с этой точки зрения никакого непрерыв-

¹ См.: *Сокольская И.Б.* Консерватизм: идея или метод? // Полис. 1998. № 5. С. 48

² См.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990; *Архипов С.Н.* Социально-философский анализ консерватизма: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2004; *Иуков Е.А.* Теория и практика радикального консерватизма: дис. ... канд. полит. наук. Кемерово, 2005; *Сулимов К.А.* Морально-политический выбор консерватизма и институционализация политической идентичности: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2006; *Чернавский М.Ю.* Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.

³ См.: *Корнев А.В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 36, 96–98.

⁴ См.: *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 268–385.

ного развития понятий не происходит, а все движение проистекает от одной группы смыслов к другой. Понятия могут сохраняться, но при переходе от одной смысловой группы (которая может описывать целый период истории) к другой могут совершенно изменять свой смысл. Причем в каждой смысловой группе, которые у разных авторов могут называться по-разному (М. Фуко называл их эпистемами) консерватизм и либерализм связаны с соответствующими понятиями, которые присущи только этой группе, замкнуты в ней и не могут транслироваться в другие смысловые контексты без существенной потери смысла. При переходе от одной смысловой группы к другой понятия либерализм и консерватизм настолько меняют свое значение, что имеют смысл только в рамках одной смысловой группы¹. Соответственно, с точки зрения данного подхода, изучать их необходимо в рамках определенного исторического периода с учетом всех возможных факторов, в том числе теоретико-методологического уровня развития юриспруденции и системы юридических наук.

Политическая борьба либералов и консерваторов в России второй половины XIX – начала XX в. разворачивалась не в широком публичном пространстве, а на уровне интеллектуальных споров между представителями интеллигенции и среди дворянства. Профессиональная деятельность этих людей состояла в службе по найму в той или иной его разновидности (в основном в различных государственных учреждениях), что определяло характер и стиль их мышления, а также выбор методов реализации их государственно-правовых идей.

В общественно-политической литературе того времени обсуждались некоторые проблемы соотношения общества, государства и православной церкви. Так, русских консерваторов характеризует помещение сакральных проблем в центр всех социальных противоречий, идентификация российской империи как православной цивилизации и перенос многих антагонизмов из

¹ См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010; *Его же*. Археология знания. М., 2012.

общественной сферы в духовную, что было свойственно также многим представителям философии объективного идеализма¹.

Российские либералы испытывали приверженность к светскому государству и решению социально-политических проблем юридическими средствами, но с лидирующей ролью православия в России они не спорили².

В силу вышеизложенной позиции либералов и консерваторов, определялось и их отношение к роли и месту права в социальной и политической жизни страны.

Если российские либералы настаивали на важности и необходимости юридических процедур и формализации отношений между властными структурами, то консерваторы, напротив, тяготились решением проблем в указанном русле, а также испытывали недоверие к праву и высказывали свои опасения относительно идеи подчинения ему духовной природы самодержавной власти³.

Консерваторы подчеркивали неполитический и неправовой характер своих учений. Они негативно относились к формализации и юридической фиксации отношений между политической (государственной) властью и обществом. Например, Р.А. Фадеев откровенно писал, что все европейские кон-

¹ См.: *Тяпин И.Н.* Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. С. 35–66; *Наумов А.С.* Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 5–34.

² См.: *Андрейченко А.С.* Консервативное правопонимание в России XIX–XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 76–97; *Некрасов А.В.* Соотношение ортодоксально-христианской и либеральной аксиологической систем в контексте проблемы построения гражданского общества в России (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С. 2–46; *Акашкин И.А.* Формирование политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 24–70.

³ См.: *Карцов А.С.* Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 4–35; *Деникин А.В.* Русский консерватизм XIX века как социально-философский стиль мышления: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. С. 124–161; *Котов А.Э.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90 гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 3–29; *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа 1907–1914 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004. С. 69–138; *Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика.* М., 2000. С. 4–26; *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики. М., 2008. С. 2–21.

ституции, кроме английской, есть ложь, которая, в свою очередь, не подлежит пересадке на чужую почву¹.

И.С. Аксаков как славянофил утверждал, что удержать власть от вмешательства в частную сферу можно нравственным способом, который должен быть осознан самой властью, а вовсе не внешней формальностью². Даже после Манифеста от 17 октября 1905 года³ консерваторы продолжали отстаивать свою позицию о «надправовом» характере русского самодержавия. Особенно активно отстаивали эту точку зрения П.Е. Казанский⁴ и Н.Е. Марков⁵.

Либералы и консерваторы в России выделяли идеальную составляющую права — правосознание и делали акцент на необходимости правового просвещения, которое способно безболезненно и бесконфликтно привести российский народ к переменам⁶.

При столь несхожем отношении к формальному праву у российских либералов и консерваторов наблюдалось существенное сходство в их отношении к государству, так как большинство не только консерваторов, но и либералов в России состояли на службе в государственных учреждениях и не являлись предпринимателями или собственниками, как в странах Западной Европы. Русский либерализм не был «идеологией торговцев». Поэтому в России как либералы, так и консерваторы, отводили ключевую роль в решении основных социально-экономических, политических и правовых проблем государству⁷.

¹ См.: *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России. СПб., 1881. С. 63.

² См.: *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 898.

³ См.: ПСЗ РИ-3. Т. XXV. 1905. № 26803. Манифест. Об усовершенствовании государственного порядка. 17 октября 1905 г. СПб., 1908. С. 754.

⁴ См.: *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 501–902.

⁵ См.: Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2355.

⁶ См.: *Сидненко Т.И.* Либеральное направление в отечественной историографии в конце XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 420–495.

⁷ См.: *Багоян Е.Г.* Идея правового государства в российской либеральной мысли (конец XIX – начало XX века): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 79–145; *Лыков М.В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы первой мировой войны июль 1914 – февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. С. 2–35.

Рассуждая о роли общественных организаций на разных этапах развития России, консерваторы откровенно отдавали предпочтение бюрократии¹. К.Н. Леонтьев, например, хотел видеть в дворянстве наследственное чиновничество, хотя и подчеркивал при этом его демократизм и доступность для всех сословий путем заслуг².

По мнению М. Астахова, общественным организациям в России дозволялось существовать только при их лояльности правительству³.

Либералы также сдержанно относились к оппозиции государственной власти, предпочитая опираться на государство⁴. Например, Б.Н. Чичерин считал, что народ должен доказать свое право на оппозицию и представительство в государственных делах⁵.

В то же время либералы и консерваторы критиковали бюрократию, но если охранители предпочитали мириться с ней, допуская существование лишь крайне ограниченного местного самоуправления, то либералы занимали двойственную и подчас противоречивую позицию. С одной стороны, они рассуждали о свободе, а с другой, не видели средств ее достижения вне существующего государства⁶.

Иначе в отличие от стран Западной Европы дело обстояло и с вопросами экономики как существенными критериями различия взглядов либералов и консерваторов. Российские консерваторы не уделяли должного внимания экономике по объективным причинам (их место в социальной структуре,

¹ См.: *Киреев А.А.* Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896. С. 42.

² См.: *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // *Восток, Россия и славянство*. М., 2007. С. 624.

³ См.: *Астахов М.* На темы дня. Торгово-промышленные Баяны и барды // *Московские ведомости*. 1915. 9 окт.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Разные виды либерализма // *Общественные науки и современность*. М., 1993. № 3. С. 116–123.

⁵ См.: *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 709.

⁶ См.: *Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.* Письмо к издателю // *Опыт русского либерализма*. Антология. М., 1997. С. 22; *Репинский С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 3–24; *Ключникова Н.В.* Формирование либеральной идеологии в России и ее проявление в общественном движении на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. С. 46–62.

происхождение и т.д.). Они отрицали самоценность экономических отношений и выступали противниками капиталистических преобразований общества. Например, А.А. Киреев с горечью констатировал, что «наступление эры капитализма неизбежно, что удел государства стать акционерной компанией, где господствуют адвокаты и банкиры», но этот тип общества не являлся его идеалом¹.

Консерваторы утверждали, что капиталистическая индустриализация не должна затрагивать интересы аграрного сектора², поэтому главной проблемой, имевшей отношение к экономике и волновавшей консерваторов, была судьба крестьянской общины³ как социально-экономической основы российской государственности.

Если у консерваторов, исходя из их теоретической позиции, не было необходимости создавать экономическую доктрину, то в отношении либералов все не так просто. Дело в том, что классические либералы стран Западной Европы ставили в центр своих рассуждений рынок и разрабатывали на этой основе теории о причинах социальных и государственных изменений.

У российских либералов встречались лишь эпизодические высказывания о роли состоятельных людей в установлении конституции и свободы, но не было четко выстроенной экономической концепции⁴, что коренным образом отличало их от либералов стран Западной Европы (Т.Р. Мальтус, Ж.Б. Сэй, Д. Рикардо)⁵.

Соответственно, обсуждая проекты по отмене крепостного права в 50-х гг. XIX в., либеральные мыслители писали о том, что необходимо освободить кре-

¹ Цит по: *Котов А.Э.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70-90 гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 151–202.

² См.: *Лыкосов М.В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы первой мировой войны июль 1914 – февраль 1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. С. 2–19.

³ См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 2–45.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. М., 1984–1898. Т. 3. С. 204.

⁵ См.: *Мальтус Т.Р.* Опыт закона о народонаселении. М., 1895; *Сэй Ж.Б.* Трактат по политической экономии. Фредерик Бастиа. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М., 2000; *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., 2007.

стьян с землей и при этом вознаградить помещиков, но не представили ни одного цельного экономического проекта, за исключением проекта К.Д. Кавелина. При этом они не предлагали конкретных финансовых стратегий, которые могло использовать правительство России в условиях абсолютной монархии и постепенной отмены крепостного права.

Либералы поддерживали идею государственного вмешательства и контроля над ходом реформ 60–70-х гг. XIX в. Причем никто из них открыто не говорил о рыночной свободе в отношении земли, кроме В. Кокорева — знаменитого купца и откупщика. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский ратовали за усиление роли чиновничества при решении данного вопроса¹.

Российские либералы так и не смогли выработать всестороннюю экономическую доктрину, которая содержала бы последовательную идею о закреплении земли в частной собственности, создании соответствующей инфраструктуры, свободного оборота земель между равными перед законом участниками рынка. В их концепциях экономического развития России также не получил должного отражения вопрос о свободной торговле, являвшийся центральным в классических либеральных доктринах². Российские либералы неохотно анализировали рынок.

В начале XX в. все политические партии, которые традиционно считались либеральными — «Конституционная партия народной свободы (кадеты)», «Партия демократических реформ», «Партия прогресса», «Партия мирного обновления» и другие — делали акцент в своих политических программах на социальной защите населения в ущерб классическим либеральным принципам. Например, они предпочитали не высказываться по поводу частной собственности³. При этом кадеты позиционировали себя как надклассовую партию, что не вписывалось в либеральную идеологию.

¹ См.: *Соловьев И.В.* Подцензурная печать 1858 – начала 1859 года и крестьянская реформа: дис. ... канд. ист. наук. М., С. 9–56.

² См.: *Рикардо Д.* Указ. раб. С. 82–369.

³ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 257.

В странах Западной Европы либералы стали обращать существенное внимание на проблемы социальных гарантий только в XX в., но это были уже не либералы в собственном смысле слова, а социал-демократы (такие же, как кадеты П.Н. Милюков, В.А. Маклаков и др.). К социал-демократам можно отнести и кадетов. Если сравнивать с классическим либерализмом, то либеральные партии России в период зарождения идеи представительства, несомненно, ближе к социалистам¹.

Все это подводит к основному критерию различения между либералами и консерваторами в России, то есть к их взглядам на природу человека, общественных групп и отношений между ними. Отнести мыслителя к либеральному или к консервативному лагерю в России всегда было не просто. Некоторые исследователи имели тенденцию относить к либералам тех, кто выступал за отмену крепостного права², поэтому к консерваторам не относили многих славянофилов, что представляется спорным³.

В качестве критерия для разграничения либеральных и консервативных мыслителей в научной литературе применяется указание на то, что либеральное течение отстаивает исключительно приоритет частных интересов над «всеобщими», а консервативное, в свою очередь, выступает за растворение индивида в социуме того или иного уровня⁴. Такой подход представляется спорным, так как в этих типах дискурса достаточно внимания уделялось, как общим, так и групповым интересам. Кроме того, спорящие стороны признавали необходимость и важность решения одних и тех же проблем, а также социальных институтов. Например, в решении вопроса о реформировании

¹ См.: *Деева Н.В.* Эволюция концепций демократии в Российской политической мысли конца XIX–первой четверти XX века (либеральное, консервативное и социал-демократическое направление): дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 92–167; *Бакулина О.В.* Либеральная идея и ее носители в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (по материалам центрально-черноземных губерний): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 3–36; *Егоров А.Н.* Отечественная историография российского либерализма начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 6–44.

² См.: *Дудзинская Е.А.* Указ. раб. С. 3–57.

³ См.: *Немцев И.А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998. С. 2–19.

⁴ См.: *Чернавский М.Ю.* Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук. С. 21–61.

местного самоуправления либералы и консерваторы по-разному понимали общий интерес.

Классическая либеральная мысль понимает общий интерес как результат, полученный путем достижения компромисса сторон, если они отказываются от какой-либо части своих требований для сохранения другой ее части. Результат, полученный в ходе длительного процесса взаимных уступок участников социально-политических процессов, получает наименование общего интереса, мнения, идеи.

В рамках консерватизма общий интерес понимают принципиально по-другому, так как его сторонники использовали методологию идеалистической философии (Г.В.Ф. Гегеля) и конкретно прием, именуемый «снятие», который предполагает, что противоположные позиции по конкретному вопросу не сходятся в компромиссе, а словно взаимоуничтожаются, преобразуясь каким-то полумистическим образом в нечто совершенно иное. И это иное не основано на уступках, а учитывает все взаимоисключающие позиции. Консерваторы не предложили конкретной технологии реализации процедуры «снятия» противоречия, в том числе в сфере изучения государства и права. Процесс достижения компромисса осуждается консерваторами как вносящий смуту и раздоры в духовное сообщество.

В русском консерватизме подобную точку зрения высказывает, например, Д.Н. Шипов, утверждавший, что отстаивание в режиме народовластия своих интересов породит ненужную социальную борьбу¹. Эту же идею выдвигал К.П. Победоносцев, называя парламент «роковым даром», который породит новое смешение языков².

Л.А. Тихомиров отказывал парламенту в его функции представительства социально-групповых интересов, утверждая, что представлен должен быть дух народа³.

¹ См.: *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 144–145.

² См.: *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 51.

³ См.: *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 541.

Косвенное подтверждение изложенной точки зрения можно найти у А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и некоторых других мыслителей. Отсюда и тезис М.Н. Каткова об антиреволюционности русского народа¹.

В русской либеральной мысли обнаруживается множество идентичных толкований «всеобщего». В частности, Б.Н. Чичерин, имеющий консервативно-либеральный настрой мыслей, определял природу указанного явления аналогичным образом².

Подобные воззрения можно проследить в освещении российскими либералами политико-правовых явлений, например, в понимании права как субстанциальной категории, имеющей особый онтологический статус (парламент должен подчиняться праву). Такое понимание права как сущности во многом противоречит западноевропейской интерпретации его как компромисса³. В отечественной политико-правовой мысли встречались трактовки в европейском либеральном стиле, например, у Ф.Ф. Кокошкина⁴, но они не доминировали.

Итак, в политической и юридической литературе второй половины XIX – начала XX в. можно выделить несколько критериев разграничения либерализма и консерватизма: понимание категории общего, методологическая основа, структурное соотношение проблем, положенных в основу теории о государстве и праве. Так, если основной проблемой западных либеральных политико-правовых теорий является соотношение экономики, свободы и государства, то для российских либеральных доктрин — это, прежде всего, соотношение государства и права. Приоритет первого или второго определялся в рамках понимания свободы, что определяло сущность и динамику формирования и развития организации государственной власти в России во второй половине XIX – начала XX в.

¹ Цит по: *Шипилов С.Н.* Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты (по произведениям М.Н. Каткова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 2–23.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005. С. 568–569.

³ См.: *Сидненко Т.И.* Указ. раб. С. 401–505.

⁴ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 99.

В российском либерализме просматривается приоритет идей об отношениях между народом и государством как самостоятельными субстанциональными субъектами, а не между социальными группами, как в либеральной мысли стран Западной Европы. Как следствие, российские либералы придавали первостепенное значение категории правосознания, что придавало его методологии идеалистический характер и делало непривлекательной для политических деятелей и участников рыночно-капиталистических отношений.

Придание первостепенного статуса правосознанию в политико-правовой мысли России было характерно и для консерваторов.

В силу исторических причин и условий место либералов в России второй половины XIX в. заняли мыслители, которые выдвигали реформаторские идеи о свободе и правах личности, но они не участвовали в публичной политике. Либеральное течение трансформировалось в новый социал-демократизм в начале XX в., который уже имел мало общего с классическим либерализмом. Оно больше общего имело с политическими мыслителями «левого» толка.

Консерваторы в России второй половины XIX в. стояли на охранительно-монархических позициях, а в начале XX в. разделились на государственников и националистов.

Важным отличием взглядов российских мыслителей от западноевропейских являлось сходство теоретико-методологических основ политико-правовых идей либералов и консерваторов. Так, во второй половине XIX в. либерально и консервативно настроенные юристы применяли методологию Ф. Шеллинга и Г. Гегеля. И только проникновение в российскую политико-правовую идеологию неокантианства (Г. Риккерт и В. Дильтей) и позитивизма в зависимости от направления способствовало к началу XX в. некоторому разграничению теоретико-методологических подходов к изучению государства и права, так как консерваторы предпочитали не пользоваться методологией позитивизма и оставались последовательными сторонниками различных направлений идеализма.

1.3. Категория формы государства в российском правоведении

Теоретическую и методологическую основу исследования идеи формы государства в российском правоведении второй половины XIX – начала XX в. составляли подходы к пониманию сущности, форм и закономерностей развития государства, выработанных в трудах античных¹ и средневековых авторов², а также мыслителей эпохи Возрождения: Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Ф. Бэкона³ и Просвещения: Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др.⁴

Интенсивная полемика по вопросам о природе форм государства, их реализации и структурирования велась в рамках политической и политико-правовой науки стран Западной Европы XIX в. (Р. Иеринг, Г. Еллинек, Дж. Остин, Б. Констан, И. Бентам и др.), что было воспринято российской юридической наукой на уровне применения теоретико-методологических подходов к изучению государства и права⁵. Так, Н. Зверев отождествлял форму государства с формой правлений и государственным устройством. Он развивал идею двух способов классификации форм государства: количественную, идущую от Аристотеля и развитую И. Кантом, а также историческую, применяемую К.Т. Велькером, Р. Молем и К. Форлендером, и тем не менее критиковал историческую классификацию, которая, по его мнению, в

¹ См.: *Аристотель*. Политика Аристотеля. СПб., 1911; *Платон*. Государство. М., 1998; *Цицерон*. Диалоги. М., 1966.

² См.: *Аквинский Фома*. Сумма теологии. Киев, 2011. Ч. 2.

³ См.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 2011. С. 53-121; *Bodin J.* De republica libri sex. U., 1601; *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления. М., 1954. С. 45–140.

⁴ См.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 2009; *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001; *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969; *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведения. М., 1955.

⁵ См.: *Иеринг Р.* Избранные труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 1; *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004; *Austin J.* The Province of Jurisprudence Determined, Being the First Part of a Series Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law. L., 1861; *Констан Б.* Принципы политики // Классический французский либерализм. Антология. М., 2000. С. 23–192; *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998.

большей степени освещала периоды жизни отдельного народа и стадии развития конкретного государства, нежели типологию самих государств¹.

Развитие любой науки, по мнению М. Мюллера, переживает три стадии: эмпирическую, классификационную и теоретическую. На первой стадии ученые собирают и описывают накопленный материал, на второй стадии он классифицируется на основе общих признаков и лишь на третьей стадии выясняются законы явлений².

Идея формы государства формировалась и развивалась в юридической литературе второй половины XIX в. постепенно, но исследователи часто сводили ее к категории формы правления и (или) государственного устройства как исторически необходимые, то есть образующие непрерывно развивающуюся совокупность состояний государства.

Н.К. Нелидов при анализе государственного права по ходу изложения своих политико-правовых идей употреблял термины «форма правления» и «государственное устройство» как взаимозаменяемые синонимы³.

Наиболее значительный вклад в изучение формы государства внесли представители государственной школы права: Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский. Форма правления и административно-территориальное устройство рассматривались ими как самостоятельные категории.

Б.Н. Чичерин подразделял все формы правления на монархии и республики, которые также имеют разновидности. Рассматривая монархию, он разделял ее на чистую и конституционную. К достоинствам чистой монархии он относил то, что при ней наиболее обеспечено единство власти. Государственная власть не разделена и потому не подвергается ослаблению⁴.

К недостаткам вышеназванной формы правления правовед относил замещение власти по рождению, а не по заслугам и способностям правителя.

¹ См.: *Зверев Н.* Основные классификации государств в связи с общим учением классификаций государств. Методологическое исследование. М., 1883. С. 197–201.

² См.: *Лебедев В.И.* Общая теория права. Популярная лекция для самообразования. Лекция I. Введение. СПб., 1903. С. 1.

³ См.: *Нелидов Н.К.* Курс общего государственного права. Казань, 1874. С. 24–26.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. Т. 3. С. 128.

Поэтому велик риск, что в него попадут льстивые и лицемерные люди, не заботящиеся о благе народа. Как следствие, в чистой монархии велика возможность произвола со стороны государственной власти. Этому способствовало отсутствие сдерживающих сил. Право при таком порядке становится подчиненной сущностью, если происходит подавление индивидуальной и коллективной инициативы путем строгой иерархии¹.

Согласно Б.Н. Чичерину ограниченная монархия — это отступление от чистой монархии в сторону ее ограничения, которое проявляется в виде народного представительства. Все элементы механизма государства при данной форме правления гармонично связаны между собой, что позволяет в управлении государством достичь наибольшего совершенства.

Основным достоинством конституционной монархии является участие в делах государства наиболее способных граждан, то есть присутствует демократический элемент. В этом случае также ликвидируется опасность диктата большинства. И, главное, такая форма правления позволяет реагировать на нужды эпохи, так как к управлению привлечены народные представители².

Главным минусом конституционной монархии Б.Н. Чичерин считал разделение властей, но все же, как он сам утверждал, достоинства перевешивают недостатки³. При этом Б.Н. Чичерин подчеркивал, что конституционный монарх выступает верховным «решителем» всех вопросов, которые напрямую касаются интересов всего народа. В текущих вопросах он выполняет функцию координатора ветвей власти⁴.

Республиканскую форму правления Б.Н. Чичерин разделял на аристократическую, демократическую и смешанную. Аристократическая форма правления привлекает Б.Н. Чичерина тем, что при ней власть получают самые подготовленные представители общества, которые с ранней юности привыкают к государственным делам. И, как следствие, принимаемые реше-

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. Т. 3.. С. 130.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. Т. 3. С. 233.

³ См.: Там же. С. 235.

⁴ См.: Там же. С. 247.

ния отличаются продуманностью, а проведение их в жизнь подкрепляется исторической волей корпорации аристократов, которая охраняет законность, так как только при соблюдении правил элита сможет сохранить положение в обществе.

Недостатки указанной формы правления, по его мнению, заключались в следующем: наличие эгоистического корпоративного духа, подмена общего интереса интересом правящего сословия, недопущение наиболее способных людей до управления государством и злоупотребление привилегированным положением. Б.Н. Чичерин различал такие виды государственного устройства, как федерация, конфедерация, унитарное и уния¹.

А.Д. Градовский подразделял все формы правления на монархические, демократические (республиканские) и аристократические. Все монархические формы правления разделялись ученым на абсолютные (неограниченные) и конституционные (ограниченные), которые, в свою очередь, разграничивались на парламентские и дуалистические. Республиканская форма правления подразделялась на представительную и непосредственную².

По признаку административно-территориального устройства все государства А.Д. Градовский также подразделял на унитарные, федерации, конфедерации и унии³.

Представитель социологической школы права и либеральный юрист Н.М. Коркунов рассматривал вопрос о формах государственного устройства и формах правления. За основу их классификации был взят количественный критерий, то есть число людей, наделенных властными полномочиями⁴.

Сторонники позитивизма Г.Ф. Шершеневич и Н.И. Лазаревский также внесли вклад в развитие идеи формы государства. Так, Г.Ф. Шершеневич выделял монархические и республиканские формы правления. Монархические

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. Т. 3. С. 155–159.

² См.: *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1899–1904. Т. 5. С. 2; *Его же.* Государственное право: лекции за 1880–1881 уч. год. СПб., 1880. С. 203–301.

³ См.: *Градовский А.Д.* Указ. раб. С. 103.

⁴ См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 250.

государства он подразделял на конституционные и абсолютные, отдавая предпочтение первым. Среди ограниченных монархий правовед, в свою очередь, выделял парламентарные и дуалистические. Республики назывались им непосредственными и представительными¹.

В рамках учения о государстве и праве Г.Ф. Шершеневич рассматривал вопрос о классификации государств как в истории, так и на современном ему этапе общественно-политического развития стран Западной Европы и России. Внимание исследователя акцентировалось на проблеме обоснования монархии и происхождения республики и их разновидностей².

Н.И. Лазаревский схожим образом выделял абсолютные и ограниченные монархии, непосредственные и представительные республики, но при этом утверждал, что конституционная монархия отличается от республики в основном способом замещения главы государства. Следовательно, конституционная монархия отличается от республики лишь по формальным признакам³.

В указанных произведениях данных авторов подчеркивалось движение форм государства в сторону усложнения и большего соответствия расширившимся потребностям современного им и более свободного человека.

Либерал и позитивист Ф.Ф. Кокошкин, выделяя среди форм правления абсолютные и конституционные монархии, а также непосредственные и представительные республики, в условиях обострившейся политической борьбы начала XX в. акцентировал внимание на исторически прогрессивной роли, сыгранной абсолютной монархией в деле организации крепкого и единого государства⁴. При этом он утверждал, что человечество должно двигаться в сторону развития форм общежития, которые наиболее гармонируют со свободой индивида⁵. Под такими формами он понимал республику в раз-

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Конституционная монархия. М., 1906. С. 2–36.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911. С. 43–55.

³ См.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Пг., 1917. Т. 1. С. 63–69.

⁴ См.: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 268.

⁵ См.: Кокошкин Ф.Ф. Республика // Доклад прочитанный 7-му съезду партии Народной свободы 25 марта 1917 г. Пг., 1917.

личных ее проявлениях, и, следовательно, стоял на позициях сторонников теории социального прогресса.

Сочетавший позитивистский взгляд на право и государство с приверженностью идеальному принципу российского самодержавия, консервативно настроенный юрист П.Е. Казанский выделял те же формы правления, что и остальные позитивисты, но при этом не разделял убеждения о движении форм государства в сторону большей свободы и разделения власти¹.

Представитель психологической теории права Н.И. Палиенко (либерал) при разграничении всех государств на монархии (абсолютные и ограниченные) и республики (непосредственные и представительные), особое внимание уделял процессу перехода от одной формы правления к другой, который он считал детерминированным мнением, созревшим в сознании представителей общества о необходимости коренных преобразований в государстве².

Сторонник естественно-правовых взглядов, либерал Е.Н. Трубецкой, разделяя формы правления на монархические и республиканские, не придавал большого значения формальным различиям между ними, а акцентировал свое внимание на сущностных принципах, которые лежат в основе этих форм³.

Правовед и социолог неокантианской направленности, либерал Б.А. Кистяковский утверждал, что при поисках различий между монархией и республикой необходимо обращать внимание на организацию правительственной власти, а не на ее компетенцию⁴.

Представитель христианской версии трансцендентального идеализма и консервативной политико-правовой мысли Л.А. Тихомиров различал такие

¹ См.: *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. М., 2007. С. 41–54, 496–536.

² См.: *Палиенко Н.И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 339.

³ См.: *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1908. С. 218–222.

⁴ См.: *Кистяковский Б.А.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 298.

формы правления, как аристократические, республиканские и монархические, выделяя среди указанных форм особое русское самодержавие.

По признаку административно-территориального устройства он классифицировал государства на унитарные, федеративные, конфедеративные и унии¹.

Аналогичной классификации придерживались и более поздние консервативно настроенные славянофилы, а также сторонники христианской разновидности трансцендентального идеализма².

Представляется немаловажным отметить, что для большинства исследователей указанного периода вопрос об идеальной форме правления, которая подойдет для всех обществ, остался в прошлом. Теперь формы правления рассматривались как исторический феномен, присущий только определенной эпохе или стране, подходящий для местных социальных связей, определяющих те или иные убеждения³.

В целом после отхода на второй план в теоретическом пространстве представителей государственной школы место доминирующего направления в вопросах осмысления сущности государства и права в конце XIX – начале XX в. перешло к представителям юридического позитивизма в его либеральной разновидности (Г.Ф. Шершеневич). Консервативно настроенные позитивисты, рассуждавшие в духе П.Е. Казанского, не пользовались популярностью из-за реформаторских настроений, господствовавших в обществе.

По степени влияния на теоретический вопрос об идее формы государства во второй половине XIX – начале XX в., либералы значительно превосходили консервативно настроенных исследователей. Именно их курсы лек-

¹ См.: *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 2006. С. 15–71.

² См.: *Жигунова Г.В.* Общественный идеал России в философских воззрениях славянофилов: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2005. С. 113–137.

³ См.: *Самарин Ю.Ф.* На чем основана и чем определяется верховная власть в России// Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 59; *Емельянова И.А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Казань, 1998. С. 2–15.

ций ценились и распространялись научной общественностью того времени в качестве теоретического основания для изучения данного вопроса¹.

В свете догматического осмысления изменений Основных государственных законов барон Б.Э. Нольде акцентировал внимание на проблеме единства и нераздельности России (ст.1). Подобная формулировка отсутствовала в государственном законодательстве до 23 апреля 1906 г., так как государство российское отождествлялось с монархом. Самоуправление рассматривалось как часть государственного управления и учения о государственном единстве².

К.Н. Соколов писал, что классификация государств по признаку их «парламентарности или непарламентарности» естественно прекращается с основным их делением на монархии и республики. Классификация государств на монархии и республики пережила все прочие классификации форм государственного устройства и является господствующей как в повседневном словоупотреблении, так и в теоретическом государствоведении.

Соответственно К.Н. Соколов резко критиковал попытки разграничения форм государственного устройства и форм правления, так как те и другие могут быть монархическими и республиканскими. Он подчеркивал, что, кроме форм правления, некоторые западноевропейские мыслители различали «образ правления», наряду с юридической классификацией государственных форм конструировали самостоятельную политическую их классификацию и признавали существование смешанных форм.

Классификация, построенная по признаку парламентаризма, дает еще одно дробное деление представительных монархий и представительных президентских республик: парламентских и дуалистических³.

¹ См.: *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. М., 2008. С. 211–331; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (воспоминания. 1881–1914 гг.). М., 1997. С. 33–74.

² См.: *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 226, 260–262, 276.

³ См.: *Соколов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912. С. 412–413, 416.

Н.К. Ренненкампф рассматривал вопрос о формах государственного устройства, различавшихся в зависимости от способов образования государства, характера и развития народа, отношений общественных классов, условий экономических, положения и пространства территории и т.п.¹

С.А. Корф писал, что в своем историческом развитии государство достигает определенных форм или форм государственного строя. Например, он давал оценку конституционного государства. Началом русского конституционного государства он призывал считать 23 апреля 1906 г. Элементами государства принято было считать территорию, народ и власть. Совокупность этих элементов определяет сущность и понятие государства, но роль и их соотношение могут отличаться. В начале XX в. власть стала осознаться как функция, а не как элемент государства. С его точки зрения, под элементом государства могут пониматься люди, составляющие государственную организацию².

Изучая формы правления, С.А. Знаменский отождествлял их с политическим строем. В целом он не преследовал теоретических целей в условиях революции, а пытался указать на средства закрепления на территории Российской империи республиканской формы правления как наиболее оптимальной для современного мира³.

Д.К. Лаврентьев писал, что верховная власть в разных государствах устроена не одинаково. Если верховная власть принадлежит одному человеку, который эту власть получает и передает по наследству, как это было в России до февраля 1917 г., то такое государство называется монархией. Если же эта власть принадлежит народу, который управляет сам собой при помощи выборных, то такое государство называется республикой. Более того, он называл монархии и республики формами правления⁴.

¹ См.: Ренненкампф Н.К. Указ. раб. С. 37–44.

² См.: Корф С.А. Указ. раб. С. 45–53, 59.

³ См.: Знаменский С.А. О формах правления. Казань, 1917. С. 4–5.

⁴ См.: Лаврентьев Д.К. Что такое монархия и что такое республика, и какие права должны быть у граждан. Пг., 1917. С. 5–6.

В 30–50-х гг. XX в. шел процесс становления советской юридической науки, которая была вынуждена решать множество возникших перед новым государством теоретических и прикладных задач. В этот период основные подходы, используемые в дореволюционной юридической науке, отошли на второй план, а их место занял классовый подход к праву и государству в марксистско-ленинской интерпретации¹.

Как и в советской юридической науке, на современном этапе ее развития отсутствует унифицированный подход к определению формы государства. В 60–70 гг. XX в. традиционно форма государства рассматривалась в ней как складывающаяся из формы правления и государственного устройства².

Параллельно с этой точкой зрения высказывались суждения о том, что форма государства тождественна форме правления и между этими понятиями нет существенного различия³.

Предлагалось рассматривать форму государства как внешнее выражение социального, классового и территориального содержания государства. Оно, в свою очередь, определяется характером отношений между главными структурами государства — высшими органами государственной власти.

Представлялось, что форма государства показывает особенности его внутренней организации, порядка образования и структуры органов государственной власти, их территориальной организации, отношения с населением и методы реализации управленческой деятельности⁴.

Необходимо привести также следующее определение формы государства: «Устройство, выражающееся в характере политических взаимоотношений между людьми, между людьми и государством, между государством и людьми в процессе управления ими, в способах организации высших органов государственной власти, и в административно-территориальном делении

¹ См.: 50 лет Советской власти и социалистической законности. Материалы научно-практической конференции юристов Ленинграда. Л., 1967. С. 2–40.

² См.: *Денисов А.И.* Сущность и формы государства. М., 1960. С. 12–65.

³ См.: *Тищенко А.Г.* Указ. раб. С. 61.

⁴ См.: Там же. С. 62–63.

государства»¹. Согласно этой точке зрения форма государства есть совокупность объективных критериев, через которые идет самоопределение государства как политической организации общества.

Разброс мнений относительно природы и генезиса формы государства естественным образом распространяется и на ее отдельные составляющие. Причем, тут нет никаких исключений. По крайней мере, по трем основным элементам категории формы государства имеются различные точки зрения.

В юридической науке политический режим предлагается рассматривать как совокупность средств, методов, способов осуществления государственной власти. Существуют и альтернативные представления. В частности, политический режим рассматривается как проявление государственной организации, которое выражается в состоянии и степени демократии и политической свободы в обществе² или как качество правового порядка осуществления государственной власти³.

Политический режим понимается также как система форм, методов и способов властвования, через которые государственная власть легитимирует свое существование и функционирование⁴.

Некоторые исследователи предлагают ввести уточняющую дефиницию — государственный режим, которая является более узким понятием, чем политический режим. Предполагается, что государственно-правовой режим выражает методы деятельности государственных органов и институтов, а политический режим является функциональной характеристикой системы в целом⁵. Соответственно государственный режим выступает важнейшей составной частью политического режима, существующего в обществе. Политический режим (как более широкое понятие) включает в себя не только методы

¹ См.: *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. СПб., 1995. С. 30–54.

² См.: *Киреева С.А.* Политический режим как элемент формы государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 3–25.

³ См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 25.

⁴ См.: Там же. С. 26.

⁵ См.: *Чиркин В.Е.* Теоретические проблемы политического режима в странах социалистической ориентации// Государство и право в развивающихся странах. М., 1976. С. 6–7.

государственного властвования, но и не характерные способы деятельности негосударственных политических организаций: партий, движений и т.д. Некоторые ученые не разграничивают указанные понятия¹.

Имеет место также мнение относительно того, что политический режим, в котором находят выражение приемы и методы осуществления власти, характеризует не форму государства, а ее содержание. Этот элемент позволяет раскрыть социально-классовую сущность государства и оттенить его форму².

Большинство исследователей согласны в том, что политический режим представляет собой определенный порядок функционирования политической системы общества, вбирает в себя системы правовых и неправовых мер по созданию благоприятных условий для успешной деятельности общественных и политических институтов. Содержание политического режима в целом отражает функциональную сторону политической системы. Она состоит, прежде всего, в методах осуществления, реализации политической власти в обществе, характере политических отношений между отдельными институтами политической системы. Способы и приемы достижения поставленных политической властью целей оцениваются с точки зрения их демократичности и авторитаризма. Следовательно, политический режим проявляется в степени и характере политических прав и свобод, правовом положении личности, политических отношениях между элементами политической системы, а также в методах осуществления власти в социуме.

Государственный режим рассматривают как функциональную сторону государственного механизма. Он тесно связан с сущностью государства и отражает его содержание. Поэтому исследователи, которые выделяют государственный режим в рамках политического режима, толкуют его как элемент формы государства наряду с двумя другими.

Следующим элементом формы государства выступает форма правления. Некоторые исследователи определяют ее как «комплексный конститу-

¹ См.: Теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 24–25.

² См.: Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран. М., 1978. С. 11–64.

ционно-правовой институт, организация власти, характеризующая ее формальным источником; структура и правовое положение высших органов государственной власти, а также установленный порядок взаимоотношений между ними»¹.

Определение формы правления может включать в себя взаимоотношения государственной власти и населения и рассматриваться как способ организации структуры отношений органов власти между собой и с обществом².

Форма правления может быть понята как «институционально-функциональная характеристика структуры государственной власти, порядка ее приобретения и осуществления, механизма правового ограничения и разделения властных полномочий»³.

В отношении такого элемента формы государства, как государственно-территориальное устройство, не выработано единого понятия. Так, оно определяется как «внутреннее деление государства, правовое положение его частей, их взаимоотношения друг с другом и с центральными органами власти»⁴.

Предлагается рассматривать территориальное устройство как территориальную организацию государственной власти, соотношение государства как целого с его составными частями. Территориальное устройство некоторыми исследователями отождествляется с государственно-территориальным устройством, что также характеризует отношения государства с его составными частями⁵.

Большинство исследователей вопреки различиям в своих концепциях выделяют некоторые общие черты государственно-территориального устройства. Оно рассматривается как комплексная характеристика, структурированная система, которая предполагает наличие соответствующих институтов.

Форма государственного устройства почти всегда определяется как полноправный элемент категории «форма государства», наряду с политиче-

¹ Цит. по: Тищенко А.Г. Указ. раб. С. 56–78.

² См.: Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 2001. С. 124–157.

³ Цит. по: Тищенко А.Г. Указ. раб. С. 56–71.

⁴ Спиридонов Л.И. Указ. раб. С. 30–53.

⁵ См.: Тищенко А.Г. Указ. раб. С. 56–72.

ским режимом и формой правления. Все элементы тесно взаимосвязаны между собой и изменения в любом из них обязательно соотносятся с трансформациями в других элементах.

Нельзя проигнорировать подход, который выносит форму государственного (территориального) устройства за рамки категории «форма государства» и рассматривает ее как отдельный элемент. В рамках этой теории считается, что изучение территориального устройства как части формы государства не имеет должного теоретического значения¹. Этому подходу противостоит мнение, согласно которому в рамках формы государства такая важная ее составляющая, как государственное устройство, имеет свое функциональное назначение. Оно отражает внутреннее деление территории государства на составные части, правовое положение этих частей, отношения частей и целого, а также между составляющими конкретное государство субъектами².

Особо выделяется точка зрения О.И. Чистякова, который отождествляет понятия «государственное единство» и «государственное устройство»³.

В юридической литературе сложились многочисленные теоретические конструкции, посвященные данной проблеме. Указанный факт находит свое выражение не только в немалом количестве противоречивых высказываний и определений категории «формы правления», но и в отсутствии общепризнанного унифицированного подхода к каждому из элементов категории форма государства.

Среди разнообразного множества теоретических построений в отечественном государствоведении выделяется доминирующая точка зрения. Ее представители (Б.А. Стародубский, В.Е. Чиркин) настаивают на том, что по-

¹ См.: Тищенко А.Г. Указ. раб. С. 73.

² См.: Там же. С. 74.

³ См.: Чистяков О.И. К вопросу о форме государственного единства России // Вестник Московского университета. 2007. № 2. С. 3–35.

нятие формы государства образует триада из формы правления, формы государственного устройства и политического режима¹.

Категорию «форма государства» предлагается рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле данная категория представляет собой совокупность трех вышеупомянутых элементов, а узким смысле — только форму правления. Высказывалось также особое мнение — дополнить существующую триаду еще одним элементом, а именно политической динамикой².

Согласно подходу, описанному такими теоретиками, как Н.И. Матузов, А.В. Малько и другими представителями Саратовской школы теории государства и права, форма государства понимается как организация политической власти, включающая форму правления, форму государственного устройства и политический режим. Так, форма правления «характеризует порядок образования и организации высших органов государственной власти, их взаимоотношения друг с другом и населением»³.

Форма государственного устройства «отражает территориальную структуру государства, соотношение между государством в целом и его составными территориальными единицами»⁴.

Политический режим представляет собой «систему методов, способов и средств осуществления государственной власти»⁵. Данную точку зрения можно принять за оптимальное определение формы государства на современном этапе.

Итак, в российском правоведении второй половины XIX – начала XX в. признавались только два элемента формы государства: форма правления и форма государственного устройства как синонимы (Н. Зверев, Н.К. Нелидов)

¹ См.: *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1989; *Чиркин В.Е.* Формы государства, переходного к социалистическому типу. М., 1966.

² См.: *Арзамаскин Н.Н.* Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 100–104.

³ См.: *Малько А.В.* Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2007. С. 77.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

или как самостоятельные категории (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Г.Ф.Шершеневич, Н.И. Лазаревский), а также как относительно самостоятельные категории (Н.И. Палиенко, Е.Н. Трубецкой, Б.А. Кистяковский, П.Е. Казанский, Б.Э. Нольде, К.Н. Соколов, Н.К. Ренненкампф и др.).

Категория «политический режим» не применялась в либеральной и консервативной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в., а была сформирована в советском правоведении.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

2.1. Формирование подходов к изучению форм государства в либеральной и консервативной правовой мысли России

В середине XIX в. кризис общественно-политических отношений в России требовал от вступившего на престол Императора Александра II решения вопроса о перспективах реформирования Российского государства и действующего государственного законодательства на основе либеральных или консервативных политико-правовых идей и институтов. В правовой мысли второй половины XIX в. прослеживается догматическое осмысление особенностей организации государственной власти по Своду законов Российской империи.

В 50-х гг. XIX в. продолжал действовать университетский устав 1835 г. Так, в уставе для юридических факультетов предусматривались в основном прикладные дисциплины, рассматривавшие ту или иную сферу законодательства. Общеизвестно, что преподавание философии права и государства не предусматривалось, а единственным общетеоретическим предметом была «Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, Российские государственные законы, т.е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения»¹.

В создании энциклопедии законоведения принимали участие преподаватели Московского и Петербургского университетов: К.Д. Кавелин, Н.В. Калачов, В.Н. Лешков, С.Н. Орнатский, П.Г. Редкин, Н.Ф. Рождественский. Идея формы государства подробно ими не разрабатывалась, так как перед преподавателями в Энциклопедии законоведения (П.Г. Редкин, С.Н. Ор-

¹ См.: Высочайше утвержденный общий устав Императорских Российских университетов от 26 июля 1835 года // ПСЗ РИ-2. Т. X. Ч. 1. 1835. № 8337.

натский, Н.Ф. Рождественский) стояла задача сформировать у студентов основы юридического мировоззрения и понимание основных принципов и понятий данной науки. Остальные исследователи затрагивали данный вопрос также в рамках истории российского законодательства и государства (К.Д. Кавелин, В.Н. Лешков, Н.В. Калачов). В ходе исследований они использовали традиционные наработки западноевропейской политической и юридической науки, различая такие формы правления, как монархия, аристократия и демократия (республика)¹.

Великие либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. способствовали новому этапу развития юриспруденции, в том числе теоретической, которое было затруднено из-за особенностей формы правления. Официальная позиция государственной власти состояла в том, что реформы и преобразования необходимо проводить, не затрагивая традиционных основ существующего строя, то есть основ самодержавия.

В июне 1863 г. был принят новый университетский устав, который существенно расширил автономию университетов. Для юридической науки это стало новым этапом в развитии, так как были введены многочисленные теоретические предметы, которые позволяли не ограничиваться изучением действующего законодательства. Право и государство стали изучаться как абстрактные категории, формировавшиеся в рамках общих философских концепций происхождения и развития государства и права. Введение этих дисциплин стимулировало изучение теоретических основ исследования государства и права.

Энциклопедия права (а не законоведения, как раньше) включала в себя: а) энциклопедию юридических и политических наук; б) историю философии

¹ См.: *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 84–90; *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. С. 253–508; *Калачов Н.В.* Разбор сочинения Б. Чичерина под заглавием: Областные учреждения России в XVII в. СПб., 1858; *Редкин П.Г.* Из лекций П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 2–182; *Рождественский Н.Ф.* Энциклопедия законоведения. СПб., 1863. С. 337–351.

права; в) историю важнейших иностранных законодательств; г) историю русского права.

Государственное право, делилось на: а) теорию государственного права, б) государственное право важнейших иностранных держав, в) русское государственное право¹.

Помимо того, что термин «право» стал внедряться более широко в научный оборот, само по себе расширение спектра фундаментальных теоретических предметов способствовало углублению дискуссии о форме государства в контексте организации государственной власти.

Если консерваторы чувствовали себя более уверенно, высказываясь по данному вопросу, так как в целом они поддерживали существующий государственный строй, то их либерально настроенным оппонентам приходилось скрывать некоторые политико-правовые идеи. Так, консервативные мыслители, не сомневаясь, высказывались за сохранение в России самодержавной монархической формы правления, присущей, по их мнению, нашей стране испокон веков.

Выпускник императорского училища правоведения и профессор Московского университета, сторонник органического и идеалистического взгляда на государство К.П. Победоносцев прямо называл системы, построенные на иных началах, губительными для страны, отрицал принцип разделения властей и не принимал отделения функции управления от личности правителя². Он был убежден в том, что при отсутствии личного руководства монарха никакая организация не спасет дело управления в России, порицал некоторых консервативных мыслителей за возлагаемые надежды на Сенат как опору законности еще со времен Петра I, настаивал на принципиально инструментальном характере Сената в руках самодержца³.

¹ См.: Высочайше утвержденный общий устав Императорских Российских университетов от 18 июня 1863 года // ПСЗ РИ-2. Т. XXXVIII. Ч. 1. 1863. № 39752.

² См.: Письма К.П. Победоносцева Александру III. М., 1925. Т. 2. С. 320.

³ См.: Переписка С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым (1895–1905 гг.) // Красный архив. М., 1928. Т. 5. С. 108.

В своем письме Императору Александру III К.П. Победоносцев писал: «...Составлением новых правил и учреждений в той мысли, что эти статьи должны сами действовать. Но всякие учреждения и правила не только сами по себе бессильны, но превращаются в ложь, когда бездействует... власть, долженствующая приводить их в исполнение»¹.

К.П. Победоносцев видел угрозу в отстранении монарха от деятельного участия в управлении, так как реальная власть перейдет к управительным структурам, которые должны лишь выражать волю государя. Соответственно К.П. Победоносцев резко отрицал необходимость в России конституции по образцу стран Западной Европы. Он считал, что этот шаг будет равноценен самоустранению власти². Неудивительно, что К.П. Победоносцев называл идеальным временем годы правления императора Николая I, о котором он отзывался как о человеке, несущем на себе всю тяжесть управления страной³.

Для внедрения в практику своих рассуждений К.П. Победоносцев предлагал ряд мер. Например, для координации высшего управления в стране он считал необходимым возродить Совет Министров, роль председателя в котором должен выполнять сам император⁴. К тому же это помогло бы пресечь практику личных докладов государю, так как они дестабилизировали управление⁵.

Критикуя либеральные проекты, в которых совещания министров предусматривались без участия монарха, К.П. Победоносцев настаивал на личном председательствовании императора, так как премьер-министр встанет между народом и властью⁶, намекал на ненужность такого органа, как Государственный совет. Видимость законодательной деятельности в нем никогда не сможет конкурировать с простотой и ясностью решения дел Сове-

¹ См.: Письма К.П. Победоносцева Александру III. Т. 2. С. 321.

² См.: Письма К.П. Победоносцева Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 54.

³ См.: *Середонин С.Н.* Исторический обзор деятельности Комитета Министров в 5 т. СПб., 1903. Т. 3. Ч. 1. С. 4.

⁴ См.: Письма К.П. Победоносцева Александру III. Т. 2. С. 310–340.

⁵ См.: Письма К.П. Победоносцева Александру III. Т. 1. С. 106.

⁶ См.: К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки М., 1923. Т. 1. Полумтом 1. С. 62.

том Министров под председательством самого государя, что обеспечивало ему еще большую оперативность управления. К тому же Государственный совет стеснял свободу деятельности министров — главного орудия в руках императора¹.

Философ права В.С. Соловьев в свойственной ему религиозной форме также поддерживал монархический идеал существования государства. С его точки зрения, человек, поставленный на такую высоту, по своей сути не может быть дурным².

Сочувствовавший идеалистическим теориям, один из самых влиятельных публицистов данного периода, Ф.М. Достоевский провозглашал неразрывную духовную связанность русского народа с монархом, и, как следствие, неприемлемость иной формы правления³. Он считал, что в России нет другой силы, которая мало того, что сохраняет и ведет нас, ограждает от распада, так еще и выделяет нас из всех народов Европы и мира. Ф.М. Достоевский говорил лишь о совещательном органе в виде Земского собора⁴. По воспоминаниям своей супруги он настолько любил царя, что если бы у него даже произошла ремиссия болезни, то убийство Александра II Федор Михайлович все равно бы не перенес⁵.

Выпускник Императорского училища правоведения, уездный судья и сторонник органического взгляда на государство, князь В.П. Мещерский отстаивал незыблемость основ самодержавия и при любой возможности доносил свое мнение до государя. Он полагал, что порядка и спокойствия не будет в империи до тех пор, пока суд не будет подчинен правительству. С его точки зрения, должны быть ликвидированы сами зачатки принципа разделения властей.

¹ См.: Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 284.

² См.: *Соловьев В.С.* Значение государства // Собр. соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2 С. 557.

³ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972. Т. 25. С. 9.

⁴ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 27. С. 7, 22.

⁵ См.: *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 367–412.

В.П. Мещерский приветствовал вступление на престол Александра III, утверждая, что, спустя годы после великих реформ, Россия должна вернуться к принципам эпохи правления императора Николая I. В своем дневнике он отметил: «Верните нам дух Николаевской эпохи и в России родятся гении! Дайте власть над судами, дайте губернаторам сильнейшую власть, дайте власть над земством, дайте всему, что есть Кесарево — власть, воздадите Богу — Божие и Россия будет спасена; спасти же ее может только крепкое тело и духом самодержавие, но не либерального, а николаевского духа. Устраните недостатки николаевской эпохи, возьмите все ее достоинства»¹.

По мнению В.П. Мещерского, от реформаторов требовалось сохранить главные несущие опоры николаевской эпохи — систему ценностей, способ мышления, особенности. Он прямо заявлял, что не знает ничего такого в режиме Николая I, что требовалось бы вычеркнуть из исторической и политической памяти. Все наследие его царствования должно быть сохранено как основа всего русского государства.

Сомневаться в самодержавии — значит сомневаться в России и желать ей гибели. Поскольку Россия воплощает идею самодержавия, то самодержавный царь не может сидеть на русском престоле. Природа самодержавия сакральна, так как посредством акта венчания на престол и миропомазания царь правит «Божьей милостью»². И потому В.П. Мещерский считал, что нет необходимости в учреждении новых институтов и реформировании старых. Просто все должности должны занимать годными для государственной службы людьми³.

Выпускник юридического факультета Харьковского Императорского университета, оставивший подготовку к профессорскому званию ради практической деятельности, сторонник исторического подхода к изучению государства Н.И. Черняев полагал, что в России возможна только самодержавная форма правления, не только в силу ее огромных размеров (и возникающих в

¹ Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. 1883. № 11. С. 2–3.

² См.: Мещерский В.П. Мои воспоминания: в 3 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 56–58.

³ См.: Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. 1899. № 64. С. 14–15.

связи с этим административных и политико-правовых трудностей), а именно по причине ее православия, морфологических и культурных особенностей славянской народности¹.

Все вышеназванные условия формируют особую политико-правовую ментальность, которая позволяет русскому народу сохранять самодержавную форму правления даже в условиях социальных катаклизмов. Эта культурная и юридическая особенность позволяет народу сохранить себя и, главное, свое государство в самых экстремальных условиях, например, в Смутное время начала XVII в. С данной точкой зрения солидарен и русский историк права В.Н. Лешков, а также профессор государственного права Киевского университета, сторонник позитивизма А.В. Романович-Славатинский².

Несмотря на заявления о важности проведения реформы местного самоуправления, сторонником самодержавия выступал и И.С. Аксаков³.

В отличие от предыдущих консервативных мыслителей, сторонник диалектического подхода к государству в его гегельянской интерпретации, Ю.Ф. Самарин был приверженцем самодержавия скорее с историко-прагматической точки зрения. Он не считал монархию вечной и утверждал, что история всех христианских народов свидетельствует о том, что формы правления меняются. Мало того, они и должны изменяться⁴.

Ю.Ф. Самарин отрицал теорию божественного происхождения верховной власти, называя подобные измышления богохульством. Он стоял за монархию, так как считал, что ограничение самодержавия в данное время приведет к бедствиям, аргументируя это тем, что народ не поверит ни одной со-

¹ См.: *Черняев Н.И.* О русском самодержавии. М., 1895. С. 4–70; *Его же.* Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Харьков, 1901. С. 2–37; *Его же.* Из записной книжки русского монархиста // *Мирный труд.* 1904. № 8. С. 69–75.

² См.: *Лешков В.Н.* Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 2–98; *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. С. 2–99.

³ См.: *Аксаков И.С.* О правильной постановке местного самоуправления // *Собр. соч.: в 7 т.* М., 1887. Т. 5. С. 57.

⁴ См.: *Самарин Ю.Ф.* Об отношении церкви к свободе. М., 1877. С. 1–8.

циальной группе в России, а только своему царю, а так как люди разобщены, то конституции у нас быть не может. Если она каким-либо образом все же появится, то не станет подлинно народной¹. Ю.Ф. Самарин считал неуместным в тот период рассуждать и уж тем более предпринимать что-либо по поводу создания всероссийского представительного органа в любой его форме, в силу незрелости общества он превратится в государственный придаток².

В то же время А.И. Кошелев, который, как и Ю.Ф. Самарин, был славянофилом и сторонником аналогичного взгляда на государство, выступая за сохранение самодержавия, предусматривал возникновение представительства в виде земской думы в Москве, которая была выбрана им как город, наиболее удаленный от петербургской бюрократии и в то же время исторически значимый. Он утверждал, что этот шаг — единственное средство разрешить назревшие проблемы в стране, в том числе и погасить недовольство сословий.

Введение подобного представительного органа, по словам А.И. Кошелева, не будет означать ограничения самодержавия, а, наоборот, вступив в непосредственные отношения с народом, оно станет более сильным. «Ведь в настоящее время России необходимо как раз усиление монархии», — утверждал мыслитель. При этом он не отрицал введение в будущем Конституции: «Царь даст России государственную уставную грамоту, которою обеспечит нам все те права, которые существенны для человека-гражданина, и которых, в других землях, добивались борьбами и насилиями»³.

А.И. Кошелев предусмотрел и структуру предлагаемой им земской думы. Она должна была насчитывать 250–300 депутатов — представителей от всех сословий и выбираться в несколько этапов. Позднее, чтобы отвести от себя подозрения в радикализме, А.И. Кошелев издал в Лейпциге брошюру, где доказывал, что если в России и будет конституция, то она станет непременно творением царя и народа. В настоящее время, — писал он, — необхо-

¹ См.: *Самарин Ю.Ф.* По поводу толков о конституции // Теория государства у славянофилов: сборник статей. СПб., 1898. С. 61–64.

² См.: *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876. М., 1997. С. 227.

³ См.: *Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. С. 2–81.

димо сохранить неограниченную монархию, так как ее поддерживает народ, и установление должных отношений между крестьянами и помещиками под силу только этой власти¹. И тем не менее следом А.И. Кошелев высказывает мысль о том, что в будущем государь «призовет» Земскую думу и провозгласит, что не будет отныне власти выше закона. Впредь все проекты законов должны рассматриваться предварительно в Земской думе. А государь, оставляя за собой право утвердить мнение меньшинства депутатов (как в действующем Государственном совете), не может издать закона в обход думы. Кроме того, она должна получить значительные бюджетные полномочия, а депутаты от имени Думы право подавать прошения государю².

Наиболее правым государственнымником в плеяде консервативных мыслителей выступил К.Н. Леонтьев — сторонник исторического и органического подходов к проблеме происхождения государства, государственной и политической власти. По его мнению, форма государства у каждой нации и общества своя³. Она проявляется лучше всего в момент наивысшего расцвета общества, за которым неизбежно следуют ослабление и смерть⁴.

К.Н. Леонтьев заявлял, что все современные ему европейские государства испортили свой древний и прочный государственный строй новыми конституциями, что вскоре приведет их к утрате самобытности и распаду⁵. Основой Российского государства К.Н. Леонтьев считал византизм с его идеями самодержавия и православия, которые и обуславливают российскую самобытность. Он подчеркивал, что единственное организующее Россию монархическое начало, воплощенное в государстве, даже главнее семьи, не говоря уже об аристократии. Именно оно есть главное орудие общественной дисциплины⁶.

¹ См.: *Кошелев А.И.* Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862. С. 2–20.

² См.: Там же.

³ См.: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 2005. С. 161–169.

⁴ См.: Там же. С. 170.

⁵ См.: *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // Храм и церковь. М., 2003. С. 368.

⁶ См.: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. С. 157.

Демократия в глазах К.Н. Леонтьева означала не что иное, как ослабление центральной власти, и как следствие анархию. Он утверждал: «Сделайте у нас конституцию — капиталисты сейчас разрушат поземельную общину; разрушьте общину — быстрое расстройство доведет нас до окончательной либеральной глупости — до палаты представителей, то есть до господства ...представителей такой недвижимости, которую очень легко обратить в движимость...»¹.

К.Н. Леонтьев занимал крайне легистскую позицию, заявляя, что в России все исходящее от Верховной власти законно по определению. Оправдывал он это тем, что в империи самодержавная власть выступала носителем сверхидеи и делала всегда только благо, которое им рассматривалось как ответ власти на вызов времени. Поэтому благом являлись и закрепощение народа, и отмена крепостного права как выражения монаршей воли, спасающей страну².

Либеральные мыслители с известной долей политической осторожности проводили свою программу. Так, профессор Московского университета по государственному праву, приверженец трансцендентальной диалектики Г.В.Ф. Гегеля в вопросе власти и государства, представитель государственной школы, Б.Н. Чичерин считал, что абсолютная монархия, как и все другие формы правления, преходяща. Но и демократию он признавал лишь как переходный этап в силу того, что большинство граждан никогда не получат должного политического кругозора, который позволит им взять на себя ответственность за государственные проблемы. Поэтому наиболее приемлемой формой он считал конституционную монархию. По мнению мыслителя, ограниченная монархия представляет собой сочетание аристократического начала с демократическим. В этой форме правления выражается полнота раз-

¹ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Храм и церковь. М., 2003. С. 465.

² См.: *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 234.

вития всех частей государства и их бесконфликтное сочетание. Идея государства достигает наивысшего предела развития¹.

Сильная власть, закон и свобода, представленные соответственно монархом, аристократическим собранием и народными представителями, а также объединенные общей целью, представляют собой, с точки зрения Б.Н. Чичерина, оптимальное государственное устройство, свободное, но в то же время законное².

Для России предтечей правового государства Б.Н. Чичерин видел конституционную монархию, где самодержец будет являться выразителем консолидирующей власти³. Под конец жизни, разочаровавшись в бюрократическом государстве, которое представляла собой Россия, Б.Н. Чичерин издал работу «Россия накануне двадцатого столетия», в которой подверг критике всю существующую систему государственного устройства. Но это было уже накануне Первой русской революции. В ней он предрекал крушение системы, если не будут изменены в корне основы государства⁴.

Еще один представитель государственной школы А.Д. Градовский представлял государство в лице органов политической власти прогрессивным по своей сущности. Общество должно сохранять традиции, национальное сознание, то есть осуществлять исключительно охранительную роль, чтобы правительство смогло реализовать заложенный в нем прогрессивный потенциал. Такая диспозиция представлялась А.Д. Градовскому вполне естественной, потому, что, как он считал, отдельные лица и их объединения остаются на уровне развития своей эпохи. Поэтому от большинства населения трудно ждать прогрессивного движения в социально-политическом от-

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. М., 1894-1898. Т. 3. С. 161; *Его же.* Собственность и государство // *Избранные труды.* М., 1882–1883. Ч. 2. С. 401–550.

² См.: *Нарежный А.И.* Проблема консерватизма в русской либеральной мысли второй половины XIX века // *Либеральный консерватизм: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции.* М., 2001. С. 39.

³ См.: *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России // *Опыт русского либерализма. Антология.* М., 1997. С. 56.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1-я половина XX века.).* М., 2000. С. 169–180.

ношении и поэтому совершенно достаточно, если общество сохраняет предания своего времени. С его точки зрения, «прогрессивное движение, вышедшее из общества, в большинстве случаев есть революция, то есть самое бесплодное из всех действий общества, то же прогрессивное движение в правительстве всегда есть реформа, более или менее благодетельная»¹. Неудивительно, что самой устойчивой формой правления он считал неограниченную монархию из-за ее надклассового характера и способности встать над интересами всего общества².

Как и большинство либералов рассматриваемого периода, А.Д. Градовский очень осторожен в высказываниях. Однако, сопоставив некоторые его высказывания, можно предположить, что предпочтение ученый отдавал конституционной монархии. Например, он утверждал, что самодержавие имеет огромный эволюционный потенциал, способно к историческому развитию и порождению новых разнообразных социально-политических систем³. Одновременно А.Д. Градовский утверждал неизбежность эволюции конституционной монархии в систему с народным представительством, так как это следующий шаг в сторону прогрессивного развития государства⁴. Он верил, что перемены произойдут в России без революции под покровительством сильного государства, и его родина избежит потрясений подобных тем, что происходили в странах Западной Европы.

Старший представитель государственной школы К.Д. Кавелин был солидарен с А.Д. Градовским в вопросе о главной реформаторской силе в обществе. Для него не было никаких сомнений в том, что ей может быть только

¹ См.: *Градовский А.Д.* Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1907–1908. Т. 3. С. 87.

² См.: *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1907–1908. Т. 4. С. 21.

³ См.: *Градовский А.Д.* По поводу пересмотра наших законов о печати // Судебный вестник. 1869. № 249. 15 нояб.

⁴ См.: *Градовский А.Д.* Теория представительства // Политика, история и администрация. СПб., 1871. С. 23.

государство, на которое он возлагал надежды и в проведении широких реформистских программ в России¹.

К.Д. Кавелин считал, что необходимо сохранить власть государя, но непременно в сочетании с широким местным самоуправлением. Как ни странно это сегодня читать, но К.Д. Кавелин желал сохранить самодержавие именно для противостояния консервативной крепостнической партии².

Историк, оказывавший влияние на всю гуманитарную науку того периода, В.О. Ключевский искал истоки русского представительства в истории земских соборов, отмечая, что они постепенно эволюционировали в сторону преобразования в постоянный орган, ответственный перед монархом³. Поэтому, по его мнению, Россия имеет все шансы обрести народное представительство, которое станет благом для страны. Форма правления изменится, это обеспечит равенство всех перед законом, что, в свою очередь, поможет избежать ущемления частного интереса государственным. При этом В.О. Ключевский был противником введения представительства по западному образцу. Он полагал, что наличие партийного представительства усилит социальное неравенство⁴.

Таким образом, во второй половине XIX в. представители консервативных течений правовой мысли единодушно выступили за сохранение самодержавия. Высказывания же либеральных мыслителей о форме правления в России были осторожными и зачастую имели форму гипотез. Причиной этому был политический строй в Российской империи.

Наиболее оживленные теоретические споры велись в литературе по поводу формы государственного устройства.

¹ См.: *Кочукова О.В.* К.Д. Кавелин в общественном движении России (50–80-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 56–102.

² См.: *Кавелин К.Д.* Критические статьи и рецензии // Сочинения: в 4 т. М., 1859. Т. 3. С. 462–463.

³ См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Собр. соч.: в 9 т. М., 1988–1990. Т. 3. С. 74–75.

⁴ См.: *Ключевский В.О.* Материалы разных лет // Собр. соч.: в 9 т. М., 1988–1990. Т. 9. С. 355–360.

К.Н. Леонтьев прямо отвергал идеи федерализма, потому что как наиболее последовательный консерватор он видел в них угрозу монархическим основам идеократического государства. Историк стоял на централистских позициях: «Один из предрассудков, наиболее сильных в наше время, есть убеждение, что централизация, безусловно, вредна сама по себе... Не централизация власти гибельна для страны сама по себе, она спасительна, напротив, до тех пор, пока почва под этой властью разнообразна...пока есть сословия, пока провинции не сходны, пока воспитание различно в разных слоях общества, пока претензии не одинаковы, пока племена и религии не уравнены в общем индифферентизме, до тех пор власть больше или меньше централизованная есть необходимость»¹.

Ю.Ф. Самарин считал, что централизация должна быть последовательной, и полагал, что для этого можно кое-что сделать уже в настоящее время. Он предложил ликвидировать правовые изъятия из документов, регулировавших положение Остзейского края, считая, что отношение к империи, в котором находился этот край, является противоестественным². Кроме того, ученый призывал «подровнять» правовой статус Польши в составе империи, ограничить политический вопрос об этом субъекте границами земель с польским населением, вытеснив его тем самым за пределы Западных губерний и Украины³.

Что касается вопросов местного самоуправления, то И.С. Аксаков считал, что оно должно развиваться в России по иному пути, нежели в англосаксонских государствах, особенно в США, где каждая община, будто маленькое государство⁴. К российскому самоуправлению он относился весьма критично, разочаровавшись в способности образованной части общества стать

¹ См.: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. С. 157–161.

² См.: *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги // Соч.: в 12 т. М., 1877–1911. Т. 7. С. 114.

³ См.: *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги // Соч.: в 12 т. Т. 1 С. 340–341.

⁴ См.: *Аксаков И.С.* Об отсутствии духовного самодержавия в американской народности // Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 436–437.

проводником нового самосознания. В идеале он рассматривал земство как самостоятельное образование — выражение мнения и интересов общества¹.

И.С. Аксаков объяснял важность местного самоуправления необходимостью учесть потребности всех местностей, а задача государства следить, дабы был соблюден общий интерес. Он полагал, что правительство должно выполнять функцию защитника «простого» человека², а крестьянство считал реальной политической силой, потому что сельские общества теперь представляют властные субъекты, ведающие общественной безопасностью и сбором государственных повинностей³.

И.С. Аксаков не видел противоречия между самодержавием и местным самоуправлением, считал самоуправление неотъемлемой частью территориального устройства России, во главе которого стоит монарх, не связанный буквой закона, что обеспечивало их взаимоотношениям «особую гармонию»⁴. Свою концепцию местного самоуправления в России он представлял как соединение самоуправляющихся местных общин с самодержавным царем во главе⁵.

Влиятельный публицист М.Н. Катков определял земства как часть бюрократических органов на местах со своим объемом полномочий и задач исключительно в хозяйственной сфере. Местное самоуправление должно было, по его мнению, стать орудием в руках государства, дабы облегчить бремя центральных учреждений. М.Н. Катков полагал, что местное самоуправление — это род государственной службы, которая организована для того, чтобы точнее распределить бремя государственных обязанностей. Оно должно входить в общую структуру государственной власти как нижнее звено. Цен-

¹ См.: Аксаков И.С. Что такое в сущности земское учреждение: самоуправление ли общественное, или новый вид правительственного учреждения // Полное собрание сочинений в 7 т. М., 1887. Т.5. С. 406.

² См.: Аксаков И.С. Еще раз об уездном самоуправлении // Полное собрание сочинений: в 7 т. М., 1887. Т. 5. С. 454.

³ См.: Там же. С. 459.

⁴ См.: Аксаков И.С. Применение к русскому «миру» европейских цивилизованных порядков // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 590.

⁵ См.: Аксаков И.С. О правильной постановке местного самоуправления // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 57.

тральную власть он призывал не терять бдительности и оберегать свои компетенции от посягательств «фальшивых властей»¹.

В.П. Мещерский считал, что технические новшества не спасут земское дело без инициативной деятельности на местах. Тем не менее первенствующее положение в альянсе между властью и обществом должна занимать государственная власть, которая, по его мнению, ни в коем случае не должна идти на уступки обществу. Мало того, власть не должна даже признавать за обществом право требовать ослабления или отступления власти в каком-либо вопросе, так как подобная практика приведет к её ослаблению и как следствие развитию неблагонадежных рассуждений, которые он называл крамолой².

Социальной базой, способной конкурировать с бюрократией и интеллигенцией, В.П. Мещерский называл поместное дворянство, способное повести за собой общество, поправить дело народного образования и здравоохранения³.

Лиц, руководящих местным самоуправлением, В.П. Мещерский упрекал в пренебрежении непосредственными хозяйственными функциями ради непонятных отвлеченных теорий и мечтаний⁴. Он считал причиной этого неспособность земства справиться со своими непосредственными обязанностями⁵.

Следует отметить, что В.П. Мещерский не говорил об окончательной ликвидации местного самоуправления, а о приведении законодательства о земстве в соответствие с народными потребностями, как их понимали в консервативном лагере. Позже он пришел к выводу о необходимости создания местного самоуправления помимо земств, но, разочарованный в общественной самодеятельности, он не видел социальной опоры, представителям которой можно было доверить должности со столь широкими полномочиями.

¹ См.: Катков М.Н. Собрание передовых статей московских ведомостей за 1886. М., 1897–1898. С. 24.

² См.: Мещерский В.П. Да или нет // Гражданин. 1898. № 88. С. 3–4.

³ См.: Мещерский В.П. В улику времени. СПб., 1879. С. 201–278.

⁴ См.: Мещерский В.П. Мои воспоминания: в 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 82.

⁵ См.: Мещерский В.П. Об упразднении земств // Гражданин. М., 1885. № 14. С. 1.

В.П. Мещерский пришел к необходимости административного пути образования местного самоуправления, приветствовал земскую контрреформу, введение института земских начальников, а способ ослабить петербургскую бюрократию видел в усилении власти губернаторов. Он предлагал изъять многие властные функции у чиновников из С.-Петербурга и передать их на уровень губернии, т.к. непосредственными представителями государя должны были стать губернаторы¹.

Ф.М. Достоевский также не видел в земствах почву для дальнейшей модернизации структуры империи, а лишь средство возродить древнерусский быт. Поэтому придание местному самоуправлению особого политического статуса считалось им необоснованным².

Выпускник юридического факультета Московского университета, сторонник государственного направления в его консервативном варианте, Алатырский уездный предводитель дворянства, приглашенный эксперт на заседаниях Кахановской комиссии, А.Д. Пазухин считал, что местное самоуправление должно строиться на иных принципах, нежели государственное управление. Неправильной он полагал социальную опору, предусмотренную реформой 1861 г. По его мнению, оно должно основываться на твердом словном принципе, не допуская к власти купцов, промышленников и мещан³.

В поддержку вышеуказанной позиции появились статьи одесского городского головы Н.А. Новосельского и одного анонимного автора, в которых также говорилось о необходимости усилить дворянский элемент в местном самоуправлении⁴.

Идеи либеральных мыслителей по вопросу формы государственного устройства на высшем уровне носили учебно-академический либо гипотети-

¹ См.: Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. СПб., 1886. № 38. С. 17–18.

² См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Пол. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 22. С. 50–73, 103–122.

³ См.: Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 2–60.

⁴ См.: Новосельский Н.А. Усиление дворянского элемента в земстве и краткосрочный кредит для помещиков // Русский вестник. 1885. № 3. С. 222; М-ский А. Нужды местного самоуправления // Русский вестник. 1888. № 3. С. 207.

ческий характер. Представители российского либерализма, как правило, остерегались делать высказывания по этому вопросу, которые могли бы быть расценены правительством как программные.

Так, А.Д. Градовский, рассуждая о принципах федерализма, говорил, что такой тип устройства предполагает более сильное единство нации, нежели унитарное государство. И далее анализировал признаки, отличающие федерацию от конфедерации¹. Симптоматично то, что самый глубокий анализ принципа федерализма помещен им в работу, посвященную европейским государствам.

Б.Н. Чичерин описывал федерализм и унитаризм в рамках академического курса в разделе, посвященном различным формам государственного устройства, сделав изложение как можно более абстрактным и не полемичным².

В силу особенностей политического режима и проведения земской реформы дискуссия о форме государственного устройства перешла на уровень местного самоуправления.

К.Д. Кавелин полагал, что при необходимости сохранения самодержавного государства просто необходимо развивать местное самоуправление, дабы сохранить курс, взятый Великими реформами 60-х гг. XIX в. Он выступал сторонником «английской» модели создания самоуправления и оппонировал Б.Н. Чичерину, который склонялся к «французскому» образцу, то есть большей централизации. К.Д. Кавелин говорил о недопустимости сосредоточения местных дел в центральных органах, полагая, что развитие самоуправления может стать школой для будущих государственных деятелей, которые преобразуют и обновят Россию³. Он считал, что взгляд Б.Н. Чичерина на этот вопрос ошибочен, так как государство поглотит все еще неокрепшее местное самоуправление. И тогда процесс реформирования затормозится надолго. Он призывал бороться с точкой зрения Б.Н. Чичерина, так как считал его наибо-

¹ См.: *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. С. 109.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. Т. 3. С. 190–199.

³ См.: *Кавелин К.Д.* Областные учреждения в России в XVII веке // Соч.: в 4 т. Т. 3. С. 462–466.

лее опасным противником, в силу особой его одаренности писательским и научным талантом¹.

Профессор Казанского университета по государственному праву, сторонник социологического направления юриспруденции, В.В. Ивановский говорил о необходимости развития местного самоуправления, чтобы хоть как-то децентрализовать управление. Это позволит, по его мнению, полнее учитывать интересы субъектов², так как в России существуют особые различия между местностями и сословиями, что определено историческими условиями ее развития, в соответствии с которыми необходимо действовать. Все это, как считает ученый, обуславливает необходимость укрепления местного самоуправления³. Он называл сословную систему организации местного самоуправления оптимальной в исторических условиях России того периода, но считал ее только первым шагом на пути к дальнейшему преобразованию, намекая и на более высокий уровень, то есть общеимперский⁴.

По мнению Б.Н. Чичерина развивать представительные структуры необходимо начинать с самых нижних звеньев местного самоуправления. Развитие представительства, хотя бы и на местном уровне, обеспечивает тесную духовную связь между правительством и обществом⁵. Он выдвинул тезис о большей эффективности законодательства, принятого во взаимодействии с местным самоуправлением⁶. С его точки зрения, местные органы не меняют основ государства, в отличие от представительства на национальном уровне. Они обладают определенной долей власти на местном уровне, но не более: «Закон призывает их к участию в управлении местными делами. Они

¹ См.: *Китаев В.А.* От фронды к охранительству (Из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века). М., 1972. С. 150–224.

² См.: *Ивановский В.В.* Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань, 1882. С. 298–320.

³ См.: Там же. С. 11–19.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 116–135.

⁶ См.: *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 200–274.

не только дают советы, но делают постановления, обязательные для всех граждан. Следовательно, они пользуются известной долей власти»¹.

Государство, по мнению Б.Н. Чичерина, должно контролировать земства, но определял их как промежуточные звенья между обществом и государством, имевшие свои особые интересы. Он говорил о праве местного самоуправления издавать подзаконные акты и иметь собственный аппарат управления, что ослабляло позицию бюрократии в сфере управления². Б.Н. Чичерин, долгое время проработав в земстве, утверждал, что в нем много недостатков, но интриг, наблюдаемых в высшей бюрократии, он там не видел³.

Период либеральных реформ в России завершился 1 марта 1881 г., то есть после убийства Императора Александра II. После опубликования знаменитого Манифеста «О призыве всех верных подданных верой и правдой его Императорскому Величеству и Государству», в котором новый император Александр III ясно дал понять о последующем консервативном направлении развития внутренней политики⁴.

Император сформировал консервативный комитет министров и приступил к пересмотру некоторых важнейших законодательных начинаний предыдущего периода. Для юридической науки это обернулось принятием нового университетского Устава от 23 августа 1884 г., значительно сократившего автономию университетов. Так, все общетеоретические предметы были смещены в перечне в самый конец, что ясно указывало на понижение их статуса в новой стратегии юридического образования. Кроме того, были исключены некоторые важные предметы.

¹ См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 1–9, 47–95.

² См.: Чичерин Б.Н. Бюрократия и земство // Вопросы политики. М., 1905. С. 90.

³ См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н. Чичерина: земство и Московская дума. Тамбов, 2007. С. 2–83.

⁴ См.: Манифест от 29 апреля 1881 г. О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России // ПСЗ РИ–3. Т. I. № 118.

В Энциклопедии права был изъят раздел, называвшийся «Энциклопедия юридических и политических наук», а история важнейших иностранных законодательств была вообще исключена. Эти преобразования консервативной направленности способствовали ограничению обсуждения нежелательных теоретических конструкций либеральной направленности. Из всех общетеоретических предметов в новом уставе осталось только два: государственное право, а также энциклопедия и философия права¹.

И все же идея формы государства по-прежнему обсуждалась в академической среде. В этом направлении продолжал работать Б.Н. Чичерин, который систематизировал изложенные ранее идеи в Курсе государственной науки 1894–1898 гг.

Внести нечто новое в теорию самодержавия попытался бывший народоволец, сторонник идеалистического взгляда на государство в христианской интерпретации Л.А. Тихомиров. Он настаивал на сохранении самодержавия, но при этом предлагал ввести представительство, избирать депутатов не от сословия, а по профессиональным группам. Государство во главе с монархом должно стоять над интересами и консолидировать их². Эта теоретическая конструкция ничего общего не имела с общенародным представительством в странах с парламентским устройством. Предлагалось выдвигать депутатов от каждой группы для контакта с верховной властью. Представительный орган получал лишь совещательный статус, то есть мог высказать монарху свое мнение относительно того или иного вопроса³.

Выпускник юридического факультета Московского университета, сторонник государственного направления в его консервативной интерпретации, статс-секретарь его императорского величества, государственный секретарь

¹ См.: Высочайше утвержденный Общий устав Императорских Российских университетов от 23 августа 1884 г. // ПСЗ РИ-3. Т. IV. 1884. № 2404.

² См.: *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897. С. 4–130.

³ См.: *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров о реформировании социально-сословных отношений в Российской империи в конце XIX–начале XX века // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 161–162.

С.Е. Крыжановский разрабатывал проект о введении земств в Западных губерниях.

Проект носил компромиссный характер и, с одной стороны, не бросалось в глаза его отличие от общего закона о земствах в других губерниях; с другой стороны, он не ослаблял верховенство центральной власти в указанных областях. Законопроект должен был способствовать снятию напряжения в Царстве Польском, а не обеспечивать самостоятельность самоуправления. Причем, проект разрабатывался вопреки мнениям многих консервативных мыслителей¹.

С.Ю. Витте говорил, что независимое самоуправление противоречит коренному принципу русского государства — самодержавию. Он полагал введение земства ошибкой, допущенной в процессе реформ, и этим же объяснял постоянные конфликты данных учреждений с администрацией². Высказывание было ответом на проект С.Е. Крыжановского и демонстрировало единство взглядов при различии в средствах социального реформирования.

Итак, в контексте данной дискуссии либералов и консерваторов в правовой мысли второй половины XIX в. сформировались основные подходы к изучению идеи формы государства: идеалистический (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев, Б.Н. Чичерин и др.), органический (К.Н. Леонтьев, В.П. Мещерский), исторический (Н.И. Черняев и др.) и диалектический (Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, И.С. Аксаков). Либеральные правоведы к концу XIX в. стали переходить к позитивистскому или социологическому направлению (А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский).

В рамках указанных подходов изучались форма правления и форма государственного устройства как два самостоятельных, но взаимосвязанных понятия. Относительно свободно высказываться по поводу этих элементов формы государства могли только консерваторы, но в пределах теоретических концепций о самодержавии как уникальной формы правления. Соответ-

¹ См.: *Соколов А.С.* С.Е. Крыжановский — государственный деятель Российской империи начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2006. С. 4–61.

² См.: *Корнилов А.А.* Воспоминания // *Земля Иркутская*. 1997. № 8. С. 42–52.

ственно все они были ориентированы на изучение его особенностей применительно к историческому, религиозному, национальному и политическому контекстам развития Российской империи.

Либеральные мыслители высказывались по данному вопросу, как правило, догматически или предположительно-абстрактно в контексте историко-сравнительного подхода к изучению соответствующего политико-правового опыта западной и восточной цивилизаций.

2.2. Механизм государственной власти в правовых оценках либеральных и консервативных мыслителей пореформенной России

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. стали не только импульсом к развитию новых общественных отношений и разрешению назревших в империи проблем, но и породили новые конфликты и недопонимание (между крестьянами и помещиками, между земством и администрацией и др.).

Несмотря на то, что при преобразовании крестьянского общества реформаторы старались минимизировать изменения в крестьянской социальной организации, дабы не усугубить и без того напряженную ситуацию, правительство пыталось взять за основу организации сельского общества церковный приход, чтобы не прибавлять к финансовым осложнениям, порожденным реформой, еще и социальные¹. Однако, по замечаниям современников, аппарат самодержавного правительства работал настолько медленно, что многие вопросы, касающиеся правового положения населения, законодательно не были урегулированы даже в конце XIX в.²

После кратковременного подъема патриотизма, охватившего общество во время польского восстания 1863 г., когда либеральная и консервативная общественность в целом осудила повстанцев (с поддержкой выступили толь-

¹ См.: Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу // Архив Государственного совета. Пг., 1916. Т. 2. С. 56.

² См.: По поводу всеподданнейшего доклада министра финансов на 1899 год. Юридическое обозрение // Вестник права. СПб., 1899. № 1. С. 252–254.

ко А.И. Герцен и народники, группировавшиеся вокруг П.Л. Лаврова)¹, наступил сложный период. Впоследствии в ходе проведения реформ в империи сильно активизировалась общественная самодеятельность. Создавались многочисленные общества и объединения.

В то же время многие консервативные чиновники оставались на своих местах и противодействовали указанным процессам, опираясь на поддержку части императорского двора. Поэтому, когда после покушения Д.В. Каракозова на императора Александра II появилось мнение, что многие люди злоупотребляют дарованной свободой, и русское общество не готово к личной политической ответственности, консервативно настроенные элементы ухватились за эту идею². Социально-политические и мировоззренческие конфликты возникали довольно часто, вызывая в обществе постоянное напряжение.

Реакцией образованной части общества на усиление социального давления со стороны государственной власти стали мистика, уход в «чистую» науку, земская работа, политическая публицистика с целью привлечь внимание правительства и императора на «язвы общества». Одним из многочисленных ответов на указанные сложности данного исторического периода стало народничество, возникшее под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, Н.К. Михайловского и отчасти Д.И. Писарева. Начавшись как пропагандистское течение в среде непривилегированных сословий, оно затем отчасти переросло в практику организованного террора³.

В обществе впервые появилась организация, которая в своих программных документах отрицала все основы существующего строя и ставила своей целью его насильственную ликвидацию⁴. Мало того, после убийства

¹ См.: Мельгунов С.П. Из истории общественных настроений в 1863 г. // *Голос минувшего*. М., 1916. № 3. С. 232–243.

² См.: Голицын В. Москва в 70-е годы // *Голос минувшего*. М., 1919. № 5–12. С. 111–163.

³ См.: Лавров П.Л. Народники пропагандисты 1873–1878 г. СПб., 1907. С. 184–271.

⁴ См.: Устав «Земли и воли» // Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1930. С. 60–62.

народовольцами генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева Киевский исполнительный комитет партии в личном письме прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухину угрожал убийством в случае, если не прекратятся злоупотребления по делу Н.В. Мезенцева¹. Социальные конфликты приобретали все более непримиримый характер.

Формально победоносная русско-турецкая война 1877–1878 гг. на время подняла авторитет правительства в обществе, но не настолько, чтобы остановить продолжающиеся террористические акции, сопровождавшиеся политическими процессами. Кульминацией активности партии «Народная воля» стало убийство императора Александра II, за которым последовало общее ужесточение политического курса в стране².

Усложняли ситуацию особенности экономического развития Российской империи. Несмотря на относительный рост промышленности, опорой экономики оставался аграрный сектор³. Попытки правительства стабилизировать финансовую систему за счет него, слабость инфраструктуры деревни, отсутствие резервов на случай неурожая и другие недостатки, подробно описанные А. Новиковым⁴, привели к голоду 1891–1892 гг. Общественная работа по ликвидации последствий голода, которую правительство должно было разрешить из-за собственной неспособности справиться с ситуацией, вновь возродило социальную и политическую активность в конце XIX в. после периода политической реакции⁵. В этих условиях либеральными и консервативными мыслителями не оставлялись попытки осмыслить общие вопросы организации государственной власти в России.

Согласно ст. 1 Свода основных государственных законов формой правления в Российской империи являлась самодержавная и неограниченная мо-

¹ См.: Письмо А.А. Лопухину // Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1930. С. 90–92.

² См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983. С. 83–186.

³ См.: *Яблонских Е.К.* История экономики России XIX века. М., 2000. С. 32–61.

⁴ См.: *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 111–195.

⁵ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 гг. М., 1997. С. 137–145.

нархия¹. Данная статья базируется на целом перечне предшествующих законодательных актов: Уставе Воинском, Уставе Морском, Регламенте или уставе духовной коллегии, Манифесте о вступлении на престол Анны Иоанновны и Учреждении об императорской Фамилии².

Однако, как указывает А. Каппелер, рассмотрение одних государственных законов не дает адекватного представления о Российской империи. С его точки зрения, Россия императорского периода представляла собой сложную систему разных территориальных и этнических единиц, с которыми император состоял в разных правовых и политических отношениях³.

Соответственно, титул Российского императора не являлся только простым перечислением земель, входивших в корону, а служил указанием на все многообразие правовых статусов территорий, включенных в состав Российской империи.

Наиболее наглядно об этом свидетельствовал статус таких значимых земель Российской империи, как Царство Польское, Великое княжество Финляндское и Туркестанский край. Многие из указанных субъектов пользовались существенной автономией в составе империи. Отменить формально дарованные гарантии императору было непросто или практически невозможно. Ликвидация значительной части польской автономии и частичная русификация потребовали от империи двух войн и огромных финансовых затрат⁴.

Великое княжество Финляндское не признавало общеимперских налогов без ратификации их сеймом княжества, а все попытки провести русифи-

¹ См.: Свод основных государственных законов. Разд. 1. Ч. 1. Т. 1. Свод законов РИ. СПб., 1857.

² См.: Устав воинский от 30 марта 1716 г. арт. 20. толкование // ПСЗ РИ-1. Т.V. 1713–1719. № 3006; Морской устав от 13 января 1720 г. Кн. V. Гл. 1. Ст. 2. Толк. 1. // ПСЗ РИ-1 – Т. VI. 1720–1722. № 3485; Регламент или устав духовной коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗ РИ-1. Т. VI. 1720–1722. № 3718; Манифест. О вступлении на Российский престол Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны, о восприятии самодержавия и об учинении вновь присяги – С приложением формы клятвенного обещания от 28 февраля 1730 г. // ПСЗ РИ-1. Т. VIII. 1728–1732. № 5509; Учреждение об Императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. § 71. // ПСЗ РИ-1. Т.XXIV. 6 ноября 1796–1797. № 17906.

³ См.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 2000. С. 3–45.

⁴ См.: Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 81–207.

кацию в почтовой, военной и других сферах успешно саботировались финским обществом вплоть до самого распада империи¹.

Трудности интеграции правовой системы Великого княжества в общеправовую систему Российской империи отмечают С.В. Кодан и С.А. Февралёв, утверждая, что оно сохранило многие правовые положения, которые относились к публично-правовым сферам правового регулирования, например, самостоятельности в законодательной деятельности, государственном управлении и правосудии².

Лишних военных, экономических и политических ресурсов, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, у империи не нашлось. Туркестанский край, несмотря на то, что был превращен в генерал-губернаторство, сохранил гарантии для исламской правовой системы. Без данного шага управление краем было бы просто невозможным³. Насильственные нововведения на указанных территориях фактически означали бы начало ведения войны с местным населением, обычно лояльным режиму.

Законодательные акты, закреплявшие правовой статус вышеупомянутых территорий, можно рассматривать как противоречащие ст. 1 Свода Основных государственных законов 1857 г. Они содержались в Полном собрании законов Российской империи, Собрании постановлений Великого княжества Финляндского⁴.

¹ См.: *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910. С. 82–109.

² См.: *Кодан С.В., Февралёв С.А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX века). М., 2014. С. 118–156.

³ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи* // под ред. Н.Е. Бекмаханова. М.: НЛЮ, 2008. С. 86–132.

⁴ См.: *Борениус Г.* Акты для выяснения политического положения Великого Княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890. С. 21–26, 31–33, 37; «Высочайшее его императорского величества постановление о сельском общинном управлении» от 6 февраля 1865 г. // Собрание постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1861–1910. № 4; «Высочайшее его императорского величества постановление о свободе печати в Финляндии и об условиях пользования ею» от 18 июля 1865 г. // Собрание постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1865. 1861–1910. № 5; Именной, данный Сенату. «О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском» от 19 февраля 1875 г. // ПСЗ РИ-2. Т. L. Ч. 1. 1875. № 54401; Именной, объявленный Сенату министром финансов «О образовании, в составе Министерства

В силу особенностей политического режима, существовавшего в Российской империи, указанные правовые проблемы не обсуждались открыто в отечественной юридической науке. Например, А.Д. Градовский рассматривал титул монарха догматически, так как перечислял подчиненные ему территории, а затем указывал на неограниченность власти императора¹.

Легальный повод для дискуссии либералов и консерваторов об организации государственной власти в Российской империи дала Земская реформа 1864 г., так как органы земского самоуправления представлялись им наиболее демократическими и, следовательно, могли служить для данной дискуссии более удобным поводом, чем городское самоуправление.

Отечественные мыслители различных направлений могли делать публичные высказывания о форме Российского государства, маскируя их под рассуждения о природе местного самоуправления, его соотношении с центральными и местными органами государственной власти.

Вопрос о народном представительстве маскировали под проблему объединения органов земского самоуправления для решения каких-либо общих дел (экономических и социальных).

Общеизвестно, что земские учреждения вводились в Российской империи указом от 1 января 1864 г., которым утверждалось «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»². Система выборов строилась на куральной основе. Критерием стал имущественный ценз.

Сначала должен был пройти съезд землевладельцев, который составляли все землевладельцы уезда независимо от сословной принадлежности, имевшие не менее 200 десятин земли, недвижимую собственность на сумму

финансов, особого Отдела по финансам Царства Польского» от 22 апреля 1866 г. // ПСЗ РИ-2. Т. XLI. Ч. 1. 1866. № 43218; «Высочайше утвержденное временное Положение об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. // ПСЗ РИ-2. Т. 40. Ч. 1. 1865. № 42372.

¹ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 154–165.

² См.: «Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Ст. 76–81 // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457.

не менее 6 тыс. руб., а также уполномоченные от духовенства и землевладельцев, соответствующих земельному критерию.

Второй съезд именовался городским. Он состоял из купцов первой гильдии, владельцев торговых и промышленных предприятий с ежегодным доходом не менее 6 тыс. руб., а также владельцев недвижимого имущества стоимостью не менее 500 руб.

Третьим был съезд сельских крестьянских обществ. Для первых двух съездов вводились прямые выборы, а для последнего — трехступенчатые. Сельские общества выбирали представителей для волостных сходов, на которых избирали выборщиков. Те, в свою очередь, проводили уездный съезд выборщиков, на котором избирались гласные в уездное собрание. Вместо имущественного ценза для крестьян было введено ограничение по численности: не более одной трети от общего числа лиц, имевших право на участие в волостном сходе, что должно было обеспечить представительство малым сельским обществам.

Выборы в уездное собрание проводились на уездных съездах трех курий. Губернские гласные избирались на уездных собраниях. Выборы должны были проводиться раз в три года.

Уездные земские собрания обычно избирались один раз в год, не позднее сентября. Их проведение разрешалось министром внутренних дел. Уездное земское собрание открывалось и закрывалось уездным предводителем дворянства. Губернские земские собрания проводились один раз в год, не позднее декабря, продолжительность их составляла двадцать дней¹. Собрания открывались и закрывались губернатором.

Земские собрания определяли ведущие направления деятельности, утверждали сметы, раскладки повинностей, рассматривали жалобы на членов

¹ См.: «Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Ст. 76–81 // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457.

управ и т.д. На первом заседании земского собрания избиралась земская управа, выступавшая исполнительным органом при собрании¹.

Губернские и уездные управы в период между сессиями собраний распоряжались имуществом земства и хозяйством соответствующего субъекта. Они руководствовались оставленными инструкциями земских собраний. Особое внимание уделялось финансовым вопросам. Управа в своей деятельности должна была строго придерживаться утвержденных собранием смет. Непредвиденные отступления допускались только в заранее определенных собранием рамках.

По «Положению» 1864 г. земские учреждения не включались в систему государственных органов. Поэтому служба в них относилась к общественным обязанностям. Гласные не получали вознаграждения за участие в работе земских собраний. То же относилось и к должностным лицам земских управ. Им выплачивалось вознаграждение из земских средств, в размере, установленном собраниями².

Однако самые спорные моменты, естественно, сосредоточились в сфере надзора и контроля за их деятельностью. Законом «О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям» власть губернатора распространялась на все земские должности, в том числе выборные. По его требованию лица, признанные неблагонадежными, должны были исключаться из состава соответствующего органа³.

Законодательство предусматривало жесткий административный контроль не только за политико-правовой, но и за хозяйственной деятельностью земских учреждений. Их местные акты должны были утверждаться на уровне

¹ См.: *Фармаковский В.И.* Книжка для земских гласных: о земских учреждениях. Симбирск, 1879. С. 3–38.

² См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Ст. 49,57 // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457.

³ См.: «Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел о предоставлении Губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям» от 19 августа 1879 г. // ПСЗ РИ-2. Т. LIV. Ч. 2. 1879–18 февраля 1880. № 59947.

губернатора или министра внутренних дел. Все вопросы, требующие утверждения губернской администрации, были детально перечислены¹. Также подробно перечислялись вопросы, решения по которым должны были утверждаться министром внутренних дел в обязательном порядке².

И главное, в законодательстве говорилось о том, что органы земского самоуправления не могут выходить в своей компетенции за границу, очерченную в «Положении», вмешиваться в сферу деятельности центральной администрации, сословных и общественных учреждений, а распоряжения земств, изданные в нарушение законодательства, должны были считаться недействительными³.

Органы местного самоуправления уже самим фактом своего возникновения существенно меняли соотношение сил на местном уровне. Выборность как отличительный признак земства в стране с неограниченной монархией неизбежно приводила к конфликту между самоуправлением и имперской администрацией. Эта коллизия сохранилась вплоть до принятия нового «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г., которое было принято в период контрреформ. На примере этого законодательного акта видно, как политическая система отторгает неорганичный ей институт.

По новому «Положению» земские учреждения попадали под контроль правительственного чиновничества не только с точки зрения законности, но и целесообразности своей деятельности. Так, теперь гласных в уездное собрание от крестьян назначала администрация из числа выбранных на волостном уровне. Усиление контроля губернатора над земствами произошло в нескольких сферах.

Губернатору предоставлялось право надзора не только за законностью, но и правильностью работы местного самоуправления. Он имел право произ-

¹ См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457. Ст. 90.

² См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457. Ст. 92.

³ См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40457.

водить ревизии земских управ и всех учреждений, подведомственных земствам. Для контроля за целесообразностью постановлений и иных актов земства создавался коллегиальный орган — губернское по земским делам присутствие¹.

Самостоятельность земств ограничивалась более всего ст. 87, предоставлявшей губернатору останавливать исполнение любого земского акта, если он не соответствовал государственной пользе или нарушал нужды местного населения². Это юридическое новшество открывало широкий простор для вмешательства центральной администрации в дела земств. Администрации предоставлялось право решать вопрос о юрисдикции, то есть, какие проблемы являются местными, а какие нет. Поэтому иногда из-за конфликтов между двумя инстанциями деятельность местного управления могла быть надолго парализована³.

По новому «Положению» подлежали утверждению в должности не только председатели управ, но все ее члены, причем было запрещено обжаловать акт о неутверждении⁴.

Председатели земских управ теперь избирались только из лиц, имеющих право поступления на государственную службу⁵. Также расширился перечень вопросов, которые не могли быть решены земством самостоятельно без утверждения губернатора⁶.

Теперь земские служащие считались состоявшими на государственной службе и имели право на ношение мундира и орденов. А увольнение и пре-

¹ См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. Ст. 26. // ПСЗ РИ-3. Т. X. Ч. 1. 1890. № 6927; Положение о губернских и уездных земских учреждениях Т.2. Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. гл. 1. п. 5.

² См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. Ст. 26. // ПСЗ РИ-3. Т. X. Ч. 1. 1890. № 6927.

³ См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. СПб., 1909–1911. Т. 3. С. 362.

⁴ См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. Ст. 118 // ПСЗ РИ-3. Т. X. Ч. 1. 1890. № 6927.

⁵ См.: Там же. Ст. 117.

⁶ См.: Там же. Ст. 82, 87, 22.

дание суду председателей и членов управ было оставлено на усмотрение губернской администрации¹.

Новое законодательство расширило полномочия председателя земской управы. Теперь он мог приостановить даже решение, принятое большинством собрания управы, и представить дело губернатору, который, в свою очередь, передавал его на рассмотрение губернского присутствия по земским делам². Характерно, что председательствовал в губернском присутствии по земским делам сам губернатор. Данное присутствие выполняло функции координатора земской деятельности от государства, но губернатор обладал полномочием приостановить решение присутствия и передать вопрос на разрешение министру внутренних дел³.

Земское и городское самоуправление попало под плотный контроль со стороны государственной власти, о чем свидетельствуют материалы отчетов по самым пустяковым поводам на имя губернатора и министра внутренних дел. Например, запросы на разрешение сборов и расходов на строительство малых объектов инфраструктуры (флигелей, пристроек и т.д.)⁴.

Новое положение не смогло разделить полномочия губернатора, губернского присутствия и земства, что постоянно порождало столкновения и затяжные конфликты. Впоследствии Министерство внутренних дел неоднократно издавало различные специальные указания, но это мало помогало, так как конфликты носили принципиальный характер. Именно в таком политико-правовом контексте и развернулась борьба между либералами и консерваторами.

Идейное столкновение носило программный характер, так как реальных попыток ограничения самодержавной власти политическим путем в указанный период не предпринималось. Исключением можно считать нашумев-

¹ См.: «Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. Ст. 124 // ПСЗ РИ-3. Т. X. Ч. 1. 1890. № 6927.

² См.: Там же. Ст. 101.

³ См.: Там же. Ст. 8, 12.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 109. Л. 25-30; Ф. 25. Оп. 1. Д. 115. Л. 21-24; Ф. 89. Оп. 1. Д. 20. Л. 4-5; Ф. 90. Оп. 1. Д. 91. Л. 65-67.

шую попытку московского дворянского собрания 1865 г., которое проходило с 3 по 16 января. При идейном лидерстве Н.А. Безобразова оно выступило за создание Российского дворянского собрания, которое поставляло бы депутатов в Государственный совет для участия в законодательстве, касающемся интересов дворянского сословия. Некоторые представители дворянства предлагали созвать Всесословное представительство, другие вообще два представительства; одно для лиц благородного происхождения, другое для всех остальных. Участники, подготовившие адрес императору, сошлись на компромиссном двухпалатном представительстве: низшая — Всесословная и верхняя — дворянская. Эта робкая инициатива была пресечена сразу¹.

Поэтому либералам и консерваторам этой эпохи оставалось сталкиваться в идейной борьбе за теоретическое превосходство в надежде на реализацию своего проекта в будущем.

Критикуя вышерассмотренное законодательство, представитель государственной школы Б.Н. Чичерин полагал, что выборы должны проводиться от сословий, а не по имущественному признаку, как предлагало правительство. Он заявлял, что «в стране, где существуют сословия, главное их значение составляет участие в местном управлении»².

Б.Н. Чичерин хотел сближения сословий, но не находил социальной основы для этого³. Надежду он возлагал на земство. Именно там, по его мнению, должно произойти сближение сословий. Б.Н. Чичерин считал, что сословия должны пройти долгую школу совместной работы в земском самоуправлении, где они смогут привыкнуть к конструктивному обсуждению общественных дел⁴. Контролировать местные собрания должны одновременно общество и государство. Б.Н. Чичерин безусловное лидерство отдавал государству, так как считал, что контроль должен быть у лиц, не связанных с местными интересами. Основным положением, по его мнению, был принцип

¹ См.: *Скороспелова В.А.* Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. М., 1972. С. 43.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 2–65.

³ См.: *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. СПб., 1906. С. 2–31.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Философия права. С. 494–510.

согласования местного управления с центральным. Самоуправление не должно возводиться в абсолют, а полагается ему быть согласованным с деятельностью центральных органов и во многом подчиняться последним, как «части подчиняются целому». Это должно придать гармоничность государственному управлению¹.

Поначалу Б.Н. Чичерин считал, что центром земства должна быть губерния, так как в нее легче привлечь квалифицированных сотрудников и она ближе к правительству. За уездом должны были остаться лишь исполнительные функции, что противоречило намерениям правительства, которое центром самоуправления предполагало сделать уезд. Однако позже ученый изменил свое мнение и стал выступать за доминирование уезда и его финансовую независимость в вопросах распределения денежных средств. Б.Н. Чичерин разочаровался в губернском управлении, считая его далеким от местных нужд и бюрократическим, что противоречило природе местного самоуправления. Уезд должен отвечать за местные дела, а губернии — за общие². Такая постановка вопроса вызвала полемику Б.Н. Чичерина и выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, видного земского деятеля, консервативного мыслителя и камергера Д.Н. Шипова, который считал, что уездные управы должны выполнять решения губернских органов. Для этого они должны были получать определенные денежные суммы из губернских касс. Это положение согласно Б.Н. Чичерину приведет к окончательной бюрократизации местного самоуправления. Поэтому он отстаивал противоположную концепцию и называл выдвигаемую Д.Н. Шиповым теорию их «взаимодействия» невозможной, так как местное самоуправление возможно лишь между равными партнерами. Губерния никогда не может быть равна по своему политико-правовому статусу уезду, поэтому будут иметь место не взаимодействие, а опека, надзор и управление. Если добавить к этому финансовую зависимость, в которую обязательно по-

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Философия права. С. 495–503.

² См.: *Искра Л.М.* Б.Н. Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме. Воронеж, 1999. С. 44–134.

падает уезд по теории Д.Н. Шипова, то общественная деятельность будет сильно скована. Поэтому Б.Н. Чичерин предлагал разделить губернию и уезд, прежде всего, в финансовом отношении, так как орган, зависимый в денежном отношении, не может быть свободен политически¹.

Столкновения у Б.Н. Чичерина происходили не только с консерваторами. Он вел полемику с либеральным историком и общественным деятелем В.И. Герье, который не согласился с распределением полномочий между уездом и губернией. Он полагал, что такая практика будет способствовать разобщению земств, а не их взаимодействию. Б.Н. Чичерин парировал этот аргумент выводом о том, что самостоятельность не исключает взаимодействия. Наоборот, наилучшее сотрудничество наблюдается у самостоятельных субъектов².

Когда В.И. Герье высказал убеждение, что уезд как часть губернии в принципе не может быть автономен подобно части организма, Б.Н. Чичерин ответил на это аргументированно. Он подчеркнул самостоятельное существование различных территориальных единиц и высказался о том, что уезд и губерния связаны между собой не органически, а юридически. В силу того возможно их автономное (в определенных рамках) существование. Губерния может обладать прерогативой лишь в общих вопросах, но в рамках своей компетенции уезд должен получить полную автономию, а так как местное самоуправление должно строиться снизу, а не сверху, то уезд должен стать его настоящим фундаментом³.

Выражая свое отношение к новому «Положению» 1890 г., Б.Н. Чичерин отмечал, что этим шагом свели на нет всю реформу местного самоуправления, аналогично загубив преобразованный суд. Он предрекал земству будущее вырождение в придаток центральной бюрократии⁴.

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Бюрократия и земство // Вопросы политики. С. 105.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Бюрократия и земство // Вопросы политики. С. 123.

³ См.: Там же. С. 128.

⁴ См.: *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1-я половина XX века). М., 2000. С. 522–523.

Б.Н. Чичерин утверждал, что прежде созыва всероссийского представительства обществу будет полезно предварительно пройти подготовку. В качестве таковой, он полагал допуск выборных от губернских земских собраний в Государственный совет, заседания которого должны стать публичными¹. Выступая противником нового «Положения», он полагал, что единственная надежда России на выход из административного кризиса состоит в увеличении полномочий и финансирования местного самоуправления².

Противником вышеназванного положения выступил последователь социологического направления В.В. Ивановский, заявив, что новая организация несправедлива и не будет способствовать оптимальному решению проблем земскими учреждениями. Правительство, по его мнению, «разом нанесло решительный удар идее общественной свободы и автономии»³.

Либеральный публицист Л.А. Полонский проводил в журнале «Вестник Европы» мысль о создании в России центрального представительства. Не посягая на институт самодержавия, он также предлагал ввести представителей местного самоуправления в Государственный совет. При этом не должно проводиться прямых выборов. Вместо этого каждое губернское собрание должно выдвинуть несколько своих кандидатов, один из которых, в свою очередь, назначался бы в Государственный совет на несколько лет. Также он предлагал передать все функции управления земством на уровень уезда. Губернское собрание должно формироваться наполовину из членов имперской администрации, наполовину из выборных от земств⁴.

Юрист, либеральный публицист и теоретик местного самоуправления О.К. Нотович под видом рассуждений о реформировании местного самоуправления высказывал радикальные для своего времени идеи о форме правления и государственном устройстве. Он утверждал, что Россия на настоящем

¹ См.: *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. СПб., 1906. С. 2–33.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Бюрократия и земство // Вопросы политики. М., 1905. С. 92–93.

³ См.: *Ивановский В.В.* Земские начальники // Политическая энциклопедия: в 2 т. СПб., 1906–1907. Т. 2. С. 706.

⁴ См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 2. С. 190–192.

этапе своего развития не представляет собой органически развитого государства, но являет конгломерат земель, связанных между собой только личностью императора, и лишь глубокие реформы могут переломить ситуацию.

О.К. Нотович предлагал создать целую систему органов местного самоуправления из трех уровней: участкового, уездного и губернского. Каждый вышестоящий уровень лишь координирует действия нижестоящих, но не вторгается в сугубо местные дела. Он считал, что центральная власть может взаимодействовать с уездами и участками не непосредственно, а только через губернское управление. Губернаторы могут оспаривать решения губернских собраний, налагая свое вето, которое преодолевается, если голосование по данному вопросу будет повторено трижды с одинаковым результатом. В таком случае результат голосования рассматривается как «требование самой жизни», и вето губернатора преодолевается автоматически.

Далее О.К. Нотович предусматривал создание особых совещаний, выборных от губернских органов местного самоуправления с центральным правительством, что предполагало создание всероссийского органа народного представительства. Также он постулировал создание «органически цельного» правительства под управлением министра внутренних дел, имея в виду практику личных всеподданейших докладов императору, то есть подразумевал создание кабинета министров по образцу стран Западной Европы¹.

Либеральный публицист, государственный служащий и земский деятель В.Ю. Скалон отстаивал принципы всеобщего голосования для низших единиц местного самоуправления. Он выступал против возражений утверждавших, что для реализации принципа всеобщей организации нет образованных людей. Также он оспаривал мнение, что непреодолимо противоречие между частным и общинным землевладением и крестьяне уничтожат частное интенсивное землевладение, воспользовавшись при всеобщем голосовании тем, что их большинство.

¹ См.: *Нотович О.К.* Основы реформ местного и центрального управления. СПб., 1882. С. 193–240.

В.Ю. Скалон говорил о том, что постепенная реформа лишь сблизит сословия при параллельном правовом регулировании общинного и частного землевладения. Он также выступал за создание волости как самоуправляющейся единицы в противовес проектам создания местного самоуправления как придатка центральной администрации и, выступая за всеобщность голосования, подразумевал прямые равные всеобщие выборы¹.

Видный теоретик и практик местного самоуправления, выпускник императорского училища правоведения, чиновник, адвокат, публицист К.К. Арсеньев считал, что правительство должно начать доверять земству. Ведь благодаря своей инициативе, утверждал он, земства сделали очень многое. А практика ограничения и стеснения земств выбивает у них как раз инициативу, убивая местную деятельность на корню². Он утверждал, что общество уже подготовлено к реформам³.

К.К. Арсеньев одобрительно относился к реформе местного самоуправления, но только как к почину. Он осуждал правительство, которое приостановило перемены, испугавшись их стремительности⁴. Анализируя деятельность комиссии под председательством М.С. Каханова, К.К. Арсеньев не согласился ни с одним из двух представленных ею мнений. Группа, поддерживавшая первую точку зрения, полагала разделить уезд на несколько крупных территориальных единиц во главе с мировыми судьями, которые в отношении крестьян заменили бы мировых посредников. Вторая точка зрения подразумевала также подразделение на территориальные единицы, во главе каждой из которых должен был встать заведующий, в чьих руках сосредоточивались административные и некоторые судебные функции.

К.К. Арсеньев указывал, что в России еще нет сильного общественного мнения, препятствующего коррупции и произволу на местах, а данные явления не заставят себя долго ждать, если сосредоточить такую власть в руках

¹ См.: Скалон В.Ю. Земские взгляды на реформу управления. М., 1884. С. 94–137.

² См.: Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. Кн. 1. С. 393.

³ См.: Арсеньев К.К. После 1-го марта // За четверть века (1871–1894). Сборник статей. Пг., 1915. С. 61.

⁴ См.: Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. Кн. 11. С. 410.

одного человека. Судья не будет одновременно эффективным администратором¹. С его точки зрения, такой управляющий будет подчиняться сразу двум министерствам (Министерству внутренних дел и Министерству юстиции), а это не может не сказаться отрицательно на его работе. Правовед предлагал расширить круг действий волостного суда, улучшив прежде его организацию, освободить пункты мирового участка от опеки администрации и проводить обязательные собрания мировых судей, а также упростить делопроизводство в мировом суде. Он допускал предоставление административным органам земства некоторых судебных полномочий, но с правом обжалования их действий в суде².

В ответ на эти идеи выступил юрист, редактор т. XIV Свода законов Российской империи, консервативный мыслитель К.Ф. Головин. Он считал крестьянина не доросшим до самоуправления. По его мнению, противоречий между администрацией и земствами нет, слухи о давлении на решения местных властей также преувеличены. Крестьянин же, с его точки зрения, находится в «плёну» самоуправления, из которого его нужно освободить³.

В ответ на этот выпад К.К. Арсеньев высказал прежнее мнение, но при этом добавил, что местное самоуправление не противоречит основам самодержавия. Оно получает свою легитимность в рамках монархии и, тем не менее, базируется на законе⁴, подчеркнув при этом: «Утверждать, что в самодержавном государстве не может и не должно быть другого способа передачи государственных функций, кроме назначения свыше» — это все равно, что признать самодержавие упразднившим потребность в законе⁵.

К.К. Арсеньев резко отрицательно отнесся к новому «Положению» 1890 г. Он полагал, что введенный им институт земских начальников погубит

¹ См.: *Арсеньев К.К.* Вопрос о слиянии властей на низшей ступени государственного управления // Вестник Европы. 1886. Кн. 12. С. 855.

² См.: Там же. С. 848–851.

³ См.: *Головин К.Ф.* Кому нужна реформа местного самоуправления? Ответ г. Арсеньеву // Русский вестник. 1886. № 12. С. 735–736.

⁴ См.: *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1888. Кн. 11. С. 414.

⁵ См.: Там же. С. 416.

дело самоуправления. Столь сильное вмешательство центральной власти в дело крестьянского самоуправления надолго затормозит его прогрессивное развитие¹.

К.К. Арсеньев агитировал за четкое разграничение полномочий местной и центральной власти и выступал против бюрократизации местного самоуправления. Средством избежать этого был его проект всесословной волости, которая, по его мнению, должна включить в себя не более 2–3-х соединенных прежних волостей и стать связующим звеном между общиной и уездным земством. Он не считал нужным различать крестьянское и земское управления на самом низшем уровне. Губернское земство становилось также посредником между уездом и центральным правительством. Все инстанции местного самоуправления должны помогать друг другу. При этом К.К. Арсеньев отмечал, что введение всесословной волости сразу после отмены крепостного права привело бы к отрицательному результату, так как дворянство стало бы непременно доминировать. Но спустя 20 лет с проведения земской реформы необходимо двигаться вперед более решительно, а не продолжать топтаться на месте².

Аналогичные идеи высказывал и другой анонимный автор, который полагал низшей ступенью местного самоуправления сельский сход, выбираемый всеми жителями всесословной волости. В местностях с православным населением можно соотнести волость с приходом.

Для участия в выборах предполагался определенный ценз: домохозяева, имеющие не менее 5 десятин земли, образуют избирательную группу. Ее участники, владеющие 50-ю и более десятинами, входят в состав схода, минуя выборы, а группы, набирающие 50 десятин в совокупности, избирают одного представителя. Те же, у кого менее 5 десятин, посылают делегатов в общую группу по одному от каждых 5 десятин.

¹ См.: *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1895. Кн. 5. С. 375.

² См.: *Арсеньев К.К.* Из общественной хроники // Вестник Европы. 1888. Кн. 11. С. 900.

Сельский сход должен проходить 4 раза в год, а при экстремальных ситуациях и чаще. Из членов схода выбирается на 3 года председатель и кандидат. Для принятия большинства решений достаточно половины участников, за исключением самых важных вопросов (налоги). Исполнителем решений схода должны стать староста и сельская полиция. Контроль за их деятельностью должно осуществлять сельское попечительство — специально создаваемое учреждение.

Следующее звено местного самоуправления — волостной сход, который должен состоять из членов выбираемых сельскими сходами — лучших людей волости. Он собирается несколько раз в году, а также избирает председателя на 3 года. Права и деятельность волостного схода аналогичны сельскому сходу.

Исполнительным органов является волостная управа, ведающая сбором налогов, семейными списками и делами воинской повинности, а также земским страхованием¹.

Консервативные мыслители высказывались не менее решительно. Так, К.Ф. Головин выдвинул программу, в которой обосновывал ненужность местного самоуправления, отделенного от администрации. Он полагал, что земство обретет в ней смысл своего существования. Земство и администрация должны быть связаны через общую управу².

Эти идеи К.Ф. Головина по включению земств в структуру имперской администрации были в целом созвучны «Положению» от 1890 г., хотя оно и не являлось их прямым воспроизведением. Тем не менее, он также отнесся к нему отрицательно, так как не принял нового института земских начальников, что даже повлекло для него некоторые неприятности (заккрытие кружка «Эллипс»)³.

¹ См.: «Х» Бессословная волость и мелкие земские единицы // Вестник Европы. 1895. Кн. 8. С. 821.

² См.: Головин К.Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884. С. 24–161.

³ См.: Головин К.Ф. Мои воспоминания: в 2 т. СПб., 1908–1910. Т. 2. С. 148.

К.Ф. Головин считал личный состав института земских начальников некомпетентным, так как они в основном назначались из бывших военных. К тому же введение данного института только усилило столичную бюрократию, что не могло нравиться консервативным мыслителям, особенно продворянского толка¹.

Именно по причине враждебного отношения к имперской бюрократии новое «Положение» от 1890 г. не принял также корифей российского консерватизма К.П. Победоносцев, выступив тем самым против консерватора-бюрократа, министра внутренних дел Д.А. Толстого².

Консервативно настроенные чиновники (Д.А. Толстой, И.Н. Дурново), в свою очередь, противостояли обретению дворянами политической самостоятельности, несмотря на их статус привилегированного сословия. Они считали единственным политическим субъектом императорский министерский аппарат, политическим курсом — указ императора, а не абстрактные политические программы³.

Известный политический публицист, идеолог панславизма и консерватор Р.А. Фадеев считал, что недостатки местного самоуправления в России связаны с неправильными взаимоотношениями администрации и земства. Поэтому он предлагал не реформировать земства, а принципиально изменить их. Р.А. Фадеев предлагал достроить систему губернских и уездных земских учреждений высшим земским органом. Уездные земские гласные должны были избирать, помимо членов управ, гласных на губернский съезд. Соответственно гласные губернского уровня избирали также управу и делегатов на всероссийский земский съезд. Р.А. Фадеев предлагал назвать его «Всероссийским земским Собором».

Деятельность данного органа должна строиться на нескольких основополагающих принципах. Собор должен собираться высшей властью и его со-

¹ См.: Головин К.Ф. К вопросу о волостном земстве. СПб., 1912. С. 1–16.

² См.: Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 44–158.

³ См.: Витте С.Ю. Воспоминания (1849–1894). Детство. Царствования императора Александра II и Александра III. М., 1960. Т. 1. С. 298–303.

став, в конечном счете, должен ею определяться. Статус этого учреждения не может быть закреплён каким-либо письменным актом и, уж тем более, конституцией, так как не может быть договора между монархом и его подданными. Местное самоуправление не может подразумевать, по мнению Р.А. Фадеева, никакого формального определения прав самодержца, так как они должны быть установлены на нравственной основе¹.

Собор должен собираться редко и проходить недолго. Он не обсуждает повседневные вопросы и не охватывает всех проблем общества. В его компетенцию входит задание направления политики и выражение мнения по вопросам, требующим учета голоса большинства губерний. Мнение высшего земского органа носит подчеркнуто совещательный характер². Таким образом, собор не имеет ничего общего с европейским парламентом³.

Организация власти по парламентскому принципу принципиально отвергалась Р.А. Фадеевым как не свойственная России, и введение которой мало поможет в преодолении внутреннего разлада⁴.

Р.А. Фадеев предлагал преобразовать волость во Всесословное учреждение, чтобы можно было привлечь квалифицированных людей на пост волостного старшины. Тем самым создавалась возможность сделать компетентным состав низшего уровня местного самоуправления, который также возникал в его проекте⁵.

Несмотря на то, что основной задачей Р.А. Фадеев считал сближение имперской администрации и самоуправления, то есть переход некоторой части власти от бюрократии земству. Данные мероприятия не должны коснуться правительственной сферы, контролируемой самыми важными министерствами, например военным и морским⁶. Он отмечал, что указанные меры

¹ См.: *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем; Полемические статьи; Письма о современном состоянии России // Собр. соч.: в 3 т. СПб., 1890. Т. 3. Ч. 2. С. 82–95.

² См.: Там же. С. 136.

³ См.: Там же. С. 96.

⁴ См.: Там же. С. 77.

⁵ См.: Там же. С. 113.

⁶ См.: Там же. С. 97, 118–120.

позволят подвести, насколько это возможно, имперский административный аппарат под контроль выборных коллегиальных учреждений, которые будут сформированы на основе всесословного волеизъявления. Мыслитель надеялся тем самым преодолеть принцип формирования государственного управления на основе табели о рангах, введенной Петром I. Должностные лица должны поставляться земствами и выбираться правительством из людей, проявивших себя в местном самоуправлении¹.

Исполнительные функции обязаны взять на себя мировые посредники, избираемые из подготовленных и образованных лиц, независимых от местной имперской администрации. В их компетенцию входят все текущие вопросы, и они должны быть подотчетны уездному земскому собранию². В таком качестве мировые посредники играли бы важную роль в непосредственной связи волостного правления с уездным земством и способствовали бы повышению компетентности крестьянских гласных. Земство должно стать полноправным хозяином своей местности, то есть распоряжаться частными, общественными делами и взысканием казенных налогов без вмешательства извне. Это косвенно подтверждало неудовлетворенность Р.А. Фадеева «Положением» 1864 г.

Р.А. Фадеев выступил еще одним критиком законодательства из консервативного лагеря. В таком контексте местное самоуправление становилось неотъемлемой частью самодержавной системы. Р.А. Фадеев полагал, что предоставление полной самостоятельности земства в решении текущих вопросов не создает угрозы для традиционного монархизма, а только укрепляет основы российского государственного строя³.

Итак, вся острота политико-правовой дискуссии о механизме организации государственной власти либерально и консервативно настроенных мыслителей второй половины XIX в. сконцентрировалась на вопросе о местном са-

¹ См.: *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем; Полемиические статьи; Письма о современном состоянии России // Собр. соч.: в 3 т. СПб., 1890. Т. 3. Ч. 2. С. 91–92.

² См.: Там же. С. 112–113.

³ См.: Там же. С. 86–87.

моуправлении, но в скрытой форме содержала в себе более принципиальные вопросы развития формы правления и (или) государственного устройства.

Либеральные мыслители в своих произведениях пытались наделить земства политическим статусом и тем самым признать его субъектом государственных правоотношений. Такой подход был призван сделать земства политическим партнером центральной власти в решении государственно-правовых вопросов (К.К. Арсеньев, В.И. Герье, В.В. Ивановский, Л.А. Полонский, Б.Н. Чичерин).

Консерваторы, в свою очередь, старались подчеркнуть принципиальную аполитичность земского управления, его административно-хозяйственную природу, а некоторые из них прямо называли его придатком центральной власти. Такой подход отрицал политико-правовой проект либералов об изменении в далеком будущем природы формы правления в России, который содержался в их трактовке сущности земского самоуправления (К.Ф. Головин, К.П. Победоносцев, Д.Н. Шипов). Исключение составляла позиция Р.А. Фадеева, создавшего консервативный проект всероссийского земского представительства.

Если рассматривать суждения о местном самоуправлении только как реакцию на политико-правовую деятельность правительства, то она не удовлетворяла ни либералов, ни консерваторов.

Либералы надеялись, что реформы правительства — это лишь первые шаги на пути преобразования государственного управления в целом. Их противники из консервативного лагеря, ратуя за сохранение традиционного для России самодержавия как идеократического принципа требовали, чтобы власть в лице самодержца нашла себе новую социальную опору, помимо имперской бюрократии.

Освободив крестьян и дворян от их взаимозависимости, самодержец должен найти новую социальную опору. Консервативные идеологи дворянства настаивали на усилении своих позиций и требовали своей доли политической власти. Консерваторы свободных профессий (публицисты, адвокаты,

ученые) видели необходимость для системы обратной связи между управленческими структурами и населением.

Следствием этого стал теоретический поиск консерваторов альтернативного либеральному пути реформирования, но их идеи не нашли воплощения в действующем российском государственном законодательстве, так же как и либеральные. Наиболее яркие идеи консерваторов подрывали в перспективе, пусть и далекой, несущие структурные опоры существующей системы государственной власти. Например, такой опасной для самодержавия была идея неподконтрольного местного самоуправления. Это отчетливо понимали приближенные к императору придворные и чиновники центральных органов управления империей (представители особой разновидности бюрократического консерватизма), поэтому они противодействовали с одинаковой решительностью как либеральным, так и консервативным проектам реформирования местного самоуправления (И.Н. Дурново, Л.С. Маков, Д.А. Толстой).

Если подходить с позиции обнаружения скрытых суждений о форме правления и форме государственного устройства в контексте системы государственного законодательства второй половины XIX в., то представители различных теоретических направлений из либерального лагеря пытались вплотную подойти к тем возможностям, которые оно предоставляло, чтобы указать на необходимость введения органов народного представительства в Российской империи. Они видели в действующем законодательстве множество пробелов и противоречий, например, в законодательном закреплении таких вопросов, как взаимоотношения земств и губернаторов, взаимодействие земств в Российской империи, система выборов на всех ступенях земского самоуправления, которые возможно было использовать для утверждения своих теоретических построений, используя термины широкого смыслового диапазона (всероссийское земство, общее дело, лучшие выборные люди, местная инициатива и т.д.).

Консервативные мыслители, за редким исключением (Р.А. Фадеев) делали вид, что не замечают указанных скрытых смыслов и что речь идет только о местном самоуправлении.

Теоретические конструкции по устройству системы местного самоуправления либеральных и консервативных мыслителей можно разделить на два вида: основанные на реорганизации существующего государственного устройства, путем допуска выборных от местного самоуправления в высшие учреждения (К.Ф. Головин, В.Ю. Скалон, Б.Н. Чичерин) и направленные на поиск выхода из сложившейся социально-политической ситуации при помощи образования всероссийского земского учреждения совещательного характера (К.К. Арсеньев, О.К. Нотович, Р.А. Фадеев).

ГЛАВА 3. РЕФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДОКТРИНАХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ В 1905 – МАРТЕ 1917 ГОДА

3.1. Эволюция подходов к изучению форм государства в либеральной и консервативной правовой мысли России начала XX века

Социально-экономическая и политическая ситуация в Российской империи сильно изменилась после Первой русской революции 1905 г. и сопутствующих ей событий. Социально-политический климат стал более мягким. Окончательно не упраздненная цензура ослабла, и идейные баталии либеральных и консервативных мыслителей переместились в публичное пространство. Вопросы, касающиеся формы государства, перестали маскировать, и началось их открытое обсуждение в контексте актуальных проблем организации государственной власти.

Под влиянием вышеуказанных событий, самодержавная власть пошла на внесение существенных изменений в Основной закон Российской империи, главным из которых было введение органа народного представительства — Государственной думы. Существование Государственной думы породило множество новых проблем для монарха и его правительства, которые требовали неотлагательного разрешения. Поэтому, несмотря на то, что продолжал действовать консервативный Университетский устав от 23 августа 1884 г., в юридической науке образовалось гораздо больше простора для обсуждения формы правления и государственного устройства в Российской империи.

Так, дискуссия о форме правления приобрела почти сразу очень острый характер. Она показала, что как общество в целом, так и научное сообщество Российской империи, было расколото на антагонистические группы. На этот раз инициатива исходила из либерального лагеря. Причем, она была настоль-

ко плотной и мощной, что до самого конца существования империи вынуждала консерваторов занимать «идейную оборону».

Профессор Киевского университета, антимарксист, социальный философ и сторонник естественно-правового взгляда Е.В. Спекторский выдвинул оригинальную идею о непринципиальности вопроса о форме правления, так как главный признак современного государства — это наличие или отсутствие конституции. В связи с этим он подразделял все государства на конституционные, лжеконституционные и абсолютные¹. Е.В. Спекторский стоял на прогрессистской позиции и считал, что классические абсолютные государства XVIII в. уступают место конституционным монархиям, которые рассматриваются как лжеконституционные, так как, несмотря на различные атрибуты истинно конституционного государства, в них сохраняются многие черты абсолютизма².

И все же, лжеконституционное государство более прогрессивно по своей природе, нежели абсолютное, в силу наличия у него признаков государства следующего уровня. Самая новая и, соответственно, прогрессивная форма правления, основанная на передовом мировоззрении, это конституционное государство. Оно представляет собой естественный и идеальный результат развития любого общества, потому что в нем реализуются главные демократические признаки, в том числе и народовластие. Поэтому независимо от того, монархическое государство или нет, главное, чтобы, достигнув определенного уровня развития, оно стало конституционным. Конституция есть гарантия упорядоченности власти. Она, с его точки зрения, не орудие классовой или иной диктатуры, а средство установления органической и солидарной государственной жизни. Население становится свободными самоуправляющимися гражданами, а государство — конституционным³.

¹ См.: *Спекторский Е.В.* Что такое конституция. М., 1917. С. 2–15.

² См.: *Спекторский Е.В.* Кризис современного государства // Русские сборники. София, 1921. Кн. 2. С. 40–56.

³ См.: *Спекторский Е.В.* Что такое конституция. С. 2–15.

Основным признаком данного типа государства Е.В. Спекторский считал организованную в виде учреждений власть. Называя роль личности в истории случайной, он отдавал предпочтение оптимальной политико-правовой организации общества¹. Исходя из его учения, Россия неминуемо должна приобрести форму конституционного государства. При этом неважно, останется она монархической или нет.

Профессор Казанского университета, представитель социологического позитивизма В.В. Ивановский также считал конституционное государство, подразумевающее народовластие, известным сегодня наивысшим пределом развития общества². Однако большинство демократических процедур могут быть введены в обществе на практике лишь по достижении им определенного культурного уровня³.

Преподаватель Санкт-Петербургского университета, сторонник естественноправового подхода к изучению государства В.М. Гессен также выделял два типа формы правления: конституционную и абсолютную⁴.

При абсолютной форме правления человек бесправен и может лишь надеяться на милость власти. Он не имеет возможности защититься судебным иском от незаконных распоряжений власти. Он может только пожаловаться в вышестоящий орган той же власти. Поэтому В.М. Гессен характеризовал абсолютную монархию (в том числе и русское самодержавие), являющуюся типичным представителем абсолютной формы правления как режим произвола, антипод правового государства⁵. Абсолютной форме правления он противопоставлял конституционное государство, отдавая предпочтение конституционной форме правления, в основе которой лежит принцип разделения властей. Закон, принятый в определенном порядке, обладает большей

¹ См.: *Спекторский Е.В.* Что такое конституция. С. 8.

² См.: *Ивановский В.В.* Конституционная монархия // Политическая энциклопедия: в 2 т. СПб., 1908. Вып. 6. Т. 2. С. 863.

³ См.: *Ивановский В.В.* Избирательное право и избирательная техника // Русская мысль. 1905. № 11. С. 13.

⁴ См.: *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. СПб., 1914. С. 2–99.

⁵ См.: *Гессен В.М.* Теория правового государства // Политический строй современных государств: в 2 т.: сборник статей. М., 1905–1906. Т. 2. С. 20.

юридической силой, чем правительственное постановление. И вообще сам закон как высшая юридическая норма безусловной легитимности возможен только в конституционном государстве¹.

Ученый отмечал, что конституционной форме правления присущи гарантии прав граждан и ответственное правительство. Наиболее характерным признаком является доминирующее участие народного представительства в государственной власти. Народное представительство, обладающее законодательной властью, отличает конституционное государство от абсолютной монархии, где все остальные органы имеют право только совещательного голоса².

В.М. Гессен выделял две разновидности конституционной формы правления: монархию и республику и отдавал предпочтение республике, но при этом полагал необходимость переходного периода, формой правления при котором будет компромиссная конституционная монархия, сочетающая прерогативы монарха с гарантиями для граждан³. Например, монарх выступает как носитель всех трех властей, а народное представительство оказывает ему лишь вспомогательное содействие. В.М. Гессен вел речь о двух типах конституционной монархии: парламентской и дуалистической. Разделяющим критерием выступает фактор преобладания на политической арене. Если преобладает корона — государство дуалистическое, если наоборот, то — парламентарное⁴.

Следует отметить, что многие правоведы также считали необходимым разделять парламентарные и дуалистические монархии. Например, В.И. Герье утверждал, что при дуалистической монархии конституция октроирована, а в парламентарной она может предшествовать самому институту монархии⁵. В.М. Гессен считал, что главным отличием является способ формиро-

¹ См.: *Гессен В.М.* О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование: сборник статей. СПб., 1906. С. 19–21.

² См.: *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 160.

³ См.: Там же. С. 161–162

⁴ См.: Там же. С. 166–171.

⁵ См.: *Герье В.И.* О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. С. 2–30.

вания правительства. Если право назначать и отправлять в отставку министров принадлежит монарху, то строй дуалистический, если же парламенту, то парламентарный¹.

Профессор Гельсингфоргского университета, С.А. Корф также выделял аналогичный критерий².

Для парламентской монархии, по мнению В.М. Гессена, также характерны вотирование бюджета парламентом, контроль правительства посредством запросов и уголовная ответственность министров. Он не отрицал наличие аналогичных институтов в дуалистических монархиях, но считал их менее развитыми. Правовые механизмы при такой форме правления артикулированы нечетко, что делает систему конфликтной по определению. Такое положение приводит к неустойчивости механизма государственной власти и способно привести даже к государственному перевороту³. Без сомнения, В.М. Гессен отдавал предпочтение парламентарной форме правления, а не дуалистической, но и эту первую считал лишь переходным этапом на пути к республике, чего желал и России. Превыше всего он ставил республику с развитыми механизмами непосредственной демократии, так как считал их наиболее отражающими принцип народного суверенитета⁴. При этом В.М. Гессен полагал, что народ не может напрямую править ни при республике, ни при конституционной монархии. Поэтому он правоспособен, но не дееспособен, и от его имени законодательная власть осуществляется парламентом⁵.

Приват-доцент Московского университета, правовед и философ неокантианского направления Б.А. Кистяковский утверждал, что самым главным является вопрос об организации власти, так как при любой форме

¹ См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 400–420.

² См.: Корф С.А. Русское государственное право. Ч. 1. М., 1915. С. 20–89.

³ См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 415–417.

⁴ См.: Гессен В.М. Теория конституционного государства. С. 2–99.

⁵ См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 65–154.

правления будут необходимы учреждения, исполняющие властные функции¹. Поэтому главным критерием, отличающим правовое государство от не правового, является участие граждан в правотворчестве. Когда отдельные лица оказывают влияние на законодательную работу через народное представительство, государство можно назвать правовым. Причем участвовать в формировании законодательного органа должны все граждане². С его точки зрения, противоположностью правового государства является полицейское, в котором могут формально признаваться некоторые свободы. Но при этом все сферы жизни (включая эти свободы) скрупулезно регламентированы, а любое проявление инициативы рассматривается как попытка привнести анархию в детально регламентированный распорядок. Государство становится единственным дееспособным субъектом права³.

Б.А. Кистяковский называл народное представительство и гарантом социального государства. При этом он предполагал, что совсем нетипично для либерала провести реформы, ограничивающие частную собственность⁴, и отвергал теорию разделения властей, подчеркивая неделимую сущность власти, так как само по себе разделение властей не способно создать правового государства. Законодательная власть, отданная народному представительству, способна выполнить эту задачу наиболее эффективно⁵.

Сторонник социологического подхода к праву и государству М.М. Ковалевский отмечал гибкость демократических принципов и их недетерминированность формой правления. Он полагал, что при определенных условиях русская монархия может переродиться и сосуществовать с народным представительством⁶. Ученый подтверждал этот тезис ссылкой на евро-

¹ См.: *Кистяковский Б.А.* Путь к господству права // История русской правовой мысли: биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 380.

² См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 283–323.

³ См.: *Кистяковский Б.А.* Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 5–39.

⁴ См.: *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 157.

⁵ См.: Там же. С. 149.

⁶ См.: *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии: в 5 т. М., 1895–1897. Т. 4. С. 52–54.

пейскую историю раннего средневековья, где уже был совершен переход от непосредственного представительства к монархии, что предполагает возможность и обратного перехода с сохранением некоторых монархических основ¹.

И все же М.М. Ковалевский подчеркивал, что ведущая роль в осуществлении государственной власти должна достаться парламенту, который в управлении намного превосходит полномочия монарха. Он противопоставлял такую форму правления конституционной монархии, называя ее парламентаризмом, полагая, что она отличается от последней наличием институтов ответственного правительства, всеобщего избирательного права и народной свободы².

При сохранении института монархии как таковой М.М. Ковалевский отдавал предпочтение английской системе, в которой парламент обладает правом вотирования налогов и формирования правительства победившей партией³. Соответственно народное представительство, с его точки зрения, участвует не только в законодательной власти, но и в исполнительной. Развитие общества по пути политического прогресса предполагает, по мнению ученого, участие народа в управлении государством, политическое равноправие и самоопределение личности. Не отдавая приоритета республиканской форме правления, он считал залогом демократизации усиление народного представительства и правовую регламентацию.

М.М. Ковалевский считал Россию не готовой к республиканской форме правления, он предполагал сочетать монархию с самым широким самоуправлением, создавая тем самым специфически национальную форму⁴. Власти, по его мнению, необходимо найти более широкую социальную базу, помимо

¹ См.: *Ковалевский М.М.* Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб., 1905. С. 6–47.

² См.: *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. СПб., 1908. Ч. 1. С. 59.

³ См.: *Ковалевский М.М.* Что такое парламент? СПб., 1906. С. 3–40.

⁴ См.: *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: в 3 т. М., 1906. Т. 1. С. 7.

дворянства и бюрократии, которые являются архаичными и не помогут преодолеть грядущих трудностей¹.

За парламентную форму правления ратовал и приват-доцент Московского университета, сторонник естественноправового подхода в его религиозно-мистической интерпретации, масон С.А. Котляревский. Он полагал, что при такой системе ответственное правительство тесно связано с парламентом, а народ через процедуру выборов с властью в целом.

С.А. Котляревский был уверен в том, что парламент должен быть двухпалатным, а представительство по сословному или иному признаку должно быть отменено. Он также считал необходимым следовать строго принципу разделения властей. Причем особое внимание он уделял четкому оформлению правового статуса главы исполнительной власти².

Профессор Московского университета, последователь доктрины возрожденного естественного права П.И. Новгородцев также полагал второстепенным вопрос о форме правления. Приоритетной для него являлась проблема обеспечения реализации принципа народного суверенитета и его правового оформления. Он считал, что и при представительной, и республиканской формах правления народ может быть отстранен от участия во власти правящей элитой, что искажает смысл понятия народного суверенитета³.

Приват-доцент Санкт-Петербургского университета, сторонник социологического подхода к пониманию государства и основатель теории социальной стратификации и мобильности П.А. Сорокин также стоял на классической прогрессистской позиции. Он подразделял государства на монархические и республиканские. Критерием разделения выступал источник творчества. Как полагал ученый, человечество движется от монархии к республиканской форме правления. Причем, Россия в этом ряду не является исключением. Конституционная монархия есть лишь промежуточное звено

¹ См.: Ковалевский М.М. Тени прошлого // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 335.

² См.: Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 338–399.

³ См.: Новгородцев П.И. Введение в философию права: кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 100–132.

между существующей и «лучшей» формой правления¹. Характерно в данном случае выделение «лучших и худших» форм правления, а также принципиальная позиция по отношению к монархической форме правления.

Профессор Казанского и Московского университетов, последователь юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневич считал основой государственного устройства принцип разделения компетенции власти. Он полагал вредным сосредоточение и смешение различных функций в одном управлении. Поэтому, не выделяя приоритетной формы правления, он называл конституционную наилучшей, так как в ее рамках гарантируется правовое обеспечение прав и свобод². Тем не менее, Г.Ф. Шершеневич публично отдавал предпочтение конституционной монархии, которая, при условии консолидации с народным представительством, преобразует государственную власть в России³.

Профессор Московского университета, депутат Государственной думы и сторонник социологического подхода к государству и праву Ф.Ф. Кокошкин выступал как сторонник конституционной монархии, но подчеркивал, что определение грядущей формы правления пока преждевременно. Россию к республиканской форме правления он считал принципиально не готовой, и полагал необходимой промежуточную форму правления в виде парламентской монархии⁴. Кроме того, он рассматривал любую форму правления инструментально, утверждая, что даже монархия есть только как средство правового обеспечения прав человека, но никогда как самоцель⁵. Отсюда также видна прогрессистская установка правоведа по отношению к обществу и государству.

¹ См.: *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией о государстве. Ярославль, 1919. С. 2–40.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: в 4 т. М., 1910. Т. 1. С. 248; *Его же.* Общее учение о праве и государстве. М., 1911. С. 25–156.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Народные представители. Пг., 1917. С. 2–15.

⁴ См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920: в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 27.

⁵ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* Конституционно-демократическая партия перед судом Союза 17 октября // *Русские ведомости* 1863–1913. 1906. № 44. С. 91.

Выпускник Московского университета, адвокат и депутат Государственной думы, Ф.Н. Плевако, несмотря на провозглашаемый либерализм, выступал против введения в России парламентского строя как с исторической, так и с правовой точки зрения. Он указывал на неготовность русского общества к таковой форме правления, неопытность в политическом самоуправлении и слабость традиции, не отрицая при этом принятие новой формы правления в будущем¹.

Консервативные мыслители, несмотря на переход в дискуссии на вторые роли, отвечали не менее решительно. Так, сторонник христианской разновидности трансцендентализма С.Л. Франк полагал необходимым обеспечение прав граждан. Он не выделял приоритетной формы правления, но, что характерно, связывал реализацию прав человека с равновесием между государством и обществом, которое поддерживается третьей, более высокой инстанцией (например, Бог)².

Выпускник императорского училища правоведения И.Л. Горемыкин и выпускник Александровского лицея В.Н. Коковцов, оба сторонники сильного государства, не хотели менять форму правления в принципе. Например, В.Н. Коковцов нашел общий язык с Государственной думой, чтобы не повредить котировке российских акций за рубежом. И.Л. Горемыкин не считал необходимым делать даже этого³.

Д.Н. Шипов, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, мыслитель и земский деятель, сторонник христианской разновидности естественно-правовой теории писал, что стремление осуществить идею народовластия в государственном масштабе отодвигает на второй план долг и обязанности, которые лежат на всех людях без ис-

¹ См.: *Плевако Ф.Н.* Речи по делам о преступлениях против личности, литературным, о крестьянских и рабочих беспорядках. Речи застольные и политические // Речи: в 2 т. М., 1910. Т. 1. С. 362.

² См.: *Франк С.Л.* Государство и личность. По поводу 40-летия судебных уставов Александра II // Непрочитанное: статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 15–25.

³ См.: *Соловьева А.Г.* Горемыкин И.Л. и Коковцов В.Н. — российские премьеры: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 2–41.

ключения. Форма правления, по его мнению, должна быть основана на принципе подчинения личной воли высшим началам, а реализация идеи народовластия ведет к доминированию личного начала, и, как следствие, к упадку державы в целом¹. Он был убежден в необходимости существования в государстве власти, возложенной на одну личность, как идею, которая стоит над различными социальными группами, над различными интересами. Такой личностью может быть только наследственный монарх, так как любое выборное лицо, по мнению Д.Н. Шипова, с неизбежностью включится в политические баталии и вызовет ожесточенную классовую борьбу².

Власть монарха должна быть сильной, настаивал Д.Н. Шипов, но опираться не на террор, а на народное сознание. Она должна стремиться войти в наиболее тесные отношения со своим народом и быть осведомленной о его нуждах³.

Д.Н. Шипов, как и большинство консерваторов, отделял самодержавие, основанное на нравственной солидарности государя и народа, от абсолютизма как чисто деспотического произвола⁴. При этом он признавал необходимость народного представительства в России. Оно должно было строиться на началах солидарности, а не разделения властей и ни в коем случае не ограничивать прав монарха посредством конституции⁵.

Один из руководителей Русской монархической партии, редактор журнала «Московские ведомости», выпускник Московского университета В.А. Грингмут также отстаивал самодержавную форму правления. Он полагал, что наследственный монарх лучше подготовлен к властвованию, а в силу наследственности будет стремиться передать власть наследнику и поэтому больше заботиться о будущем страны⁶. Как и Д.Н. Шипов, В.А. Грингмут, полагал, что при других формах правления власть становится объектом пар-

¹ См.: *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 191.

² См.: Там же. С. 192.

³ См.: Там же. С. 191–194.

⁴ См.: Там же. С. 192–195.

⁵ См.: Там же. С. 214.

⁶ См.: *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. С. 1–8.

тийной и классовой борьбы. Тем самым снижается ответственность элиты перед народом и страной. Лишь только монарх может стать беспристрастным судьей, подняться над социальной борьбой, быть выше политических партий и осуществлять неподкупное и беспристрастное правосудие. Но при злоупотреблениях властью при ослаблении самодержавия истинная монархия может выродиться в восточный деспотизм или западный абсолютизм¹. Мыслитель заявлял: «Судьбой России управляют не отдельные партийные министерства или кабинеты... а единая воля Самодержавного государя, внемлющего при окончательных своих решениях, лишь голосу Своей совести и отвечающего за эти решения перед Господом Богом»².

Лидер Всероссийского национального союза, преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета П.И. Ковалевский доказывал наличие глубоких исторических корней самодержавия в России. Из этого он делал вывод о самодержавии как органической национальной потребности, а ликвидацию самодержавной формы правления приравнивал к национальной катастрофе³. П.И. Ковалевский традиционно настаивал на особой нравственной основе самодержавия, принципиально отличающей его от иных форм правления. Идейным фундаментом самодержавия выступало православие. Правовед напрямую связывал самодержавную форму правления и будущее России. В своих работах он доказывал, что при крушении самодержавия непременно рухнет русское государство в целом⁴. При этом П.И. Ковалевский выступал за создание народного представительства с полномочием наблюдения за законностью деятельности правительства. Но, правительство по-прежнему должно было назначаться императором⁵.

¹ См.: *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. С. 9–11.

² См.: *Грингмут В.А.* Есть ли в России партии? // Собрание статей В.А. Грингмута (1896–1907); в 5 вып. М., 1908. Вып. 1. С. 11.

³ См.: *Ковалевский П.И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. М., 2006. С. 3–55.

⁴ См.: *Ковалевский П.И.* История России с национальной точки зрения. СПб., 1912. С. 1–55; *Его же.* Основы русского национализма. СПб., 1912. С. 3–45.

⁵ См.: *Ковалевский П.И.* Основы русского национализма. С. 48.

Известный политический публицист, националист М.О. Меньшиков признавал традиционность самодержавия для России и его заслуги в обеспечении солидарности различных социальных групп¹. Но при этом он критиковал имперское неограниченное самодержавие как форму правления за его неспособность реагировать на проблемы народа, исполнять властные функции и связи с представителями общественности².

В дальнейшем мыслитель утверждал, что упадок монархии как формы правления — это объективный исторический процесс и потому русское самодержавие должно быть радикально реформировано, чтобы перестать сдерживать общественное развитие³. Роль монарха, писал М.О. Меньшиков, должна заключаться в координировании различных ветвей власти и законодательной инициативе⁴. М.О. Меньшиков выступал за народное представительство, обладающее законодательной инициативой, то есть за разделение прерогатив монарха с народным представительством⁵. После создания Государственной думы он называл ее важнейшим самостоятельным органом, способным вернуть равновесие государственному строю⁶, критиковал проекты обновления формы правления, не предусматривавшие создания народного представительства. М.О. Меньшиков называл их славянофильскими и воспринимал в качестве бесперспективных и конъюнктурных, а саму точку зрения устаревшей и не отвечающей реалиям своего времени⁷.

Известный публицист, политический и государственный мыслитель Л.А. Тихомиров продолжал твердо стоять на прежних теоретических позициях истинного монархизма. Он утверждал, что в эти тяжелые времена Россию сможет спасти только неограниченный, поставленный богом, а не людьми царь, в котором воплощена идея верховной власти. Именно неясное пред-

¹ См.: Меньшиков М.О. Охрана мира // Новое время. 1910. 21 окт.

² См.: Меньшиков М.О. Письма к ближним // Новое время. 1905. 10 июля.

³ См.: Меньшиков М.О. Совет монархистам // Новое время. 1909. 15 июля.

⁴ См.: Меньшиков М.О. Петербург в опасности // Национальная империя. М., 2004.

⁵ См.: Меньшиков М.О. Совет монархистам // Новое время. 1909. 15 июля.

⁶ См.: Меньшиков М.О. Тело без души // Новое время. 1913. 10 дек.

⁷ См.: Меньшиков М.О. Суть славянофильства // Новое время. 1905. 12 июня.

ставление о природе высшей власти и порождает кризис в работе государственных учреждений¹.

Л.А. Тихомиров также предлагал созвать народное представительство, но только совещательного свойства. Он аргументировал свою точку зрения, ссылаясь на то, что носителем высшей власти в России исторически является монарх. Такое положение на протяжении нескольких столетий было закреплено и юридически. Поэтому наделение органа народного представительства долей высшей власти противоречит не только историческому, но и главному правовому принципу конструирования власти в России².

Выпускник юридического факультета самого консервативного Новороссийского университета, сторонник исторического подхода к изучению государства Н.А. Захаров критиковал своих оппонентов за неправильное понимание самодержавной власти. Он полагал, что в России может существовать только самодержавная монархия, которая выступает особым нравственным фундаментом для формы правления. Посему заведомо ошибочно рассуждать о российском самодержавии в терминах концепции разделения властей, так как власть Российского императора не тождественна власти законодательной и уж тем более исполнительной или судебной. Все учреждения, которые были или будут созданы, могут лишь помогать самодержцу в осуществлении верховной власти. Единственным ограничением власти самодержца может быть его равнение на глубокую внутреннюю идею, которая нравственным образом определяет поведение монарха и удерживает его в русле исторической миссии главы народов империи. Соответственно единственным возможным ограничением его власти выступает ограничение внутреннее³.

Выпускник Московского университета, сторонник христианского трансцендентализма, неославянофил Д.А. Хомяков также настаивал на само-

¹ См.: *Тихомиров Л.А.* Царь и народ // К реформе обновленной России: сборник статей. М., 1912. С. 14.

² См.: *Тихомиров Л.А.* О реформе народного представительства // К реформе обновленной России: сборник статей. М., 1912. С. 266.

³ См.: *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 1912. С. 30–85.

державной монархии как единственно годной для России формы правления. Он традиционно отличал самодержавие от западного абсолютизма, который выводился им из власти военных полководцев. Самодержавие отличается от других форм единодержавия особым нравственным содержанием, то есть той же самой непонятной и неуловимой внутренней идеей, на которую традиционно ссылаются большинство консерваторов, но не могут ясно артикулировать, дабы придать ей форму технологии осуществления государственной власти. Д.А. Хомяков пошел еще дальше. Он утверждал, что республиканская форма правления присуща народам, «духовный интерес которых наиболее слаб»¹.

В традиционном славянофильском ключе решал проблему формы правления выпускник Санкт-Петербургского университета, камергер А.Г. Щербатов. Он полагал, что бюрократический произвол является универсальной проблемой всех современных государств, а не только Российской империи. Но для преодоления его у нашей страны есть существенное преимущество в виде возможного объединения царя и народа, которое способно изъять некоторые функции администрации.

Осуществляться такое единение должно, по замыслу А.Г. Щербатова, в форме совещательного Земского Собора под эгидой сильной верховной власти, воплощенной в персоне неограниченного самодержца. Конкретно единение могло выражаться в привлечении выборных к законодательной деятельности в форме временных совещаний, подаче челобитных на Соборе, созыве внеочередного Земского Собора и т.д.²

Известный политический публицист, общественный деятель, глава организации «Союз русского народа» А.И. Дубровин еще радикальнее высказывался за сохранение самодержавной формы правления в России, называя

¹ См.: *Хомяков Д.А.* Самодержавие: опыт схем, построения этого понятия. М., 1905. С. 2–43.

² См.: *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1908. С. 10–113, 125–127.

ответы своих оппонентов из либерального лагеря «лаем из конституционной подворотни»¹.

Политический публицист, член Русского Собрания и Русского монархического союза К.Н. Пасхалов тоже отстаивал самодержавную форму правления, очищенную от всех неизоморфных ей элементов. Так, он критиковал даже консерватора Л.А. Тихомирова за его статью «Самодержавие и народное представительство», так как ее автор методологически слабо описал механизм взаимодействия центральной власти и выборных людей. Он также указывал, что термин «народное представительство» с теоретической точки зрения очень расплывчат и под ним одновременно можно подразумевать и совещательный Земский собор, и суверенный парламент. К.Н. Пасхалов настаивал на возможности существования в Российской империи лишь совещательного органа власти².

Аналогичной точки зрения придерживался еще один член Русского собрания, выпускник Императорского училища правоведения В.Л. Величко, который делал акцент на внешних причинах российских неурядиц: «еврейское засилье», развязность буржуазии и ангажированность всей системы образования, которая поощряет распространение народнической и марксистской литературы³.

Выпускник императорского училища правоведения, сторонник юридического позитивизма, адвокат, один из создателей Союза Русского народа, член Русского собрания и лично знакомый с императором П.Ф. Булацель выступал яростным защитником самодержавной формы правления. Он был убежден в том, что для всякого человека в России возможны два варианта:

¹ Дубровин А.И. На хлебах у конституции // За родину. Против крамолы. М., 2011. С. 200–250.

² См.: Пасхалов К.Н. Кто пытается исказить волю государя; На пути к разрушению России; Третья Государственная Дума; «Недосиженные» законодатели; Особенность наших реформ; Цепь разрушения; По поводу статьи Л.А. Тихомирова «Самодержавие и народное представительство» // Русский вопрос: сборник статей. М., 2009. С. 57, 69, 119, 135, 213, 216, 423.

³ См.: Величко В.Л. Интересное время; Как делают голову; Самоуправление и самодеятельность; Роковой вопрос // Русские речи: сборник статей. М., 2010. С. 70, 147, 161, 260.

либо поддержка исконно русского самодержавия, либо противоестественный путь революционера. П.Ф. Булацель считал введение органа народного представительства вовсе необязательным, хотя и не имел ничего против совещательного собрания при царе, а все попытки ограничить власть самодержца он называл «проклятым конституционным танцем»¹.

Профессор Казанского университета, специалист в области государственного права, сторонник исторического подхода к изучению государства П.Е. Казанский полагал, что России самодержавная форма правления присуща органически, и никакой юридический акт не сможет изменить данной формы правления, так как природа власти самодержца носит надправовой характер².

Аналогичной точки зрения придерживался и профессор Новороссийского университета В.М. Грибовский, который также отстаивал внеюридическую природу самодержавия и, как следствие, отрицал возможность ограничения власти императора Манифестом от 17 октября 1905 г.³

Выпускник Санкт-Петербургского университета, сторонник исторического подхода к пониманию государству, один из руководителей Совета русского собрания Б.В. Никольский высказывался как убежденный сторонник самодержавной формы правления. Он полагал единственным носителем верховной власти и суверенитета только Российского императора, который только и мог выступать как политический и духовный лидер русского народа. Считал всех придерживавшихся иной точки зрения врагами отечества⁴.

Рассуждая о государственном устройстве, либеральные мыслители проявляли себя также очень активно. Так, В.М. Гессен полагал, что науке о государстве известны два способа осуществления децентрализации: федера-

¹ Булацель П.Ф. Борьба с поджигателями смуты // Борьба за правду: сборник статей. М., 2010. С. 34–228.

² См.: Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. М., 2007. С. 467–496.

³ См.: Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи. Одесса, 1912. С. 60–71.

⁴ См.: Никольский Б.В. Всеподданнейшая речь профессора Б.В. Никольского, произнесенная им в Высочайшем присутствии, при приеме депутации «Русского собрания» 31 декабря 1905 года. СПб., 1914. С. 1–10.

ции и областной автономии. Есть способ, при котором осуществлялось разделение административного управления на части по функциям. Это и есть самоуправление¹. Самоуправление, по мнению В.М. Гессена, достигалось путем формирования выборных, независимых в своей компетенции от центральной власти. За правительством при таком положении оставалось лишь право надзора за законностью действий местной администрации. Под областной автономией ученый подразумевал осуществление выборными органами законодательной функции по делам местной направленности. Компетенция этих учреждений должна быть строго определена главным законом страны. Такая власть носила не суверенный, а делегированный характер. Федеративные образования не имели инициативы в международной политике, но в остальном обладали всеми атрибутами государственной власти².

Федерация, по мнению В.М. Гессена, представляла собой устройство, при котором каждая составная часть обладала строго определенной, но государственной по своему характеру властью. Это означало обладание законодательными, административными и судебными органами, реализовывавшими свою компетенцию без участия и одобрения центральной власти. Законодательные полномочия строго оговаривались в основном законе государства и были обязательны для центральной администрации и субъектов федерации, которые выступали как равноправные партнеры. При областной автономии нет сферы независимого законодательства субъекта, а большинство местных актов должны утверждаться центральной администрацией. Для областной автономии, по его мнению, не характерно наличие независимой собственной администрации³.

В.М. Гессен считал, что для введения федеративного государства народ должен обладать определенной степенью единства, иначе он обречен на рас-

¹ См.: Гессен В.М. Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 2–29.

² См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 58–73.

³ См.: Гессен В.М. Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 3–29.

пад своего государства и другие непредвиденные несчастья¹. В отношении степени единства народов Российской империи ученый не выказывал особого оптимизма.

П.Б. Струве заявлял довольно противоречивые требования и хотел, чтобы в Российской империи сочетались вся полнота местного самоуправления и сильная центральная власть². Так, он выступал против отделения Польши и Финляндии от России, полагая, что такой шаг ослабит империю и породит кризис административного устройства³. П.Б. Струве полагал, что либеральная общественность России должна поддерживать единство государства и отстаивать первенствующее положение русской культуры и языка на имперском пространстве. Он выступал за унитарное устройство империи, не принимая идею федерации в любой ее разновидности⁴.

М.М. Ковалевский не уделил должного внимания идеям федеративного устройства, сосредоточившись на уровне местного самоуправления, который он полагал достаточным для осуществления общественной инициативы. Ученый положительно отзывался об американском образце данного вида учреждений, служащих своеобразной школой для подготовки кадров на должности высших инстанций⁵. Система местного самоуправления, по его мнению, должна строиться на бессловной основе. Он предлагал включить в списки избирателей в местную администрацию, помимо собственников, еще и рабочих⁶. М.М. Ковалевский считал необходимым расширить компетенцию местного самоуправления на все сферы деятельности, включая поли-

¹ См.: Гессен В.М. Общее учение о государстве. С. 90–102.

² См.: Струве П.Б. Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12. С. 159.

³ См.: Струве П.Б. О либеральном консерватизме // Русская мысль. 1912. № 1. С. 36.

⁴ См.: Масарик Т.Г. Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М., 2000. С. 216–217.

⁵ См.: Ковалевский М.М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 6–7.

⁶ См.: Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 170–190.

цию общественной безопасности¹. При этом он полагал, что местное самоуправление должно заниматься исключительно местными делами в рамках предоставленных ему полномочий и не захватывать государственных функций². М.М. Ковалевский начинал строить свой проект местного самоуправления с указания на то, что оно должно естественным образом вращаться в центральную администрацию, которая будет продолжать местные дела на новом уровне. Пока не будет согласованности, центральная власть будет испытывать на себе негативное влияние местной администрации. Он выступал против строгого разграничения местной и государственной компетенций³.

С.А. Котляревский исследовал административное устройство по конституционно-правовому признаку. Он подразделял все государства на унитарные, международно-правовые соединения (конфедерации), государственно-правовые соединения и унии⁴. Так, федерация и унитарное государство, с его точки зрения, не представляют собой полных противоположностей, так как и в унитарном государстве возможно распределение власти. Поэтому они отличались между собой лишь «количественно», то есть степенью распределения власти⁵.

Смысл федеративного строя, по мнению С.А. Котляревского, состоит в обеспечении равенства и независимости субъектов федерации и отношений с центральной властью на правах партнера. В унитарном же государстве подобные отношения строились только на самоограничении власти⁶. Россию начала XX в. С.А. Котляревский считал унитарным государством, но полагал, что страна нуждается в глубоком реформировании административно-

¹ См.: Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия // Слово. СПб., 1906. С. 17–20.

² См.: Ковалевский М.М. Демократия и ее политическая доктрина. СПб., 1913. С. 2–50.

³ См.: Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. С. 179–190.

⁴ См.: Корнев В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века. Белгород, 2001. С. 90–156.

⁵ См.: Котляревский С.А. Децентрализация и федерализм // Научное слово. 1905. № 7. С. 73–80.

⁶ См.: Котляревский С.А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 234–351.

территориального устройства и более равномерном распределении власти, вплоть до федерации. С его точки зрения, движение в этом направлении должно быть осторожным, осмысленным и постепенным¹.

П.А. Сорокин делил государства на простые и сложные, то есть унитарные и федеративные. При усложнившейся жизни и увеличении функций государства (с учетом размера и традиций) предпочтение должно быть отдано федеративному административно-территориальному устройству².

Г.Ф. Шершеневич полагал основой территориального устройства России местное самоуправление с широкой компетенцией. Местное самоуправление, утверждал правовед, необходимо распространить на всю территорию Российской империи. Он предлагал уменьшение территории первоначальной земской единицы, а формирование органов местной власти осуществлять на основе бессословного, прямого и всеобщего голосования.

Г.Ф. Шершеневич не принял идею создания федерации в России, но предусматривал национально-культурную автономию для народов империи при сохранении русского языка в качестве официального³.

Ф.Н. Плевако также выступал против федерации. Он считал, что нельзя допускать национального угнетения, но доминирующей позиции русского народа уступать ни в коем случае нельзя⁴.

П.Н. Милюков, рассуждая об административно-территориальном устройстве, полагал необходимым расширить компетенцию местного самоуправления на все местные вопросы, включая полицию, и распространить его на всю территорию страны. Рассматривая идею федерации, он учитывал сложность устройства империи. Поэтому предпочитал рассматривать статус каждой территории отдельно. Так, для Польши и Финляндии он предусмат-

¹ См.: *Котляревский С.А.* Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 55–80.

² См.: *Сорокин П.А.* Указ. раб. С. 2–40.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Программа Партии народной свободы (Конституционно-демократической). М., 1906. С. 3–40.

⁴ См.: *Плевако Ф.Н.* Указ. раб. С. 364.

ривал федеративную автономию¹. В частности, на территории Финляндии, по мнению П.Н. Милюкова, могло бы осуществляться «параллельное законодательство». Так, все законы, касающиеся интересов финского народа, не могут вступить в силу без одобрения финляндского Сейма².

Ф.Ф. Кокошкин представлял введение федерации (или хотя бы областной автономии) как акт желательный и своевременный и полагал неправильным отождествлять понятия областной автономии и федерации, и федерации с уничтожением государственности. Отличие областной автономии от федерации он усматривал в наличии у субъектов последней своего правительства и выступал за введение автономии в Польше³.

Лидер партии «Союз 17 октября» А.И. Гучков, в свою очередь, высказывался против предоставления федеративной автономии Польше⁴.

Консервативные мыслители сформулировали свое видение проблемы государственного устройства. Так, Л.А. Тихомиров, несмотря на свои высказывания о пользе развития местного самоуправления, был убежденным противником введения федеративного устройства в России. Например, рассуждая о статусе Финляндии, он утверждал, что губительнее всего для государства нарушение единства закона и управления, то есть единства верховной власти. Можно было, по его мнению, допустить автономию в сфере языка, железнодорожного строительства, тарифов и даже армии, но ни в коем случае нельзя нарушать единство правотворчества и управления⁵.

Несмотря на свою официальную позицию, сформулированную в виде идеи борьбы за свободную, децентрализованную, плодотворную хозяйственную и общественную местную жизнь, которая не будет стеснена, «ни прави-

¹ См.: Постановления II-го съезда Конституционно-демократической партии, 5–11 января 1906 г. СПб., 1906. С. 2–25.

² См.: Государственная дума. Созыв третий. Стенографический отчет. Сессия первая. Ч. 3. С. 424.

³ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 2–15.

⁴ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914 гг.). М., 1997. С. 319–342.

⁵ См.: *Тихомиров Л.А.* Недостатки узаконений 1906 года // Московские ведомости. 1912. № 139. 16 июня.

тельствственным, ни земским бюрократизмом, но и не вторгающейся в область государственной политики», В.А. Грингмут также выступал противником федеративного устройства России¹.

Наоборот, все усилия должны быть направлены на закрепление за Россией ее окраин, включая Сибирь и Среднюю Азию, путем заселения их русскими людьми и вытеснением оттуда жителей нерусского происхождения и культуры².

Известный философ и богослов П.А. Флоренский выступал за введение в России децентрализации, но, как он сам подчеркивал, не в демократическом духе, а в сочетании с единоначалием. При этом он, как и Л.А. Тихомиров, делал упор не на политической, а на экономической и культурной дифференциации. Поэтому, по мысли П.А. Флоренского, государство, аналогичное Российской империи, можно спасти, только пожертвовав частью компетенции центральной администрации, но второстепенной и не касающейся несущих основ системы управления³.

М.О. Меньшиков отстаивал идею перераспределения управленческих функций между центральной и местной властями. Укрепление самоуправления способствует становлению гражданской самостоятельности и развитию нации в целом⁴. При этом он полагал необходимым наделить земства лишь хозяйственными и административными полномочиями и требовал исключить земства из политической сферы путем установления контроля за ними со стороны губернаторов, чтобы избавить их от либеральной оппозиционности, а также изъять школы из сферы их влияния. Вводить местное самоуправление он предлагал только в стабильных в политическом плане регионах империи. При этом он выступал за всесловный принцип организации органов местного самоуправления, так как такой способ будет содействовать станов-

¹ См.: *Грингмут В.А.* Есть ли в России партии? // Собрание статей В.А. Грингмута (1896–1907): в 5 вып. М., 1908. Вып. 3. С. 273.

² См.: Там же. С. 277–278.

³ См.: *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 99.

⁴ См.: *Меньшиков М.О.* Независимость и деловитость // Новое время. 1914. 4 янв.

лению национальной идентичности русских. При этом он также являлся противником федеративного устройства¹.

А.Г. Щербатов пытался внести новые идеи в данный вопрос. Он предложил сделать основной территориальной единицей приход. Во главе него должна стоять церковь, которая и будет выполнять административно-духовную функцию. Правда, он не предлагал организовать приходское самоуправление аналогично шведскому самоуправлению XVIII в., в котором кирхшпилль (приход) заведовал всеми делами, включая местную власть. А.Г. Щербатов, напротив, акцентировал свое внимание на просветительской и хозяйственной деятельности этой формы административно-территориальной организации страны².

Противоречивый полуфедеральный проект организации административно-территориального устройства предложил известный публицист, сторонник исторического подхода к пониманию государства С.Ф. Шарапов. Он предлагал поделить всю империю на 12 коренных и 6 «иногородних областей» (Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и Литовско-Белорусская), во главе которых должен стоять назначаемый императором генерал-губернатор, но административное управление в регионе должно принадлежать областной думе, состоящей из представителей всех губерний области, которых подбирает генерал-губернатор³.

Очевидно, что подобный проект в скрытой форме содержал конфликт между местной и имперской администрацией, который моментально обнаружит себя при любой последовательной попытке провести принцип самостоятельности новых политических образований.

Соответственно в начале XX в. в спор о форме правления вмешивается с невиданной доселе силой новый фактор — национальный. Он существенно смешал позиции либералов и консерваторов по данному вопросу. С образо-

¹ См.: *Меньшиков М.О.* Колыбель оппозиции // Новое время. 1911. 24 марта; *Его же.* Земско-дворянский кризис // Новое время. 1913. 17 авг.; *Его же.* Сословный раздор // Новое время. 1914. 24 мая.

² См.: *Щербатов А.Г.* Указ. раб. С. 45–110.

³ См.: *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. М., 1903. С. 4–56.

ванием Государственной думы появились новые политические организации, такие, например, как конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии, Литовская демократическая партия, Украинская демократическая партия, Польская национально-демократическая партия и др. Участники подобных легальных движений и партий, несмотря на свое консервативное или либеральное мировоззрение, однозначно выступали за федеративное устройство Российской империи¹.

Итак, с 1905 г. по март 1917 г. приоритетные позиции в теоретической юриспруденции, потеснив позитивистов, постепенно стали занимать представители социологического (В.В. Ивановский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кошкин, П.А. Сорокин) и естественно-правового направлений (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский).

Указанные направления в научном сообществе в основном занимали либерально настроенные исследователи, а консерваторы по-прежнему предпочитали историческое (В.М. Грибовский, П.Е. Казанский, Б.В. Никольский, Л.А. Тихомиров) и идеалистическое направления в изучении государства и права (Д.А. Хомяков, Д.Н. Шипов).

Дискуссия по поводу реформирования формы Российского государства между либералами и консерваторами в России начала XX в. не представляла собой оппозицию республиканцев и монархистов.

Приоритетную форму правления, возможно, выделить только у консервативно настроенных авторов — самодержавную монархию (П.Ф. Булацель, В.Л. Величко, В.М. Грибовский, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, Б.В. Никольский, К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, П.А. Флоренский, Д.А. Хомяков, Д.Н. Шипов, А.Г. Щербатов). Но, как видно на примере М.О. Меньшикова, который в конце жизни стал склоняться к республике, и среди консерваторов попадаются исключения. О республике рассуждали консерваторы, для кото-

¹ См.: Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 354–371.

рых приоритетом стала русская нация, а не монархия (П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков).

Что же касается либеральных мыслителей, то, несмотря на значительное количество республиканцев в их лагере, указанная форма правления не являлась приоритетной в их теоретической и практической деятельности (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Корф, С.А. Котляревский, П.А. Сорокин). Многие либералы предпочитали видеть будущую Россию конституционной монархией (М.М. Ковалевский, П.И. Новгородцев, Ф.Н. Плевако, Е.В. Спекторский, Г.Ф. Шершеневич). Российских либералов указанного периода можно условно назвать конституционалистами. Несмотря на то, что не все из них выступали за введение конституции по европейскому образцу, подавляющее их большинство желало четкого правового ограничения компетенции высших органов российской власти, включая императора.

Либералы предлагали различные политико-правовые технологии по реализации указанной цели, различную степень радикальности нововведений, но по сути для дальнейшего успешного существования Российской империи правовой статус всех звеньев государственного механизма должен быть прописан как можно четче, что позволило бы развиваться партнерским отношениям между представителями общественных групп и центральной власти.

Консерваторы, напротив, готовы были согласиться на народное представительство и даже на некоторую ответственность правительства перед ним, только бы не закреплять эти отношения юридически. И если регламентация правового статуса министров была еще допустима, то уже отношения монарха с правительством и народом не должны принимать юридическую форму ни в коем случае.

С введением в механизм государства института народного представительства и политического оживления на западных окраинах империи в консервативном лагере увеличилось количество сторонников федерализма, так как большинство представителей западных окраин независимо от их полити-

ческих взглядов выступали с требованием автономного устройства различного вида (например, группа польских депутатов Государственной думы).

В отношении государственного устройства наиболее явные предпочтения представляется возможным выявить только у консервативных мыслителей «русской части империи». Консерваторы более последовательно высказывались за унитарное устройство государства (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров, А.Г. Щербатов). Но, и среди них попадались сторонники федерализма, как, например, С.Ф. Шарапов, разработавший целую концепцию введения федеративного устройства в России. При этом наиболее дальновидные из них понимали, что последовательное проведение подобных программ в перспективе подорвет основы монархического устройства.

Отношение либералов к федерации или унитарному государству определялось их взглядами на технологии управления, представлявшиеся им оптимальными в каждой конкретной ситуации. Предпочтение в выборе административно-территориального устройства зависело не от принадлежности к либерализму, а от того, каким образом будет обеспечена эффективная обратная связь между представителями власти и населением, а также единство и величие государства.

3.2. Российская государственная власть и местное самоуправление в доктринальных оценках либералов и консерваторов

В начале XX в. произошли кардинальные перемены в социальной и политической жизни страны. Несмотря на то, что в начале своего царствования новый император Николай II недвусмысленно обозначил консервативную направленность своего правления в публичном выступлении перед представителями сословий, заявив, что будет сохранять основы самодержавия¹, ситуация очень скоро изменилась. 9 января 1905 г. началась Первая русская ре-

¹ См.: Речь № 6 // Полное собрание речей Императора Николая II 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.

волюция. Происходившие массовые волнения и стачки стали одним из решающих факторов для внесения изменений в Основные государственные законы¹.

Окончание революции не принесло ожидаемой стабильности. Чувствовалась атмосфера неопределенности, несмотря на заявления правительства. В обществе задавались вопросом о дальнейшем развитии государственного устройства².

Профессор Э.Д. Гримм отмечал напряжение, которое осталось в обществе после апогея русской революции 1905 г. Он предсказывал, что неисполнение правительством преобразований, обещанных народу, спровоцирует новый революционный конфликт между властью и обществом³. Император в это время публично демонстрировал свою консервативность, торжественно принимая представителей Союза русского народа, а также, проявляя свое благорасположение к прочим подобным организациям⁴.

Имели место периодические акции протеста, апогеем которых стали политические убийства, совершаемые членами боевой организации партии социалистов-революционеров⁵. Едва суровыми мерами правительство сумело приостановить волну террористических актов, как началась Первая мировая война. После вступления Российской империи 1 августа 1914 г. в войну произошла кратковременная консолидация правительства и различных общественных групп, но уже около года спустя от единства не осталось и следа, и тяготы войны стали одним из факторов внутривластного кризиса⁶.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные события происходили на фоне интенсивного экономического роста, который в силу специ-

¹ См.: *Гуревич Л.Я.* Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // *Былое.* СПб., 1906. № 1. С. 195–223.

² См.: *В.Н.* «Опровержение» графа Витте // *Право.* СПб., 1906. № 1.

³ См.: *Гримм Э.Д.* Наше политическое положение // *Право.* СПб., 1906. № 4.

⁴ См.: Высочайший прием депутатов «Союза русского народа» // *Право.* СПб., 1906. № 3.

⁵ См.: *Прайсман Л.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 217–258.

⁶ См.: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 39–89.

фичности российской ситуации (рост населения, малый душевой доход, структура общества) также становился еще одним кризисным фактором¹. В целом весь период времени характеризуется общей нестабильностью и напряженностью, которую отмечали и в периодических изданиях².

В этих условиях правительство изменило Основные государственные законы Российской империи, в частности статьи, касающиеся организации высших органов механизма государственного управления: введено народное представительство, выборная система его формирования, компетенция и функции правительства. Для либеральных теоретиков и практиков, заседавших в Государственной Думе, это означало появление, наконец-то, реального объекта политико-правовой критики, с которым можно было работать и строить вокруг него новые теоретические конструкции. А для консерваторов появилась новая проблема, так как их разнородные идейные построения потребовали модернизации для того, чтобы соответствовать реалиям современного им общества и государства.

Изменения в тексте Основных государственных законов были составлены так, что их нельзя было однозначно интерпретировать. Согласно ст. 4 формой правления по-прежнему оставалась самодержавная монархия, но уже в ст. 7 утверждалось, что законодательная власть осуществляется императором «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой»³. Такая формулировка не давала однозначного ответа о соотношении компетенций в сфере законодательной деятельности. Дальнейшее упоминание о полной самостоятельности императора в сфере управления и полная его самостоятельность в вопросах обеспечения армии и определения внешней политики делали проблему еще запутаннее⁴. Не проясняли ситуации и специ-

¹ См.: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 18–33.

² См.: *Туманов Г.М.* Внутренне обозрение // Вестник Европы. 1905. Январь. Т. 1. С. 808–834.

³ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 4, 7. Т. 1. Ч. 1. 2. С. 1.

⁴ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 10, 12, 14. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

альные акты, определявшие правовой статус Государственного Совета и Государственной Думы¹. К тому же власть управления во всем объеме оставалась за императором в пределах всей Российской империи².

Император в порядке верховного управления мог издавать указы о «приведении в действие различных частей государственного управления» в соответствии с законами Российской империи. Император признавался верховным руководителем всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами, объявлял войну и заключал мир, а также договоры с иностранными государствами³. Все представительные органы, таким образом, были устранены от влияния на внешнюю политику. Император утверждал законы⁴. Соответственно Император практически сохранил основную массу полномочий, предусмотренных предыдущей редакцией Основных государственных законов Российской империи.

Определяющей статьей, повлиявшей на правовой статус монарха, стала ст. 86 Основных государственных законов, которая предусматривала невозможность принятия законов без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы, но уже ст. 87 устанавливала в случае прекращения работы Государственной Думы возможность принимать законодательные акты, имевшие силу закона, только Советом министров и Императором⁵. Такое противоречивое законодательное закрепление формы правления делало работу нового государственного механизма очень затруднительной. Оно стало также одной из причин роспуска Первой и Второй государственных дум, так как депутаты отчасти из-за общеполитической ситуации, отчасти из-за

¹ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов. Свод учреждений государственных. Учреждение Государственного Совета // СЗ РИ, 1912. Кн. 1. Разд. 1. Т. 1. Ч. 2. С. 29–37; Свод учреждений государственных. Учреждение Государственной Думы. СЗ РИ. Кн. 1. Т. 1. Ч. 2. С. 42–48.

² См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 10. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

³ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 11. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

⁴ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912.. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 9. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

⁵ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 9. Ст. 86, 87. Т. 1. Ч. 1. С. 6.

неясности своего правового положения и своей роли в механизме государственного управления принимали акты, которые противоречили взглядам членов Совета министров и императора¹.

Аналогичным образом сложилась ситуация при решении проблемы объединенного правительства, которую пытались решить в течение всего XIX в., координируя деятельность министров различным образом. Эту проблему должен был решить образованный Совет министров во главе с председателем, который выполнял функции руководителя указанного органа².

Несмотря на то, что Учреждение Совета министров предоставляло его председателю значительный контроль над всеми остальными министерствами, ограничивая их возможность непосредственного обращения к императору³, тем не менее, прямого запрета на личные непосредственные доклады императору не было. Учреждение Совета министров также не давало однозначного ответа на данный вопрос⁴.

Таким образом, влияние председателя Совета министров на степень координации министерств, его образующих, напрямую зависело от расположения императора, который мог принимать или не принимать доклады министров. Доклады министры продолжали делать и в обход председателя Совета министров.

Территориальное устройство Российской империи также нашло отражение в новом законодательстве. Согласно основным государственным законам Российская империя провозглашалась единой и неделимой⁵. Такая формулировка, по всей видимости, должна была свидетельствовать об унитарно-

¹ См.: *Маклаков В.А.* Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 100–118, 125–135, 187–209; *Герье В.И.* Вторая Государственная Дума. М., 1907. С. 108–166.

² См.: Свод учреждений государственных. Учреждение Совета министров // СЗ РИ, 1912. Кн. 2. Гл. 1. Ст. 1–6. Т. 1. Ч. 1. С. 102.

³ См.: Свод учреждений государственных. Учреждение Совета министров // СЗ РИ, 1912. Кн. 2. Гл. 1. Ст. 9–17. Т. 1. Ч. 1. С. 104.

⁴ См.: Свод учреждений государственных. Учреждение Совета министров // СЗ РИ, 1912. Кн. 2. Гл. 1. Ст. 18. Т. 1. Ч. 1. С. 104.

⁵ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 1. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

сти государственного устройства Российской империи под властью самодержавного императора. Данному намерению противоречила уже следующая статья со ссылкой на соответствующий закон, в которой говорилось, что Великое княжество Финляндское управляется по особым законам¹. И это было не единственное исключение. Особые положения со значительным различием в юридическом статусе, хотя и включенные в Свод законов, предусматривались для целого ряда частей империи².

Нормативно-правовая база, касающаяся формы правления и государственного устройства, в сочетании с социально-политическим кризисом способствовала актуализации дискуссий по этому вопросу в юридической и политической научной и публицистической литературе.

Представители либеральной правовой мысли, пользуясь дезориентацией правящих кругов, активно приступили к деятельности в новом политико-правовом пространстве. Например, один из лидеров кадетской партии, позитивист Ф.Ф. Кокошкин в своем докладе на втором съезде Конституционно-демократической партии народной свободы отмечал, что борьба за настоящее представительство только предстоит, но самодержавие уже стало достоянием истории³. Так, являясь сторонником конституционной монархии, при аргументации своей политико-правовой позиции, при критике новых положений законодательства Ф.Ф. Кокошкин активно пропагандировал западные политико-правовые конструкции. Рассматривая указанные явления, он на примере Англии, Франции и Бельгии подчеркивал положительное влияние конституции на государственное устройство этих стран, экономику и культу-

¹ См.: Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // СЗ РИ, 1912. Разд. 1. Гл. 1. Ст. 2. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

² См.: Свод губернских учреждений. Учреждение управления губерний Царства Польского // СЗ РИ, 1912. Разд. 1–5. Т. 2. С. 332–376; Свод губернских учреждений. Учреждение управления Кавказского края // СЗ РИ, 1912. Разд. 1–4. Т. 2. С. 376–423; Свод губернских учреждений. Временное положение об управлении Закаспийской областью // СЗ РИ, 1912. Т. 2. С. 423–427; Свод губернских учреждений. Положение об управлении Туркестанского края // СЗ РИ, 1912. Разд. 1–4. Т. 2. С. 427–458; Свод губернских учреждений. Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской // СЗ РИ, 1912. Разд. 1–5. Т. 2. С. 458–471.

³ См.: ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 240. Л. 6.

ру и в связи с этим предлагал составить новые законы конституционным путем, а не в привычной бюрократической рутине¹.

Ф.Ф. Кокошкин считал, что Государственная Дума в сложившейся ситуации должна исполнить роль Учредительного собрания и создать новую конституцию для Российской империи. Затем на основании принятого акта необходимо образовать законодательный орган с самой обширной компетенцией, так как того требует историческая обстановка. Он критиковал новый избирательный закон от 11 декабря 1905 г. за сохранение в нем многочисленных анахронизмов, как, например, многостепенность выборов, имущественный ценз и классовость. Поэтому, полагал Ф.Ф. Кокошкин, на основании данного закона невозможно создать представительство с учредительскими функциями.

Провозгласив вышеуказанную цель, Ф.Ф. Кокошкин предложил пока работать с той Думой, которая есть в настоящий момент, так как при существующем раскладе политических сил только через нее можно провести некоторые инновационные правовые меры. Учредительные функции Дума должна сочетать с законодательными².

Ф.Ф. Кокошкин предлагал радикально реформировать избирательное право, наряду с осуществлением демократических свобод и полной политической амнистией. Он указывал на необходимость изменения правового статуса бюрократов, особенно министров и других чиновников правительства, и считал недопустимыми порядок предания суду вышеназванных лиц только с разрешения их начальства и особый порядок предъявления им исков в рамках гражданского судопроизводства. Правовед предлагал законодательно закрепить ответственность министров перед народным представительством. Государственной Думе должно быть предоставлено право запросов, а прави-

¹ См.: Тексты важнейших основных законов иностранных государств / под ред. Ф.Ф. Кокошкина. М., 1905. Ч. 1. С. 4, 245.

² См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 1. С. 73–74.

тельство необходимо формировать из лиц, пользующихся доверием законодательного органа.

Для обсуждения вопроса о будущем административно-территориальном устройстве Ф.Ф. Кокошкин предлагал образовать комиссию для начала из представителей России и Польши¹, а также формировать правительство, по принципу одобрения его большинством депутатов Государственной Думы, так как видел в этом залог доверия и спокойной работы народного представительства. Ф.Ф. Кокошкин приводил различные аргументы, чтобы побудить правительство к отмене положений об усиленной и чрезвычайной охране, а также о военном положении, которые покрывают некомпетентность правящего слоя².

И все же Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин выступал против всех подобных предложений, считая их несвоевременными. С особой неприязнью он отзывался о проекте ответственного правительства и увеличении полномочий Государственной Думы³.

Представитель Совета Санкт-Петербургских студенческих организаций, кадет г. Соколин предлагал расширить полномочия Государственной Думы для полного представления ею интересов всего народа, однако полагал, что она уже есть ограничитель самодержавия⁴.

Аналогичной позиции придерживались Ф.И. Родичев, Л.И. Петражицкий и делегат из Москвы доктор Н.М. Кишкин⁵.

П.Н. Милюков также предлагал выполнить Государственной Думе свои учредительные функции и признать новый порядок в России конституционным⁶.

¹ См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 1. С. 75–77, 153.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 1. С. 74–75.

³ См.: Там же. С. 321–322.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 240. Л. 8.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 1. СПб., 1911. Т. 1. С. 149.

Что касается вопроса о государственном устройстве, то П.Н. Миллюков выступал против проекта П.А. Столыпина о местном самоуправлении. Он полагал, что земства должны быть свободными в рамках своей компетенции, а данный проект был либеральным лишь с виду, усиливая на самом деле контроль министерств над местным самоуправлением при некотором расширении географии его распространения¹.

Развитие местного самоуправления в России, по мнению П.Н. Миллюкова, с неизбежностью предполагало заимствование опыта стран Западной Европы. Он утверждал, что Российское государство аналогично должно строиться снизу вверх, на плечах независимого общества².

Отношения с Финляндией П.Н. Миллюков предлагал устраивать на основе «законодательного взаимоотношения». Все мероприятия, касающиеся интересов этой части Российской империи, могли вступать в законную силу после ратификации финляндского законодательного органа³.

Лидер партии «Союз 17 октября» А.И. Гучков интерпретировал отредактированные законы и Манифест от 17 октября 1905 г. как акт отречения монарха от формулы неограниченной власти и потому октроированным конституционным строем в России⁴.

Адвокат и общественный деятель Ф.Н. Плевако, наоборот, выступил против ограничения титула императора и его самого⁵. Он говорил, что основное право Думы состоит в утверждении законов, которые не могут быть приняты без ее согласия, но император всегда будет стоять над Думой, которая не сможет ничего добиться без его одобрения⁶.

¹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 4. СПб., 1911. Т. 2. С. 116.

² См.: Там же. С. 120–121.

³ См.: Программа Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы). Владикавказ, 1917. С. 2–15.

⁴ См.: *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998. С. 51–81.

⁵ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 1. СПб., 1911. Т. 1. С. 239.

⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 1. СПб., 1911. Т. 1. С. 242.

Председатель Первой Государственной Думы и сторонник социологического подхода к пониманию государства и права С.А. Муромцев представил свое видение основного законодательства накануне политического переустройства России. Критикуя существовавшие положения в Основных государственных законах, в частности, ст. 50–120, он опубликовал конституционный проект, по которому власть разделялась между монархом и народным представительством в виде Государственной Думы. Законодательной инициативой обладали и император, и Дума на паритетной основе. Проект постулировал примат конституции над всеми составляющими механизма государства, в том числе и над императором. Указы и другие акты императора подлежали исполнению только после подписи государственного канцлера или одного из министров. В противном случае они не имели законной силы. Государственная Дума, по мнению С.А. Муромцева, должна состоять из двух палат: Земской и Народных представителей. Первая формировалась из гласных, которые должны выбираться земскими собраниями и городскими думами, что позволяло бы учесть мнение всех субъектов империи. Палату народных представителей предлагалось выбирать населением раз в четыре года путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Каждый индивид мог быть членом только одной палаты. Члены Государственной Думы не могли привлекаться к уголовной ответственности без предварительного разрешения палаты, за редкими правовыми изъятиями¹.

Сессии обеих палат предполагалось открывать и закрывать одновременно. Собрания Государственной Думы должны были открываться и закрываться указами императора. В случае досрочного роспуска палаты народных представителей собрание Государственной Думы созывалось через два месяца после выборов. В экстренных случаях созывались чрезвычайные собрания. На открытие и закрытие Государственной Думы палаты собирались вместе. Все заседания палат носили публичный характер и только в отдель-

¹ См.: Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173–196.

ных случаях, заранее оговоренных в законе, могли проводиться тайные заседания. Все решения принимались простым большинством голосов. Любой министр мог присутствовать на заседании палаты и имел право на участие в обсуждении проблем¹.

С точки зрения С.А. Муромцева, Государственный канцлер и все министры назначались и увольнялись от должности указами императора и несли ответственность перед Государственной Думой. Каждый министр нес ответственность не только за свои личные распоряжения, но и за действия всех подчиненных ему ведомств, а также за скрепленные его подписью указы императора. Правительство в целом несло ответственность перед Думой за общий ход государственного управления. Министры подлежали гражданской и уголовной ответственности.

Что касается вопроса административно-территориального устройства, то в его проекте предусматривалось создание целостной системы местного самоуправления, которое также основывалось на прямом, всеобщем, равном и тайном голосовании. Все высшие собрания самоуправлявшихся союзов избирались собраниями низших союзов. Областные и губернские земства могли при наличии общих дел у нескольких губерний заключать срочные или бессрочные соглашения и образовывать общие исполнительные органы, а также предусматривалось постепенное введение федеративных начал. Так, в проекте С.А. Муромцева все законы на территории Великого Княжества Финляндского признавались не имеющими законной силы без одобрения представительным органом этой области².

Ученый предусматривал наличие независимого от администрации суда. Так, любое лицо, занимавшее административную должность, не могло ни при

¹ См.: Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173–196.

² См.: Там же. С. 173–196.

каких обстоятельствах наделяться судебной властью. Устанавливались гарантии для судей в виде их несменяемости и т.д.¹

С.А. Муромцев в своей критике отечественного государственного законодательства исходил из политико-правового опыта стран Западной Европы, пытаясь примирить его с реальностью общественной жизни России. Его главной задачей был эволюционный переход из одной юридической конструкции в другую.

Будучи недовольным основными государственными законами после 1905 г., их критиковал и М.М. Ковалевский. Он утверждал, что самой важной функцией народного представительства является право законодательной инициативы, фактически сведенное законодателем «на нет». С его точки зрения, Дума должна превратиться из органа, утверждающего законопроекты, в предлагающий их². Новые налоги, по мнению М.М. Ковалевского, могли быть вводимы и утверждены, равно как и отменены, только парламентом, который представляет налогоплательщиков. Аналогично мыслитель рассуждал о принятии и утверждении бюджета, так как через данную сферу полномочий законодательная власть может эффективно контролировать власть исполнительную. Такая практика особенно важна для неокрепшего российского представительства³. Именно парламент, состоявший из представителей народа, должен контролировать все вопросы внутренней и внешней политики страны⁴. М.М. Ковалевский также предусматривал за парламентом право на обращение с запросами к органам исполнительной власти, которые в обязательном порядке должны были на них отвечать и предоставлять все необходимые сведения, так как без необходимой информации деятельность народ-

¹ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). С. 175–190.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 2. СПб., 1911. Т. 1. С. 105.

³ См.: Там же. С. 172.

⁴ См.: *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. Ч. 1. С. 84.

ного представительства сделается невозможной. Это право парламента есть эффективное средство преодолеть правительственную бесконтрольность¹.

Чрезмерное усиление парламента может привести к монополизации им многих несвойственных функций и, как следствие, дисбалансу государственного механизма. Такой парламент он называл «многоголовым самодержавием»². И все же ученый продолжал настаивать на усилении контрольных функций народного представительства³.

Гарантией от подобного рода опасностей он считал наличие верхней палаты народного представительства, которая будет препятствовать всевластию нижней палаты⁴. Верхнюю палату парламента М.М. Ковалевский предлагал сформировать из представителей местного самоуправления⁵. Эта палата парламента была призвана осуществлять контроль за правильным и неукоснительным соблюдением народных интересов со стороны нижней, а также служить посредником между исполнительной и законодательной властью⁶. Контроль должен был достигаться посредством повторного обсуждения и одобрения решений, принятых нижней палатой, в том числе и бюджета, но при этом верхняя палата не имеет права изменять избранные статьи обсуждаемого документа, а может лишь отвергнуть или принять его целиком⁷.

Высшим органом исполнительной власти М.М. Ковалевский предлагал сделать Кабинет министров, возглавляемый премьер-министром, который являлся председателем на его заседаниях. Состав кабинета предлагалось избирать из членов парламента. М.М. Ковалевский рассматривал несколько ва-

¹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 2. СПб., 1911. Т. 1. С. 771.

² См.: Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Ч. 2. С. 120.

³ См.: Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия // Страна. СПб., 1906. 2 марта. № 10. С. 20.

⁴ См.: Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Ч. 2. С. 115–120.

⁵ См.: Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия // Страна. СПб., 1906. 2 марта. № 10. С. 20.

⁶ См.: Ковалевский М.М. Что такое парламент? СПб., 1906. С. 3–34.

⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 2. СПб., 1911. Т. 1. С. 105.

риантов формирования правительства. Так, например, если в парламенте только две фракции, тогда носитель верховной власти назначает премьер-министра из состава победившей партии. Остальных министров глава правительства выбирает по своему усмотрению. Если же партий более двух, то глава государства назначает после согласования с парламентом всех членов кабинета министров.

Однако правительство, с его точки зрения, не подчиняется напрямую народному представительству, а иногда может само оказывать влияние на парламент¹. Каждый министр единолично отвечает за работу вверенного ему учреждения, но также он отвечает за общее направление политики правительства наравне с другими членами кабинета министров. Кабинет имеет право навязать действия, с которыми министр как глава своей отрасли может быть и не согласен. Все министры должны, по мнению М.М. Ковалевского, отвечать за акты, изданные правительством в целом. Избежать ответственности министр может лишь уйдя в отставку². Правительство несет ответственность и перед парламентом³.

Доминирующее положение в механизме исполнительной власти отводилось главе правительства, который обязан, с точки зрения М.М. Ковалевского, регулировать деятельность правительства в целом и каждого министра в отдельности. Глава правительства обязан обеспечить единство проводимой этим учреждением политики⁴.

М.М. Ковалевский отводил главе государства (монарху или президенту, «как получится») роль координатора деятельности всех ветвей власти. Он имеет некоторые важные полномочия, например, право роспуска парламента, но существенно ограничен в своих претензиях. Как видно из вышеизложен-

¹ См.: *Ковалевский М.М.* Спор о конституционном праве // Вестник Европы. 1909. №1. С. 81–99.

² См.: *Ковалевский М.М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 250–251.

³ См.: *Кони А.Ф.* Ковалевский в законодательной деятельности // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 11–27.

⁴ См.: *Ковалевский М.М.* Обзор русской литературы по государствоведению за 1909 год // Вестник Европы. 1909. №12. С. 844–855.

ного, формальный глава государства фактически терял лидирующие позиции в механизме управления¹. Судебная власть, по мнению М.М. Ковалевского, должна выступать гарантом существующего в государстве строя и защитником законных прав и интересов граждан². Она должна быть построена на принципах гласности, несменяемости судей, состязательности и др. Полномочия суда не могут ограничиваться никаким другим учреждением в механизме существующего государства³.

Главной функцией судебной системы должен был стать контроль за соблюдением законности, а также сдерживание основных органов механизма государства, в том числе и парламента, от нарушений закона⁴. В такой системе, считал М.М. Ковалевский, не может быть соблюден принцип разделения властей в классическом его виде, так как законодательная власть все равно будет иметь некоторые преимущества⁵.

По вопросам государственного устройства, защищая свои теоретические положения, активно выступал юрист, один из лидеров кадетской партии Ф.И. Родичев. Он остро отреагировал на дополнение к Положению о земствах 1890 г. о введении местного самоуправления в шести западных губерниях, полагая, что введение трехпроцентной нормы представительства в местной администрации для польского населения противоречит принципам права, и называл подобное положение вещей попыткой со стороны правительства «выпереть поляков из земства». Ф.И. Родичев считал, что правительство выхолащивает принципы организации местного самоуправления, его суть. Он называл данные законодательные акты «губернским произволом», которому рада только бюрократия, боящаяся свободных выборов, и

¹ См.: Ковалевский М.М. Общее конституционное право. СПб., 1908. Ч. 1. С. 349–360.

² См.: Там же. С. 279.

³ См.: Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия// Страна. СПб., 1906. 2 марта. № 10. С. 20.

⁴ См.: Ковалевский М.М. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 73–75.

⁵ См.: Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Ч. 1. С. 358–361.

предлагал не принимать подобного закона, а ввести 50%-ную норму от крестьян и полноценного допуска поляков¹.

Кроме того, Ф.И. Родичев выступил против проекта закона об отделении Холмского края от Царства Польского и преобразования его в отдельную губернию и называл это платой за введение местного самоуправления на западе империи и считал его продолжением неоправданной травли поляков. Вопреки всем выступлениям Ф.И. Родичева закон был принят Думой 26 апреля 1912 г.²

Поляки же неожиданно для Ф.И. Родичева сами стали настаивать на ограничениях для евреев и согласились на введение курий в ущерб принципу всесословности местного самоуправления. Ф.И. Родичев полагал, что они в данном случае способствовали провалу либеральной программы введения местного самоуправления своей неоправданной националистически-федералистской позицией³.

Интерпретируя нововведения в законодательстве, юрист и социолог Б.А. Кистяковский отмечал, что там нигде нет упоминания терминов «конституционная монархия», «конституция» и т.д. И все же их отсутствию он не придавал принципиального значения и полагал, что Манифестом от 17 октября 1905 г. был осуществлен переход к конституционному строю, а также подчеркивал значение рескрипта от 18 февраля 1905 г., в котором император утверждал о своем желании привлекать избранных населением людей, обремененных доверием народа, к обсуждению и подготовке законопроектов. Потом он отмечал издание 6 августа 1905 г. Учреждения Государственной Думы и положения о выборах, где подтверждалось привлечение части населения к управлению страной.

Б.А. Кистяковский полагал, что вышеназванные акты, вне всякого сомнения, изменили весь государственный строй в России. Он приравнивал со-

¹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 3. СПб., 1910. Т. 1. С. 877–889.

² См.: *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 145–147.

³ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 5. СПб., 1910. Т. 1. С. 1297–1320.

вокупность этих актов по исторической значимости к Конституции США 1776 г. и Декларации прав человека и гражданина во Франции от 1789 г. Б.А. Кистяковский усматривал в них обещание издания более подробных и систематических нормативных актов конституционного характера, рассматривая вышеуказанную правовую базу лишь как неплохой плацдарм для дальнейших преобразований¹.

Главным шагом на пути к упомянутым преобразованиям должен был стать созыв Учредительного собрания, которое реформирует государственное устройство Российской империи. Б.А. Кистяковский возлагал большие надежды на этот временный орган, так как полагал, что аналогичные учреждения сыграли огромную роль в становлении передовых государств мира, пример которых заслуживает перенесения на русскую почву². Он считал, что учредительное собрание непременно примет за идеал парламентскую республику с однопалатным законодательным органом, с внедрением в нее практики проведения частых референдумов. Роль законодательного собрания и народных референдумов в деле принятия законов будет практически равнозначной³.

Критикуя Учреждение Совета министров от 1906 г., включенное в состав Основных законов, Б.А. Кистяковский утверждал, что правительство должно быть подотчетно парламенту. Он выступал против чрезмерного усиления главы правительства, так как полагал, что в российских условиях такой шаг приведет к подчинению министров премьеру, а не парламенту. Ученый предлагал формировать правительство хотя бы частично из состава народного представительства. Такой шаг, по его мнению, позволит избежать превращения кабинета в сообщество бюрократических министерств⁴.

¹ См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. С. 257–260.

² См.: *Кистяковский Б.А.* Областная автономия и ее пределы // *Русская мысль*. 1907. Июнь. С. 157.

³ См.: Там же. С. 166.

⁴ См.: *Кистяковский Б.А.* Кабинет министров // *Свобода и культура*. 1906. № 3. 16 апреля. С. 139–157.

Консерваторы старались проводить в жизнь свои интерпретационные построения, дабы ослабить идейное влияние оппонентов на правосознание. И все же влияние на правотворчество представителей, как либералов, так и консерваторов, оставалось весьма ограниченным.

Л.А. Тихомиров, составляя проект тронной речи для императора Николая II, выражал мысли о сохранении неограниченного самодержавия, которое дарует подданным некоторые права и свободы¹. Проект тронной речи Л.А. Тихомирова не был утвержден. Революцию 1905 г. он объяснял отсутствием единой, неограниченной власти, подорванной нововведениями в Основных государственных законах². Л.А. Тихомиров, прежде всего, отмечал их компромиссный характер, который негативно отражался на процессе государственного управления. Он отрицательно высказывался об усиливавшемся по новым законам положении председателя Совета министров, полагая, что только людям с такими качествами, какими обладал П.А. Столыпин, возможно предоставить такие полномочия при существующей законодательной базе³. Народное представительство в России, с его точки зрения, может выражать лишь мнения и желания народа, но ни в коем случае не претендовать на суверенную власть, которую способен воплотить лишь самодержец⁴.

Соответственно Л.А. Тихомиров характеризовал новеллы в Основных государственных законах с 1905 г. как хаотичные и полные противоречий, из-за которых даже небольшое потрясение способно обрушить всю систему государственной власти⁵. Он предлагал сперва изменить ст. 7 Основных государственных законов и изменить ее так, чтобы из области совместной компетенции монарха и Думы законодательная власть осталась только у импера-

¹ См.: *Тихомиров Л.А.* 25 лет назад. Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1930. № 4–5. С. 103–147.

² См.: *Тихомиров Л.А.* Постройка без фундамента // Новое время. 1906. № 10965.

³ См.: *Тихомиров Л.А.* К реформе обновленной России: сборник статей. С. 89.

⁴ См.: *Тихомиров Л.А.* О реформе народного представительства // К реформе обновленной России: сборник статей. С. 266; *Его же.* Народное представительство // Московские ведомости. М., 1912. № 144. 22 июня.

⁵ См.: *Тихомиров Л.А.* Откуда беспокойство конституционалистов // К реформе обновленной России: сборник статей. С. 230–232.

тора. Народному представительству отводилась роль совещательного органа¹. Правда, для решения некоторых проблем парламент мог иногда надеяться правом решающего голоса, но только в строго предусмотренных законом и монархом случаях². Поэтому главной функцией народного представительства остается участие в законодательстве, только без всяких конституирующих прав. Единственным законодателем по-прежнему остается государь-император. Народное представительство обладает законодательной инициативой, которая в проектах Л.А. Тихомирова больше напоминает челобитные. Парламент должен собираться только на короткие сессии, чтобы депутаты не превратились в профессиональных политиков³. Таким образом, народное представительство должно было в корне отличаться от западноевропейских аналогов.

В отношении административно-территориального устройства формулировка ст. 1 Основных государственных законов в интерпретации Л.А. Тихомирова предусматривает универсальность верховной власти и законов на всей территории империи. Некоторые послабления предусматриваются для Финляндии и только в примечаниях⁴.

В консервативном ключе интерпретировал новое законодательство и один из лидеров Русского собрания и Русской монархической партии В.А. Грингмут. Он напоминал о том, что в Манифесте от 1905 г. говорится в первую очередь об укреплении самодержавия, а также законности, безопас-

¹ См.: *Тихомиров Л.А.* Об исправлении кодификации 1906 года // *Московские ведомости*. М., 1909. № 239.

² См.: *Тихомиров Л.А.* Народное представительство // *Московские ведомости*. М., 1912. № 144. 22 июня.

³ См.: *Тихомиров Л.А.* Народное представительство в высших учреждениях // *Московские ведомости*. М., 1912. № 151. 30 июня.

⁴ См.: *Тихомиров Л.А.* Некоторые недостатки узаконений 1906 года // *Московские ведомости*. М., 1912. № 139. 16 июня.

ности и порядка¹. Народные представители привлекаются лишь для предварительной разработки и обсуждения законопроектов².

В.А. Грингмут прямо критиковал либеральных мыслителей, которых он называл «конституционными крамольниками», за преднамеренное искажение смысла нововведений в законодательство. Он полагал, что они выбирают удобные им отрывки и делают вид, будто в России исчезло самодержавие, хотя это совсем не так. «Они знать не хотят царской воли», с горечью констатировал В.А. Грингмут³.

Один из лидеров Всероссийского национального союза М.О. Меньшиков полагал, что новое законодательство ставит Россию на цивилизованный европейский путь и создает предпосылки для дальнейшего реформирования⁴. Он также утверждал, что произошло перераспределение властных функций между парламентом и правительством, указывающее на юридическую и социальную метаморфозу института самодержавия⁵, и считал, что совокупностью новых нормативных актов была создана новая структура власти. Ее возглавлял все также император, но его власть перестала быть самодержавной, поскольку была разделена с народным представительством. Наделение парламента правом законодательной инициативы он рассматривал как первый шаг на пути к конституционной монархии⁶. Следовательно, мыслитель оценивал сложившийся государственный уклад как временный. Однако с течением времени М.О. Меньшиков выражал все большую озабоченность отсутствием дальнейших шагов по пути реформ и, как следствие, изменилась оценка им Манифеста от 17 октября 1905 г. и сопутствующего ему законодательства. Он стал писать, что новый государственный строй не изменил гос-

¹ См.: *Грингмут В.А.* Царское слово // Собрание статей В.А. Грингмута (1896–1907): в 5 вып. М., 1908. Вып. 3. С. 145–148.

² См.: *Грингмут В.А.* Первый шаг // Собрание статей В.А. Грингмута (1896–1907): в 5 вып. М., 1908. Вып. 3. С. 149.

³ См.: *Грингмут В.А.* Три акта // Собрание статей В.А. Грингмута (1896–1907): в 5 вып. М., 1908. Вып. 3. С. 154–155.

⁴ См.: *Меньшиков М.О.* Что потеряно? Кременчуг, 1906. С. 2–11.

⁵ См.: *Меньшиков М.О.* Образ правления // Новое время. 1906. 1 янв.; *Его же.* Чернильная бомба // Национальная империя. М., 2004. С. 61–64.

⁶ См.: *Меньшиков М.О.* Подъем власти // Письма к русской нации. М., 2005. С. 40–41.

подствующего положения бюрократии и не смог поспособствовать созданию новой нормативной основы для перехода России в лагерь цивилизованных стран¹.

М.О. Меншиков не был доволен и Учреждением Государственной Думы от 1908 г., полагая, что оно является некритическим заимствованием европейского опыта, и, следовательно, не способно создать оптимальный парламент для России. Это, в свою очередь, лишь усилит раскол между властью и обществом². Результатом подобных рассуждений стало его утверждение о закономерности февральской революции и крушения монархии³.

Тем не менее, М.О. Меншиков надеялся, что с возникновением народного представительства у России остается шанс, минуя революцию, перейти к новой форме правления. Образование народного представительства он называл высшей точкой развития в жизни русского государства, отражая видение ситуации русскими националистами⁴. Характерным выражением националистических взглядов данного периода, можно считать высказывание М.О. Меншикова о том, что в Думе должна быть исключена партийная борьба, путем образования единой национальной партии⁵.

М.О. Меншиков в своих проектах наделял Государственную Думу очень широкой компетенцией, включая контроль правительства. Парламент виделся ему единственным органом, способным оградить русскую нацию от

¹ См.: *Меншиков М.О.* Стража общества // Новое время. 1905. 12 нояб.; *Его же.* Третья оппозиция // Новое время. 1913. 12 нояб.

² См.: *Меншиков М.О.* В предрассветных сумерках // Письма к русской нации. М., 2005. С. 528.

³ См.: *Меншиков М.О.* Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта; *Его же.* Речи к народу // Новое время. 1917. 14 марта.

⁴ См.: *Меншиков М.О.* Что мы выиграли // Новое время. 1905. 5 июня; *Его же.* Объект истории // Новое время. 1907. 5 марта; *Его же.* Великорусская партия // Национальная империя. М., 2004. С. 180–183; *Его же.* Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. М., 2005. С. 330–350.

⁵ См.: *Меншиков М.О.* Перестройка партии // Новое время. 1909. 26 марта; *Его же.* Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.

враждебных ей элементов. Он считал необходимым дать Думе право формировать ответственное правительство¹.

Другой лидер Всероссийского национального союза А.И. Савенко называл новые нормативные акты шагом к созданию более действенной системы власти, в которой самодержец выполнял функции координатора, мешая узурпировать власть как правительству, так и парламенту².

Профессор Харьковского университета, специалист по государственному праву, один из учредителей Всероссийского национального союза Н.О. Куплеваский полагал, что государственный строй после Манифеста 17 октября 1905 г. можно назвать представительной монархией, правда, с оговорками на российскую уникальность. Особенностью режима правовед считал сохранение верховной власти за монархом, а не парламентом, сохранение титула самодержца и независимость правительства от Государственной Думы. Он полагал проблемным отсутствие юридических ограничений верховной власти, что могло, по его мнению, негативно сказаться при переходе к следующей ступени преобразований. Так, профессор считал вновь созданный режим ненадежным и переходным, так как с принятием новых Основных законов были созданы предпосылки для дальнейшего обновления государственного устройства при лидерстве и контроле парламента³.

Правовед Н.А. Захаров отмечал, что новые Основные законы нельзя рассматривать как законодательные или правительственные акты, а только как акты власти особой, единоличной и «единовольной» и, следовательно, самодержавной. С его точки зрения, реформы не изменили основ государственной власти, а только усовершенствовали порядок ее волеизъявления⁴.

¹ См.: *Меньшиков М.О.* Пятно невежества // Новое время. 1906. 23 марта; *Его же.* Люди понимания // Новое время. 1910. 20 окт.; *Его же.* Национальное правительство // Новое время. 1907. 25 окт.; *Его же.* Тело без души // Новое время. 1913. 10 дек.

² См.: *Савенко А.И.* Государственный строй России и запросы по применению статьи 87 Основных государственных законов // Сборник клуба русских националистов. Киев, 1911. Вып. 3. С. 73–77.

³ См.: *Куплеваский Н.О.* Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование императора Николая II. СПб., 1912. С. 5–47.

⁴ См.: *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 1968. С. 139.

При этом он указывал, что, исправив старые и запутанные законы, в Манифесте от 17 октября 1905 г. было прописано об «установлении новых путей, по которым будет проявляться самодержавная власть всероссийских монархов». Данное положение было конкретизировано Основными законами от 23 апреля 1906 г.¹

Н.А. Захаров указывал, что ст. 84 Основных законов, гласившая, что Российская империя управляется на твердых основаниях законов, и заменившая собой старую статью, в которой говорилось о законах, исходивших от самодержавной власти, не изменяет основ государственного устройства. Данная норма, по мнению правоведа, лишь свидетельствует о смене признаков нормативных актов, считавшихся законами. То есть теперь законом является не всякий изданный правительством акт, а только акт, прошедший определенные стадии. Таким образом, ст. 84, по его мнению, лишь конкретизирует ст. 1 учреждений Государственной Думы и Государственного Совета. Он подчеркивает, что принцип ст. 47 прежних Основных законов не отменен, а претерпел лишь некоторую метаморфозу процессуального характера в том смысле, что теперь самодержавная власть издает законы не в порядке ст. 50 прежних Основных законов, а после совещания с Государственными Советом и Думой².

Н.А. Захаров вступал в полемику с либеральными юристами Н.И. Лазаревским и В.В. Ивановским, которые настаивали на том, что самодержавный режим с принятием новых основных законов стал достоянием истории³. Н.А. Захаров отмечал, что, приняв точку зрения своих оппонентов, он бы упустил содержание ст. 4 Основных законов, которая гласит, что власть Российского императора основана на милости Божьей. Статья эта заменяет собой аналогичные статьи иностранных конституций, например, ст. 21 — гре-

¹ См.: *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 1968. С. 140.

² См.: Там же. С. 141.

³ См.: *Лазаревский Н.И.* Конституционное право. СПб., 1908. С. 181–223; *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 452–500.

ческой, ст. 71 — швейцарской, ст. 25 — бельгийской, в которых говорится, что вся власть в государстве исходит от народа¹.

Н.А. Захаров вступил в полемику и с видным либеральным юристом Н.И. Палиенко, который называл новую форму правления дуалистической, и утверждал, что Россия, получившая народное представительство с законодательными полномочиями, стала конституционным государством, пусть и «наименее развитого типа». Поэтому новый порядок, по мысли либерального юриста, следует отнести к дуалистическим, с преобладанием монарха среди других органов государственной власти².

Отвергая также и эту точку зрения, Н.А. Захаров полагал, что она основана на ошибочном постулате противопоставления конституции и самодержавия. Он считал конституцию общей схемой государственного устройства, а самодержавие — формой государственного строения, которая спокойно совмещается с конституцией. По его мнению, русская конституция наиболее похожа на «гибкую» конституцию, но право ее изменения принадлежит исключительно императору на основании ст. 8 и 107 Основных законов, что обеспечивает ее преимущество перед другими европейскими конституциями. Реформы 1905–1906 гг., подчеркивал Н.А. Захаров, не сделали из императора лишь формального представителя государства, а оставили со всей полнотой власти³. Таким образом, Н.А. Захаров пытался рассматривать Россию начала XX в. как государство самодержавное, но при этом конституционное.

Правительство в исследуемый период занимало оборонительную позицию, стремясь сохранить несущие конструкции политической системы, и с подозрением относилось не только к либеральным организациям и их идеям, но и к обществам консервативного толка. Опасения вызывала не политическая окраска организации, а сам факт наличия неподконтрольной организованной общественной силы. Это объясняет то обстоятельство, что у консер-

¹ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 1968. С. 140–141.

² См.: Палиенко Н.И. Основные законы и формы правления в России. Харьков, 1910. С. 6–71.

³ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 1968. С. 141–155.

вативных политических организаций проблем с властью было не меньше, чем у либеральных, начиная с самого момента их регистрации в органах государственной власти, что подтверждают материалы из государственного архива Саратовской области о неоднократных запросах на легализацию от консервативных и националистических организаций, которым изначально благоволили монарх и некоторые министры¹.

Несмотря на изменения политической ситуации в начале XX в., вопрос о местном самоуправлении продолжал привлекать внимание мыслителей как либерального, так и консервативного направления. Хотя после революции 1905 г. обсуждение земского вопроса отошло на второй план, по сравнению с проблемами реформирования центральных органов государственной власти, к 1909–1910 гг. обсуждение его возобновилось. Необходимо отметить, что проблематика местного самоуправления обсуждалась в контексте общей идеи формы государства, так как либеральные и консервативные мыслители полагали, что при многоукладной и многонациональной структуре Российской империи местные конфликты вряд ли смогут быть разрешены в рамках вопросов государственного устройства. Так, в докладе члена юридического общества при Санкт-Петербургском университете Ф.Е. Врублевского была дана оценка попытке создания земств в Северо-Западном и Юго-Западном краях консервативным министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, который предложил формировать губернские земские управы исключительно из назначаемых правительством чиновников, что лишало смысла само понятие «самоуправление». Данный шаг объяснялся И.Л. Горемыкиным необходимостью продвижения в указанных местностях русских людей для укрепления имперского влияния. С критикой его проекта выступили не только представители общественности (В.Д. Кузьмин-Караваев), но и такие чиновники высокого ранга, как Киевский генерал-губернатор М.М. Драгомиров, министры: юстиции — Н.В. Муравьев, земледелия — А.С. Ермолов и военный —

¹ См.: ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–5; Ф. 176. Д. 63. Л. 2–6; Ф. 176. Оп. 1. Д. 128. Л. 3–5; Ф. 176. Оп. 1. Д. 926. Л. 1, 12; Ф. 1. Оп. 1. Д. 7079. Л. 1–12.

А.Н. Куропаткин. Спустя некоторое время, 28 апреля 1904 г. Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский сделал запрос губернаторам Северо-Западного края о возможности введения самоуправления в полном объеме. Большинство губернаторов согласились с введением полноценного земского самоуправления, так как полагали, что поляки — помещики настроены исключительно консервативно и сочувствуют курсу правительства, а смутяны и революционные элементы сконцентрированы исключительно в городах.

При этом сам Ф.Е. Врублевский полагал, что указанные высшие сановники выступили за введение земства вовсе не из-за либерального настроя, а потому, что в Северо-Западном крае крестьяне и иные элементы, владеющие земельными наделами, находились в исключительной экономической зависимости от консервативных помещиков¹. Указанное положение дел лишало возможности бунтовать податные сословия и укрепляло дворянский консерватизм. Этот вид консерватизма соперничал с бюрократическим консерватизмом и развивал идею о том, что опорой правительства на местах и в центре должно быть дворянское сословие как историческая опора самодержавия.

Юрист, либерал и депутат Государственной думы В.Д. Кузьмин-Караваев настоятельно рекомендовал немедленное проведение дальнейшего реформирования местного самоуправления, так как города и уезды погрязли в невежестве, нищете и грязи, от которых не избавиться без дальнейшего увеличения самостоятельности всех членов общества².

Депутат Государственной думы от Саратовской губернии и либеральный публицист И.В. Жилкин, разбирая конфликт по поводу демократизации земства, в котором либеральным гласным Симферопольского губернского собрания С.С. Крыму и А.В. Новикову противостоял консервативный предводитель феоdosийского дворянства А.А. Княжевич, выступал за дальнейшую реформу местного самоуправления.

¹ См.: Врублевский Ф.Е. О правительственном проекте введения земских учреждений в Западном крае // Труды юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. II (второе полугодие 1909 г.). СПб., 1911. С. 385–424.

² См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1910. Т. 11. С. 446–448.

В данном противостоянии депутаты полагали, что при существующей цензовой системе выборов в органы местного самоуправления зачастую просто не хватает людей, способных компетентно решать насущные вопросы, а существующая финансовая система приводит к банкротству земских органов. В свою очередь А.А. Княжевич отстаивал цензовую систему, при которой дворяне получали преимущество, так как иначе самоуправление окажется «в руках безграмотных элементов», склонных к революции¹.

И.В. Жилкин отмечал, бесправность местного самоуправления перед диктатом губернаторов², которая порождала разочарование в нем как гласных, так и обычных избирателей³.

Анонимный публицист журнала «Вестник Европы» отмечал, что необходимо также противостоять консервативно настроенному курсу министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который решил подчинить земства полному финансовому контролю, раз не получается полностью подчинить политически. Он утверждал, что финансовая зависимость еще более опасна, так как не получает общественного резонанса, а контроль правительства при ней не менее силен⁴.

К.К. Арсеньев писал, что местное самоуправление должно быть включено в систему государственного устройства, но только не в том виде, в котором оно существовало на тот момент. Он призывал модернизировать самую низшую систему местного самоуправления путем реформирования ее избирательной системы на всеобщей бессловной основе. При этом правовед предполагал учитывать и национальный фактор, так как неизбежно, по его словам, с самого начала XX в. вставал вопрос о распространении земского самоуправления на окраины империи (Царство Польское, Кавказ, Северо-

¹ См.: Жилкин И.В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 2. С. 365–367.

² См.: Жилкин И.В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 1. 1913. С. 371–380.

³ См.: Жилкин И.В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 8. С. 333–342.

⁴ См.: Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1913. Т. 2. С. 424–426.

западный край, Туркестанский край, Сибирь). К.К. Арсеньев считал необходимым создание особой избирательной системы в каждом конкретном регионе, иначе одна этническая группа могла попасть в зависимость от другой. Кроме того, он противодействовал консервативной инициативе Б.В. Штюрмера о выделении из министерства внутренних дел министерства самоуправления, так как считал, что неважно, как называется центральный государственный орган, который угнетает самоуправление. Главное, по его мнению, было предоставить земству максимальную самостоятельность в финансовых и управленческих вопросах и свести к минимуму опеку центральной власти и губернской администрации. Надежду на решение указанных вопросов он возлагал на Государственную Думу, так как не ждал от существующего правительства ничего хорошего¹.

Борьба за бессловную волость продолжалась до 1917 г., то есть практически вплоть до прекращения существования Российской империи. Например, К.К. Арсеньев выступал против инициативы консервативно настроенного министра внутренних дел А.Д. Протопопова, который предлагал возложить на земство дополнительные административно-полицейские функции и сохранить куриальную избирательную систему. Против указанной инициативы министра выступили также националисты — депутаты Государственной Думы М.С. Андрейчук и В.Г. Амосенок, которые голосовали за «снятие сословности в волости», так как, несмотря на отмеченную выше консервативную направленность национализма, ставили развитие русской народности на первое место, а все остальное (сословность, государство) — на второе. При этом националисты выступали за ограничение прав самоуправления для других культурных и этнических групп, например евреев и поляков. К.К. Арсеньев полагал, что земское самоуправление должно быть основано на бессловной всеобщей системе избирательного права и максималь-

¹ См.: *Арсеньев К.К.* На темы Дня // Вестник Европы. 1916. Т. 5. С. 370–379.

ной независимости земств как от центральной администрации, так и друг от друга¹.

Итак, либеральные представители юридической науки и общественности в начале XX в. в целом восприняли новую совокупность изменений нормативно-правовых актов как однозначное ограничение самодержавия. Самые радикальные представители либерального течения настаивали на том, что в России введен новый конституционно-монархический порядок, за которым рано или поздно последует республиканская форма правления (П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский). Более умеренные их представители называли строй дуалистическим, причем специфически российским, который отличался от ее западноевропейских аналогов чрезмерной компетенцией императора и нечеткостью правового статуса основных звеньев механизма государственной власти (например, практика личных докладов министров императору) (А.И. Гучков, В.В. Ивановский, Н.М. Кишкин, Ф.Ф. Кошкин, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Н.И. Палиенко, Ф.Н. Плевако, Ф.И. Родичев).

Консерваторы преимущественно восприняли Основные государственные законы 1906 г. как юридическое оформление традиционного для России самодержавия и государственного устройства. Некоторые отрицали (не без оснований) вообще наличие конституции в России, настаивая на том, что данный термин не упомянут официально нигде (И.Л. Горемыкин). Другие полагали, что законодательные функции Думы не прописаны ясно, а следовательно, народное представительство носит совещательный характер, и в таком случае ни о каком ограничении самодержавия не может идти речи (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров). Отдельные авторы допускали наличие конституции в России, подчеркивая ее совместимость с самодержавной монархией (Н.А. Захаров). При подобной интерпретации самому понятию «конституция» придавался совершенно неизвестный ранее смысл как акту, на котором основана неограниченная монархия. В этом варианте использовался

¹ См.: *Арсеньев К.К.* На темы Дня // Вестник Европы. 1917. Т. 2. С. 327–343.

традиционный для консервативных мыслителей логический прием, который на основании введения непроверяемого концепта идеократии постулировал различие русского самодержавия и западного абсолютизма.

В начале XX в. появилось новое идейное течение, обеспеченное довольно мощной инфраструктурой на местах, а именно русский национализм, некоторые идеологи которого эволюционировали от юридических интерпретаций в духе традиционного консерватизма к полному отрицанию монархии, в том числе и уникальной русской (П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков, А.И. Савенко). Они стали называть монархию отжившей свой век формой правления и предлагали свою интерпретацию Основных законов, где, солидаризируясь с либералами, называли новый государственный порядок конституционно-монархическим. В их планы входило дальнейшее движение за его реформирование в конституционный порядок, в котором доминирующее положение займет орган народного представительства, но сформированный на консервативном принципе, так как в нем должно произойти «снятие» всех партийных противоречий и их место должна занять новая монополярная истинно национальная партия. Некоторые националисты оставались на более умеренных монархических позициях (В.А. Грингмут, Н.О. Куплеваский).

Главное различие во взглядах на судьбу обновленных Основных государственных законов 1906 г. можно представить как противостояние между либералами — сторонниками их усовершенствования, и консерваторами — противниками дальнейшего правового вмешательства в дела государственно-го управления. Это конфликт между правовой и внеправовой точками зрения, а не между сторонниками республиканской, конституционно-монархической и монархической формами правления.

Интерпретация юридических норм о государственном устройстве определялась не только теоретико-идеологической позицией мыслителя, но и его территориальной принадлежностью. Так, например, в вопросах о федерализации у консерваторов из Царства Польского, Великого княжества Фин-

ляндского и Великорусских губерний зачастую были диаметрально противоположные позиции по данному вопросу.

Сложная административная и национальная структура империи, а также политическая ситуация не позволяли дискутировать только в рамках вопроса о федеративном или унитарном устройстве. Вопрос о местном самоуправлении был в указанное время неотделим от вопроса о государственном устройстве. С тем, что местное самоуправление необходимо развивать, в начале XX в. были согласны все, как либералы, так и консерваторы.

В вопросе о местном самоуправлении среди либералов и консерваторов можно выделить несколько пересекающихся теоретических и политических оппозиций: консерваторы-чиновники (И.Л. Горемыкин, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, Б.В. Штюрмер) и консерваторы-националисты (М.С. Андрейчук, В.Г. Амосенок); консерваторы-дворяне (М.И. Драгомиров, А.А. Княжевич, П.Д. Святополк-Мирский) и консерваторы-чиновники; консерваторы-националисты и консерваторы-дворяне, а также консерваторы в целом и либералы (К.К. Арсеньев, И.В. Жилкин, В.Д. Кузьмин-Караваев, С.С. Крым, А.В. Новиков), проекты которых различались лишь нюансами, не позволявшими говорить о самостоятельных разновидностях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование и развитие представлений об организации государственной власти в либеральной и консервативной правовой мысли в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. просматривается на уровне догматического, историко-правового, доктринального, теоретического осмысления таких категорий, как форма правления и форма государственного устройства (административно-территориального устройства) в их соотношении, а также особенностей и закономерностей сущностной, структурной и институциональной эволюции государства.

Либералы и консерваторы исследуемого периода также спорили по вопросу о природе и сущности государственной власти. Так, одна группа либеральных мыслителей понимала государственную власть как некую неделимую субстанцию (и в этом была близка к консерваторам, отличаясь от них лишь выводами), а другая рассматривала ее как исторически изменчивую конструкцию, которая могла быть разделена, или модифицирована иным образом в целях достойного существования человеческой личности. В основе указанной системы должны были находиться особые постоянные принципы (разделение властей, законность, конкуренция, сменяемость власти и др.), которые и придавали данной власти статус правовой.

В научной литературе 50–90-х гг. XIX в. правоведы отождествляли форму правления и форму государственного устройства или предпринимали попытки обосновать их разграничение на основе научных критериев известных западноевропейской юридической науке. Вопрос об их законодательном закреплении и последующем реформировании либералы и консерваторы рассматривали в контексте соотношения центрального, местного управления и самоуправления.

Если основной проблемой либеральных политических теорий в странах Западной Европы являлось соотношение экономики, свободы и государства, то в отечественной либеральной политико-правовой мысли — это, прежде

всего, соотношение государства и права. Речь шла о различиях в приоритете первого или второго в рамках понимания свободы.

В российском либерализме просматривается преобладание идей об отношениях не между социальными группами, а между народом и государством как самостоятельными субстанциональными субъектами. Как следствие, они особое значение придавали категории правосознания, что сообщало его методологии идеалистический характер и делало непривлекательной для политических деятелей и участников рыночно-капиталистических отношений. Придание первичного статуса правосознанию в России было характерно и для консерваторов.

В 50–90-х гг. XIX в. либералы выдвигали реформаторские идеи о свободе и правах личности, но они не участвовали в публичной политике. В начале XX в. либеральное течение трансформировалось в новое направление — социал-демократизм, который имел мало общего с классическим либерализмом и был ближе к политическим мыслителям «левого» толка.

Российские консерваторы во второй половине XIX в. стояли на охранительно-монархических позициях, а в начале XX в. они разделились на государственников и националистов (имперцев и примордиалистов).

Особенности и закономерности формирования и развития теоретико-методологических основ изучения организации государственной власти просматриваются в контексте учения о государстве и праве либерально и консервативно настроенных, прежде всего, государствоведов и теоретиков права. Важным отличием российских мыслителей от западноевропейских являлось сходство теоретико-методологических основ их политико-правовых идей и концепций. Правоведы второй половины XIX в. в своих работах применяли методологию Г. Гегеля и Ф. Шеллинга. И только проникновение в российскую политико-правовую идеологию неокантианства (В. Дильтей, Г. Риккерт) и позитивизма в зависимости от направления (Г.Т. Бокль, У.Б. Карпентер, Д.С. Милль, Г. Спенсер, Ч.У. Томсон, и др.) способствовало к началу XX в. некоторому их разграничению, что определило дальнейшее

развитие их политико-правовых идей и концепций. Консерваторы предпочитали не пользоваться методологией позитивизма и оставались сторонниками различных направлений идеализма.

Поэтому в процессе разграничения политической и юридической науки одни исследователи государства и права предполагали, что юридическая наука есть наука синтетическая, соединяющая в себе несколько различных подходов к объекту исследования (И.А. Андреевский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, М.И. Свешников и др.), а другая — в качестве объекта исследования рассматривала положительное право, изучаемое на основе догматического метода (А.С. Алексеев, Ф.Ф. Кокошкин, Г.Ф. Шершеневич и др.). И все же даже они иногда утверждали, что политический элемент в объекте исследования очень силен и вряд ли можно было говорить об окончательном его исключении из юриспруденции (В.М. Гессен). Особый взгляд на догматический метод исследования государства как особенного объекта развивался только в рамках юридического позитивизма (Г.Ф. Шершеневич).

Форма правления в политико-правовом дискурсе 50–90-х гг. XIX в. не обсуждалась достаточно широко. Относительно свободно высказываться по поводу этого элемента формы государства могли только консерваторы, но в пределах теоретических конструкций самодержавия как уникальной формы правления. Соответственно все они были ориентированы на изучение его особенностей применительно к историческому, религиозному, национальному и политическому контекстам развития Российской империи.

Либеральные мыслители высказывались по этому вопросу, как правило, академически или предположительно-абстрактно в контексте историко-сравнительного подхода к изучению соответствующего политико-правового опыта западной и восточной цивилизаций.

В контексте данной дискуссии в политико-правовой мысли второй половины XIX в. сформировались основные подходы к изучению организации государственной власти: идеалистический (К.П. Победосцев), органический (К.Н. Леонтьев, В.П. Мещерский), исторический (Н.И. Черняев и др.) и диа-

лектический (И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин). В рамках государственной школы объект исследования изучался на основе сочетания, прежде всего, идеалистического и догматического подходов (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.).

Вся острота политико-правовой дискуссии либерально и консервативно настроенных мыслителей второй половины XIX в. сконцентрировалась на вопросе о местном самоуправлении, но в скрытой форме содержала в себе более принципиальные вопросы развития системы органов государственного управления в контексте формы правления и (или) государственного устройства. Так, либеральные мыслители в своих концепциях пытались наделить земства политическим статусом и тем самым признать его субъектом государственных правоотношений. Такой подход был призван сделать земства политическим партнером центральной власти в решении государственно-правовых вопросов (К.К. Арсеньев, В.И. Герье, В.В. Ивановский, Л.А. Полонский, Б.Н. Чичерин).

Консерваторы, в свою очередь, старались подчеркнуть аполитичность земского управления, его административно-хозяйственную природу, а некоторые из них прямо называли его придатком центральной власти. Подход консерваторов отрицал политико-правовой проект либералов об изменении в далеком будущем природы формы правления в России, содержащийся в их трактовке сущности земского самоуправления (К.Ф. Головин, К.П. Победоносцев, Д.Н. Шипов). Исключение составляла позиция Р.А. Фадеева создавшего консервативный проект всероссийского земского представительства.

Если рассматривать суждения о местном самоуправлении только как реакцию на политико-правовую деятельность правительства второй половины XIX в., то она не удовлетворяла ни либералов, ни консерваторов. Либералы надеялись, что реформы правительства 60–70-х гг. XIX в. — это лишь первые шаги на пути преобразования государственного управления в целом. Их противники из консервативного лагеря, ратуя за сохранение традиционного для России самодержавия как идеократического принципа требовали,

чтобы власть в лице самодержца нашла себе новую социальную опору, помимо имперской бюрократии. Освободив крестьян и дворян от их взаимозависимости, самодержец должен найти новую социальную опору.

Консервативные идеологи дворянства настаивали на усилении своих позиций и требовали доли политической власти. Консервативно настроенные публицисты, адвокаты, ученые видели необходимость для системы обратной связи между управленческими структурами и населением. Соответственно консерваторы стремились найти альтернативные либеральным пути реформирования государства, но их идеи не нашли воплощения в действующем российском государственном законодательстве, так же как и либеральные. Наиболее яркие идеи консерваторов подрывали в перспективе, пусть и далекой, несущие структурные опоры действовавшей системы государственной власти. Например, такой опасной для самодержавия была идея неподконтрольного местного самоуправления. Это отчетливо понимали приближенные к императору придворные и чиновники центральных органов управления империей, поэтому они противодействовали реализации как либеральных, так и консервативных проектов реформирования местного самоуправления (Л.С. Маков, Д.А. Толстой, И.Н. Дурново).

Если подходить к идее формы государства с позиции обнаружения скрытых суждений о форме правления и форме государственного устройства в контексте системы государственного законодательства, то представители различных теоретических направлений из либерального лагеря пытались в ходе реформ вплотную подойти к тем возможностям, которые оно предоставляло, чтобы указать на необходимость введения органов народного представительства в Российской империи. Они видели множество пробелов и противоречий в законодательном регулировании вопросов управления.

Консервативные мыслители за редким исключением (Р.А. Фадеев) делали вид, что не замечают указанных скрытых смыслов, а речь идет только о законодательном регулировании местного самоуправления.

Теоретические конструкции по устройству системы местного самоуправления либеральных и консервативных мыслителей можно разделить на два вида: основанные на реорганизации существующего государственного устройства путем допуска выборных от местного самоуправления в высшие учреждения (К.Ф. Головин, Б.Н. Чичерин) и направленные на поиск выхода из сложившейся социально-политической ситуации при помощи образования всероссийского земского учреждения совещательного характера (К.К. Арсеньев, Р.А. Фадеев).

Политико-правовой аспект в изучении организации государственной власти был обозначен в научной литературе 80–90-х гг. XIX в., а в связи с революционными событиями 1905–1907 гг., а затем февраля–марта 1917 г. стал определять дискуссию либералов и консерваторов о перспективах реформирования центрального, местного управления и самоуправления в контексте развития идеи формы государства.

Приоритетные позиции в теоретической юриспруденции начала XX в. стали занимать представители социологического (В.В. Ивановский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кокошкин, П.А. Сорокин) и естественно-правового направлений (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский). Указанных направлений в научном сообществе в основном придерживались либерально настроенные исследователи, а консерваторы по-прежнему предпочитали историческое (В.М. Грибовский, П.Е. Казанский, Б.В. Никольский, Л.А. Тихомиров) и идеалистическое направления в изучении государства и права (Д.А. Хомяков, Д.Н. Шипов).

Революционные события начала XX в. способствовали развитию доктринального осмысления реформ Российского государства. Дискуссия по поводу формы правления между либералами и консерваторами не представляла собой оппозицию республиканцев и монархистов.

Приоритетную форму правления, возможно, выделить только у консервативно настроенных авторов — самодержавную монархию (П.Ф. Булацель, В.Л. Величко, В.М. Грибовский, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, Б.В. Ни-

кольский, К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, П.А. Флоренский, Д.А. Хомяков, Д.Н. Шипов, А.Г. Щербатов). Но, как видно на примере эволюции взглядов М.О. Меньшикова, который в конце жизни стал склоняться к республике, и среди консерваторов встречались исключения. О республике рассуждали консерваторы, для которых приоритетом стала русская нация, а не монархия (П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков).

В свою очередь для либеральных мыслителей указанная форма правления не являлась приоритетной в их теоретической и практической деятельности, несмотря на значительное количество республиканцев в их лагере (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Корф, С.А. Котляревский, П.А. Сорокин). Многие либералы предпочитали видеть будущую Россию конституционной монархией (М.М. Ковалевский, П.И. Новгородцев, Ф.Н. Плевако, Е.В. Спекторский, Г.Ф. Шершеневич). Российских либералов указанного периода можно условно назвать конституционалистами. Несмотря на то, что не все из них выступали за введение конституции по европейскому образцу, подавляющее их большинство желало четкого правового ограничения компетенции высших органов российской власти, включая императора.

Либералы предлагали различные политико-правовые технологии по реализации указанной цели, различную степень радикальности нововведений. Но по сути для дальнейшего успешного существования Российской империи правовой статус всех звеньев государственного механизма должен был быть прописан как можно четче, что позволило бы развиваться партнерским отношениям между представителями общественных групп и центральной власти.

Консерваторы, напротив, готовы были согласиться на народное представительство и даже на некоторую ответственность правительства перед ним, только бы не закреплять эти отношения юридически. И если регламентация правового статуса министров была еще допустима, то уже отношения

монарха с правительством и народом не должны принимать юридическую форму ни в коем случае.

С введением в механизм государства института народного представительства и политического оживления на западных окраинах империи среди консерваторов увеличилось количество сторонников федерализма, так как большинство представителей западных окраин независимо от их политических взглядов выступали с требованием автономного устройства различного вида (например, группа польских депутатов Государственной Думы).

В отношении государственного устройства наиболее явные предпочтения представляется возможным выявить только у консервативных мыслителей «русской части империи». Консерваторы более последовательно высказывались за унитарное устройство государства (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров, А.Г. Щербатов), но и среди них попадались сторонники федерализма, как, например, С.Ф. Шарапов, разработавший целую концепцию введения федеративного устройства в России. При этом наиболее дальновидные из них понимали, что последовательное проведение подобных программ в перспективе подорвет основы монархического устройства.

Отношение либералов к федерации или унитарному государству определялось их взглядами на технологии управления, представляющиеся им оптимальными в каждой конкретной ситуации. Предпочтение в выборе административно-территориального устройства зависело не от принадлежности к либерализму, а от того, каким образом будет обеспечена эффективная обратная связь между представителями власти и населением, а также единство и величие государства.

Либеральные представители юридической науки и общественности в 1905–марте 1917 г. в целом восприняли новую совокупность изменений нормативно-правовых актов как однозначное ограничение самодержавия. Наиболее радикальные либералы настаивали на том, чтобы в России ввести новый конституционно-монархический порядок, за которым последует республиканская форма правления (Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский,

П.Н. Милюков). Более умеренные их представители называли строй дуалистическим, который отличался от ее западноевропейских аналогов чрезмерной компетенцией императора и нечеткостью правового статуса основных звеньев механизма государственной власти (например, практика личных докладов министров императору) (А.И. Гучков, В.В. Ивановский, Н.М. Кишкин, Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Н.И. Палиенко, Ф.Н. Плевако, Ф.И. Родичев).

Консерваторы восприняли Основные государственные законы 1906 г. преимущественно как юридическое оформление традиционного для России самодержавия и государственного устройства. Некоторые отрицали (не без оснований) вообще наличие конституции в России, настаивая на том, что данный термин не упомянут официально нигде (И.Л. Горемыкин). Другие полагали, что законодательные функции Думы не прописаны ясно, а следовательно, народное представительство носит совещательный характер, а в таком случае ни о каком ограничении самодержавия не может идти речи (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров). Отдельные авторы допускали наличие конституции в России, подчеркивая ее совместимость с самодержавной монархией (Н.А. Захаров). При подобной интерпретации самому понятию «конституция» придавался совершенно неизвестный ранее смысл как акту, на котором основана неограниченная монархия. В этом варианте использовался традиционный для консерваторов логический прием, который на основании введения концепта идеократии, постулировал отличие русского самодержавия и западного абсолютизма.

В начале XX в. появилось новое идейное течение — консерваторы, отстаивающие национальные интересы народа, некоторые идеологи которого эволюционировали от юридических интерпретаций в духе традиционного консерватизма к полному отрицанию монархии, в том числе и уникальной русской (П.И. Ковалевский, М.О. Меншиков, А.И. Савенко). Они воспринимали монархию как форму правления, отжившую свой век, и предлагали свою интерпретацию Основных законов, где, солидаризируясь с либералами,

называли новый государственный порядок конституционно-монархическим. В их планы входило его реформирование в конституционный порядок, в котором доминирующее положение займет орган народного представительства, но сформированный на консервативном принципе, так как в нем должно произойти «снятие» всех партийных противоречий и их место должна занять новая монополярная единая народная партия. Отдельные националисты оставались на более умеренных монархических позициях (В.А. Грингмут, Н.О. Куплеваский).

Главное различие во взглядах на судьбу обновленных Основных государственных законов можно представить как противостояние между либералами — сторонниками их усовершенствования и консерваторами — противниками дальнейшего правового вмешательства в дела государственного управления. По сути их спор носил политико-правовой характер и не сводился лишь к вопросу о выборе формы правления.

Интерпретация юридических норм о государственном устройстве определялась не только теоретико-идеологической позицией мыслителя, но и его территориальной принадлежностью. Так, например, в вопросах о федерализации у консерваторов из Царства Польского, Великого княжества Финляндского и Великорусских губерний зачастую были диаметрально противоположные позиции.

Особенности административной и национальной структуры империи, а также политической ситуации не позволяли дискутировать только в рамках вопроса о федеративном или унитарном устройстве. Вопрос о местном самоуправлении был в указанное время неотделим от вопроса о государственном устройстве. С тем, что местное самоуправление в Российской империи необходимо развивать, в начале XX в. были согласны уже все, как либералы, так и консерваторы.

В рамках дискуссии о местном самоуправлении среди либералов и консерваторов можно выделить несколько пересекающихся теоретических и политических оппозиций. Так, между собой дискутировали: консерваторы-

чиновники (И.Л. Горемыкин, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, Б.В. Штюрмер) и консерваторы, отстаивавшие идею национального представительства в парламенте (В.Г. Амосенок, М.С. Андрейчук), консерваторы-дворяне (М.И. Драгомиров, А.А. Княжевич, П.Д. Святополк-Мирский), а также все консерваторы с либералами, проекты которых различались лишь нюансами (К.К.Арсеньев, И.В. Жилкин, С.С. Крым, В.Д. Кузьмин-Караваев, А.В. Новиков).

Политические события в феврале – марте 1917 г. привели к разрушению существующего порядка управления, что вновь поставило перед обществом, общественно-политическими организациями и теоретической юриспруденцией вопрос о выборе формы правления и формы государственного устройства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Учреждение об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17906.
2. Устав воинский от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. V. № 3006.
3. Морской устав от 13 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. № 3485.
4. Регламент, или устав духовной коллегии от 25 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. № 3718.
5. Манифест о вступлении на Российский престол Ее императорского величества Государыни императрицы Анны Иоанновны, о восприятии самодержавия и об учинении вновь присяги. С приложением формы клятвенного обещания от 28 февраля 1730 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VIII. № 5509.
6. Именной, данный Сенату «О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском» от 19 февраля 1875 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1877. Т. L. Ч.1. № 54401.
7. Высочайше утвержденное «Временное Положение об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1867 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1867. Т. XL. Ч.1. № 42372.
8. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел от 19 августа 1879 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1881. Т. LIV. Ч.2. № 59947.

9. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1867. Т. XXXIX. Ч.1. № 40457.

10. Именной, объявленный Сенату министром финансов «Об образовании, в составе Министерства финансов, особого Отдела по финансам Царства Польского» от 22 апреля 1866 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1868. Т. XLI. Ч.1. № 43218.

11. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1893. Т. X. Ч.1. № 6927.

12. Высочайше утвержденный общий устав Императорских Российских университетов от 26 июля 1835 года // ПСЗ РИ-2. Т. X. Ч.1. 1835. № 8337.

13. Высочайше утвержденный общий устав Императорских Российских университетов от 18 июня 1863 года // ПСЗ РИ-2. Т. XXXVIII. Ч. 1. 1863. № 39752.

14. Высочайше утвержденный Общий устав Императорских Российских университетов. 23 августа 1884 г. // ПСЗ РИ-3. Т. IV. 1884. № 2404.

15. Свод основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1.

16. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2. Гл. 2.

17. Манифест. Об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // ПСЗ РИ-3. Т. XXV. № 26803.

18. Основные государственные законы. Свод основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1.

19. Свод основных государственных законов. Разд. 1. Ч. 1. Т. 1. Свод законов РИ. СПб., 1857.

20. Свод учреждений государственных. Учреждение Государственного Совета // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 2.
21. Свод учреждений государственных. Учреждение Государственной Думы // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 2.
22. Свод учреждений государственных. Учреждение Совета министров // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1.
23. Свод губернских учреждений. Учреждение управления губерний Царства Польского // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2.
24. Свод губернских учреждений. Учреждение управления Кавказского края // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2.
25. Свод губернских учреждений. Временное положение об управлении Закаспийской областью // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2.
26. Свод губернских учреждений. Положение об управлении Туркестанского края // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2.
27. Свод губернских учреждений. Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской // Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Т. 2.
28. Высочайшее его императорского величества постановление о свободе печати в Финляндии и об условиях пользования ею" от 18 июля 1865 г. // Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1861–1910. № 5.
29. Высочайшее его императорского величества постановление о сельском общинном управлении" от 6 февраля 1865 // Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1861–1910. № 4.
30. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 1. С. 74–75.
31. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 1. СПб., 1911. Т. 1. С. 149, 239.

32. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 4. СПб., 1911. Т. 2. С. 116, С. 120–121.
33. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 2. СПб., 1911. Т. 1. С. 105.
34. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 3. СПб., 1910. Т. 1. С. 877–889.
35. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 5. СПб., 1910. Т. 1. С. 1297–1320.
36. Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 2. СПб., 1909. Т. 2. С. 2355.
37. Постановления II-го съезда Конституционно-демократической партии, 5–11 января 1906 г. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. 32 с.
38. Манифест от 29 апреля 1881 г. О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России // ПСЗ РИ–3. Т. I. № 118.

**Архивные материалы государственного архива
Саратовской области**

39. Дело об организации и проведение Саратовского губернского земского собрания от 2 января 1894 г. // ГАСО. Ф. 25. Оп.1. Ед. хр. 4922. Д. 109. Л. 30.
40. Дело об организации и проведении Саратовского губернского земского собрания от 27 января 1893 // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 4922. Д. 115. Л. 24.
41. Журналы заседаний экстренного Саратовского земского собрания. Переписка губернской земской управы с губернатором и министром

внутренних дел о разрешении на открытие губернского земского собрания // ГАСО. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 44. Д. 20. Л. 5.

42. Протоколы заседаний Саратовского губернского по городским делам присутствия // ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 138. Д. 91. Л. 67.

43. Материалы второго Всероссийского съезда делегатов Конституционно-демократической партии // ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 3449. Д. 240. Л. 8.

44. Дело о рассмотрении прошения саратовского организационного комитета партии Союза 17 Октября о регистрации партии // ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 931. Д. 46. Л. 5.

45. Дело о рассмотрении прошения председателя И.Я. Славина и К.Н. Кропоткина о регистрации устава общества «Союз 17 октября» // ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 931. Д. 63. Л. 6.

46. Дело об открытии подотделов «Союза русского народа» // ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 931. Д. 128. Л. 5.

47. Дело об образовании в Саратовской губернии «Дубровинского союза русского народа» // ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 931. Д. 925. Л. 4.

48. Дело об открытии отдела «Русского народного союза имени Михаила Архангела» // ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 931. Д. 926. Л. 12.

49. Дело о выборах в Государственную Думу // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 10 445. Д. 7079. Л. 12.

Научная и учебная литература

50. *Абелинскас Э.Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург, 1999. 98 с.

51. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира. Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.

52. *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.

53. *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981. 292 с.

54. *Азизова Е.Н.* Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 742 с.
55. *Аквинский Фома.* Сумма теологии. Киев: Ника-центр, 2011. Ч. 2. 576 с.
56. *Акашкин И.А.* Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX – начало XX веков). М.: СГУ, 2009. 194 с.
57. *Аксаков И.С.* Еще раз об уездном самоуправлении // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 5. С. 450–460.
58. *Аксаков И.С.* О правильной постановке местного самоуправления // Собр. соч.: в 7 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 5. С. 45–58.
59. *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
60. *Аксаков И.С.* Применение к русскому «миру» европейских цивилизованных порядков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 5. С. 588–599.
61. *Аксаков И.С.* Что такое в сущности земское учреждение: самоуправление ли общественное, или новый вид правительственного учреждения // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 5. С. 405–412.
62. *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Конспект лекций. М., 1892. 582 с.
63. *Андреевский И.А.* Русское государственное право. Т. 1. Введение. Ч. 1. О правительстве. СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1866. 500 с.
64. *Аристотель* Политика Аристотеля. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. 466 с.
65. *Афанасьев В.В.* Либеральное и консервативное. М.: МГПУ, 2006. 251 с.
66. *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. М.: Политиздат, 1968. 183 с.

67. *Байтин М.И.* Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1972. 239 с.
68. *Байтин М.И.* От диктатуры пролетариата — к коммунистическому общественному самоуправлению. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1962. 68 с.
69. *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. 302 с.
70. *Байтин М.И., Фарберов Н.П.* Социалистическое государство. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М.: Юридическая литература, 1972. 558 с.
71. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 416 с.
72. *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. М.: Мысль, 1993. 143 с.
73. Блаженный Августин О граде Божием. Минск, Харвест, 2000. 1296 с.
74. *Блауберг И.В.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Наука, 1969. 289 с.
75. *Блок А.Л.* Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884. 111 с.
76. *Борениус Г.* Акты для выяснения политического положения Великого Княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890.
77. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления. М.: АН СССР, 1954. 240 с.
78. *Васильчиков А.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869. 412 с.
79. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 190–1911. Т. 3. 708 с.
80. *Витте С.Ю.* Воспоминания (1849–1894) Детство. Царствования императора Александра II и Александра III. М., 1960. Т. 1. 556 с.

81. *Владимиров Л.Е.* Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение: к столетнему юбилею со дня рождения Хомякова. М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1904. 236 с.
82. *Герье В.И.* Вторая Государственная Дума. М., 1907. 392 с.
83. *Герье В.И.* О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского голоса», 1906. 31 с.
84. *Гессен В.М.* Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб.: Изд-во Народ и свобода, 1906. 32 с.
85. *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. СПб.: Касса взаимопомощи студ-ов СПб-гополитехн. ин-та, 1909. 185 с.
86. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг.: Юридический книжный скл. «Право», 1917. 439 с.
87. *Гессен В.М.* О юридическом направлении в государственном праве. СПб., 1897.
88. *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. СПб., 1914. 299 с.
89. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 480 с.
90. *Головин К.Ф.* Вне партий. Опыт политической психологии. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1905. 334 с.
91. *Головин К.Ф.* К вопросу о волостном земстве. СПб.: Тип. лит. т-ва «Свет», 1912. 16 с.
92. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания: в 2 т. СПб.: Тип. «Колокол», 1908–1910. Т. 2. 274 с.
93. *Головин К.Ф.* Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 165 с.
94. *Гольцев В.А.* Государство и самоуправление. Историко-юридические очерки. М., 1882. 45 с.
95. Государственный строй и политико-правовые идеи России XIX столетия: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1987. 125 с.

96. *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч.: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 4. 816 с.
97. *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // Собр. соч.: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Т. 5. 561 с.
98. *Градовский А.Д.* Государственное право: лекции за 1880–1881 уч. год. СПб.: Изд. студентов Имп. С-Петербурб-го ун-та, 1880. 472 с.
99. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. I. СПб., 1875.
100. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: в 2 т. М., 2006. Т. 1. 470 с.
101. *Градовский А.Д.* Что такое консерватизм? // Собр. соч.: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 313–346.
102. *Градовский А.Д.* Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Собр. соч.: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907–1908. Т. 3. С. 3–132.
103. *Градовский А.Д.* Теория представительства // Политика, история и администрация. СПб.: тип. М.О. Вольфа, 1871. 515 с.
104. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. М.:РОССПЭН, 2003. 256 с.
105. *Гредескул Н.А.* Лекции по общей теории права. Лекция, читанная в Санкт-Петербургском Политехническом институте на первом курсе Экономического отделения в 1908–1909 году. СПб.: Типолитография И. Трофимова, 1909. 319 с.
106. *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской Империи. Одесса: Тип. Техник, 1912. 258 с.
107. *Грингмут В.А.* История народовластия. М.: Верность, 1908. 76 с.
108. *Гронский П.П.* Децентрализация и самоуправление. 2-е изд. М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1917. 44 с.
109. *Гусев В.А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. 235 с.

110. *Данилов Ф.А.* Государственная власть и местное городское и земское самоуправление. М.: тип. Ф.Я. Бурче, 1907. 72 с.
111. *Денисов А.И.* Сущность и формы государства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 67 с.
112. *Деринг Д.* Либерализм: размышления о свободе. М.: Комплекс-Прогресс, 1996. 46 с.
113. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 22, 27.
114. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Правда, 1987. 544 с.
115. *Драгоманов М.П.* Земский либерализм в России. Geneve: H. Georg, 1899. 63 с.
116. *Дубровин А.И.* На хлебах у конституции // За родину. Против крамолы. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 480 с.
117. *Дугин А.Г.* Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. 352 с.
118. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М.: Мысль, 1983. 272 с.
119. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.
120. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 784 с.
121. *Емельянова И.А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Казань: Унипресс, 1998. 149 с.
122. *Жирнов Н.Ф.* Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие идеи Эдмунда Берка в теории и практике. Саратов, 2007. 238 с.
123. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
124. *Западные окраины Российской империи.* М.: НЛО, 2007. 608 с.
125. *Захаров А.В.* Государственно-правовые воззрения Б.Н. Чичерина. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2004. 204 с.

126. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М.: Тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.
127. *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. 178 с.
128. *Зверев Н.* Основы классификации государств в связи с общим учением классификаций государств. Методологическое исследование. М., 1883. 642 с.
129. *Зелькина О.С.* Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. 177 с.
130. *Знаменский С.А.* О формах правления. Казань: Книгоиздательство М.А. Голубева, 1917. 35 с.
131. *Зорькин В.Д.* Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX века (Б.Н. Чичерин). М.: изд. Моск-го ун-та, 1975. 173 с.
132. *Ивановский В.В.* Земские начальники // Политическая энциклопедия: в 2 т. СПб.: П.И. Калинин, 1906–1907. Т. 2. 701 с.
133. *Ивановский В.В.* Конституционная монархия // Политическая энциклопедия: в 2 т. СПб., 1908. Вып. 6. Т. 2. 701 с.
134. *Ивановский В.В.* Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань: Унив. тип., 1882. 325 с.
135. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань: Типография Императорского ун-та, 1913. 501 с.
136. *Иванников И.А.* История политико-правовой мысли о форме Российского государства. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
137. *Иеринг Р.* Избранные труды. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. Т. 1. 624 с.
138. *Имангалиев Р.Н.* Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII – середине XIX веков. Казань: Яналиф, 2001. 223 с.
139. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. Л.Г. Ионин. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 304 с.

140. *Искра Л.М.* Б.Н. Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме. Воронеж, 1999. 194 с.
141. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. М., 1923. Т. 1, полут. 1. 1148 с.
142. *Кавелин К.Д.* Критические статьи и рецензии // Сочинения: в 4 т. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859. Ч. 3. 485 с.
143. *Кавелин К.Д.* Областные учреждения в России в XVII веке // Сочинения: в 4 т. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859. Ч. 3. 485 с.
144. *Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.* Письмо к издателю // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. 480 с.
145. *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. М.: ФонДИВ, 2007. 600 с.
146. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Тип. «Техник», 1913. 960 с.
147. *Калачов Н.В.* Разбор сочинения Б. Чичерина под заглавием: Областные учреждения России в XVII в. СПб., 1858. 115 с.
148. *Камнев В.М.* Хранители и пророки: религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010. 471 с.
149. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М.: Прогресс-традиция, 2000. 342 с.
150. *Капустин Б.Г.* Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М.: ИФРАН, 2004. 224 с.
151. *Капустин М.Н.* Теория права. Юридическая догматика. М.: Университетская типография, 1868. Т. 1. 392 с.
152. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей московских ведомостей за 1886. М.: Изд. С.П. Катковой, 1897–1898. 701 с.
153. *Каченовский Д.* О современном состоянии политических наук на западе Европы и в России. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета. Харьков: университетская тип., 1862. 172 с.

154. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914 гг.). М.: Искусство, 1997. 395 с.
155. *Киреев А.А.* Краткое изложение славянофильского учения. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1896. 90 с.
156. *Кистяковский Б.А.* Лекции по общему государственному праву. М.: изд. Братьев Башмаковых, 1912. 261 с.
157. *Кистяковский Б.А.* Путь к господству права // История русской правовой мысли: биографии, документы, публикации. М.: Остожье, 1998. 603 с.
158. *Кистяковский Б.А.* Сущность государственной власти. Ярославль: Тип. Губ. Правл., 1913. 41 с.
159. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998. 800 с.
160. *Китаев В.А.* От фронды к охранительству (Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М.: Мысль, 1972. 288 с.
161. *Ключеский В.О.* Курс русской истории // Собр. соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1988–1990. Т. 3. 416 с.
162. *Ключеский В.О.* Материалы разных лет // Собр. соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1988–1990. Т. 9. 528 с.
163. *Ковалевский М.М.* Демократия и ее политическая доктрина. СПб., 1913. 205 с.
164. *Ковалевский М.М.* Из истории государственной власти в России. М.: книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905. 111 с.
165. *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. СПб.: Типография «Север», 1908. 510 с.
166. *Ковалевский М.М.* Общее учение о государстве. СПб.: тип. И. Трофимова, 1909. 190 с.
167. *Ковалевский М.М.* Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб.: Типография Альтшулера, 1905. 48 с.

168. *Ковалевский М.М.* От прямого народовправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: в 3 т. М., 1906. Т. 1. 526 с.
169. *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1908. 242 с.
170. *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии: в 4 т. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1895–1897. Т. 2. 570 с.
171. *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии: в 5 т. М., 1895–1897. Т. 4. 352 с.
172. *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1905. 432 с.
173. *Ковалевский М.М.* Социология: в 2 т. СПб.: Типография С.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. 300 с.
174. *Ковалевский М.М.* Социология: в 2 т. СПб.: Типография С.М. Стасюлевича, 1910. Т. 2. 296 с.
175. *Ковалевский М.М.* Что такое парламент? СПб.: Типография Брокгауз-Ефрон, 1906. 41 с.
176. *Ковалевский П.И.* История России с национальной точки зрения. СПб.: Типография М.И. Акинфиева, 1912. 155 с.
177. *Ковалевский П.И.* Основы русского национализма. СПб.: Типография М.И. Акинфиева, 1912. 50 с.
178. *Ковалевский П.И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. 259 с.
179. *Кодан С.В., Февралёв С.А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX века). М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
180. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
181. *Кокошкин Ф.Ф.* Областная автономия и единство России. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. 16 с.

182. *Констан Б.* Принципы политики // Классический французский либерализм. Антология. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.
183. Консервативная правовая идеология в Западной Европе и России в XVIII–XX вв.: сравнительный анализ / под ред. А.А. Васильева. М., 2016. 279 с.
184. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. 304 с.
185. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: изд. магазина Н.К. Мартынова, 1898. 364 с.
186. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: в 2 т. Т. 1: Введение и Общая часть. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 580 с.
187. *Корнев А.В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX в.). М.: АУ МВД РФ, 2003. 194 с.
188. *Корнев В.Н.* Либеральные концепции государства и права в России начала XX века. Белгород, 2001. 160 с.
189. *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет Министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 188 с.
190. *Корф С.А.* Русское государственное право. М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 300 с.
191. *Котляревский С.А.* Власть и право: проблема правового государства М.: Тип. «Мысль», 1915. 417 с.
192. *Котляревский С.А.* Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб.: Г.Ф. Львович, 1907. 250 с.
193. *Котляревский С.А.* Правовое государство и внешняя политика. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. 428 с.
194. *Кошелев А.И.* Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг: Франц Вагнер, 1862. 59 с.
195. *Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг: Тип. Бера и Германа, 1862. 83 с.

196. *Куплеваский Н.О.* Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование императора Николая II. СПб.: Всероссийский нац. клуб, 1912. 76 с.
197. *Лаврентьев Д.К.* Что такое монархия и что такое республика, и какие права должны быть у граждан. Пг.: Издание Н.Н. Карбасникова, 1917. 22 с.
198. *Лавринович Д.С.* Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912 – март 1917 гг.). Могилев: Могилевский гос. ун-т, 2006. 336 с.
199. *Лавров П.Л.* Народники пропагандисты 1873–1878 г. СПб.: тип. «Товарищества Андерсона и Лойцянского», 1907. 318 с.
200. *Лазаревский Н.И.* Конституционное право. СПб.: тип. «Слово», 1908. 224 с.
201. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Пг.: тип. Ред. Период. Изд. М-ва фин, 1917. Т. 1. 272 с.
202. *Лебедев В.И.* Общая теория права. Популярные лекции для самообразования. Лекция I. Введение. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. 79 с.
203. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. М.: Русский путь, 1995. 548 с.
204. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Даръ, 2005. 496 с.
205. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // Храм и церковь. М.: АСТ, 2003. 638 с.
206. *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996. 800 с.
207. *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Храм и церковь. М.: АСТ, 2003. 638 с.
208. *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 366 с.

209. *Лешков В.Н.* Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века. М.: Унив. тип., 1858. 612 с.
210. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М.: Канон+, 2009. 400 с.
211. *Ломан А.* Современное учение о государственной власти. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. 57 с.
212. *Лотарев К.А.* Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие. Волгоград: Волгоградская академия гос. службы, 2008. 263 с.
213. *Лузянчикова Э.Б.* Консерватизм и либерализм как политические идеологии. Новосибирск: НГАВТ, 2004. 14 с.
214. *Лыкошин С.А.* Меридиан консерватизма или поле традиционализма: заметки из политической тетради. М.: ИХТИОС, 2005. 64 с.
215. *Львов-Рогачевский В.Л.* Наши политические партии. Либералы. М.: Русская печатня, 1917. 46 с.
216. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1911–1913. Т. 2. 574 с.
217. *Макиавелли Н.* Государь. М.: АСТ, 2011. 461 с.
218. *Маклаков В.А.* Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. 253 с.
219. *Малько А.В.* Теория государства и права. М.: ЮРИСТЪ, 2007. 541 с.
220. *Мальтус Т.Р.* Опыт закона о народонаселении. М.: Сер. Библиотека экономистов, 1895. 249 с.
221. *Манасевич Ю.В.* О консервативном и прогрессивном началах. СПб.: Типография А.Е. Ландау, 1893. 58 с.
222. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
223. *Масарик Т.Г.* Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 216–217.
224. *Матузов Н.И., Малько А.Н.* Общая теория государства и права. М.: Юристъ, 2001. 776 с.

225. *Матюхин А.В.* Пути и теории политической модернизации России: сравнительный анализ консервативных и анархических подходов. М.: УРАО, 2005. 204 с.
226. *Медушевский А.Н.* Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.
227. *Медушевский А.Н.* Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: институт российской истории, 1996. С. 173–196.
228. *Меньшиков М.О.* В предрассветных сумерках // Письма к русской нации. М.: Журнал «Москва», 2005. С. 528–530.
229. *Меньшиков М.О.* Великорусская партия // Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. С. 180–183.
230. *Меньшиков М.О.* Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. М.: журнал «Москва», 2005. С. 330–350.
231. *Меньшиков М.О.* Петербург в опасности // Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. С. 39–42.
232. *Меньшиков М.О.* Подъем власти // Письма к русской нации. М.: Журнал «Москва», 2005. С. 40–41.
233. *Меньшиков М.О.* Чернильная бомба // Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. С. 61–64.
234. *Меньшиков М.О.* Что потеряно? Кременчуг: Типография И. Диковского, 1906. 12 с.
235. *Местр Ж.* Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: Владимир Даль, 2007. 298 с.
236. *Мещерский В.П.* В улику времени. СПб.: Типография Котомина, 1879. 287 с.
237. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания: в 3 т. СПб.: Типография Кн. В.П. Мещерского, 1912. Т.2. 514 с.

238. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. СПб.: тип. князя В.П. Мещерского, 1897. Т. 1. 453 с.
239. *Милль Дж. Ст.* Размышления о представительном правлении. СПб.: Яковлев, 1863. 361 с.
240. *Мизес Л. фон* Либерализм. М.: Социум, 2001. 240 с.
241. *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведения. М.: АН СССР, 1955. 800 с.
242. *Модель Д.А.* Социальная база британской либеральной партии в XIX в. (устойчивость и трансформация) // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика: сборник статей. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 215-223.
243. *Нарежный А.И.* Проблема консерватизма в русской либеральной мысли второй половины XIX века // Либеральный консерватизм: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 39–40.
244. *Никонова О.В.* Идеология консерватизма в России: материалы I научно-практической конференции, г. Волгоград, 1 июня 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. 222 с.
245. *Нелидов Н.К.* Курс общего государственного права. Казань, 1874. 29 с.
246. *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 1999. 552 с.
247. *Никольский Б.В.* Всеподданнейшая речь профессора Б.В. Никольского, произнесенная им в Высочайшем присутствии, при приеме депутации «Русского собрания» 31 декабря 1905 года. СПб.: Типография Сириус, 1914. 11 с.
248. *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 304 с.
249. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права: кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 347 с.

250. *Новгородцев П.И.* Из лекций по общей теории права. М., 1904. 109 с.
251. *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. 246 с.
252. *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. Правда, 1911. 555 с.
253. *Носков П.Д.* Охранительные и реакционные партии. СПб.: Тип. С.М. Проппера, 1906. 70 с.
254. *Нотович О.К.* Основы реформ местного и центрального управления. СПб., 1882. 240 с.
255. *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Гос. Тип., 1910. 212 с.
256. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М.: Универ. Тип., 1886. 63 с.
257. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
258. *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
259. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.
260. *Палиенко Н.И.* Основные законы и формы правления в России. Харьков: Тип. «Печатник», 1910. 78 с.
261. *Палиенко Н.И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков: тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1908. 351 с.
262. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 271 с.
263. *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
264. Письма К.П. Победоносцева Александру III. М.: Новая Москва, 1925–1926. Т. 2. 384 с.

265. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. 448 с.
266. Письмо А.А. Лопухину // Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. С. 90–92.
267. Платон. Государство. М.: Мысль, 1998. 798 с.
268. Плевако Ф.Н. Речи по делам о преступлениях против личности, литературным, о крестьянских и рабочих беспорядках. Речи застольные и политические // Речи: в 2 т. М.: Изд-во М.А. Плевако, 1910. Т. 1. 373 с.
269. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 637 с.
270. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. 108 с.
271. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2004. 410 с.
272. Прайсман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. 432 с.
273. Программа Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы). Владикавказ: Издание Владикавказского отделения Партии народной свободы, 1917. 16 с.
274. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФРАН, 2002. 337 с.
275. Редкин П.Г. Из лекций П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889. Т. 1. 454 с.
276. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.: Издание книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 1913. 297 с.
277. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007. 520 с.

278. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
279. *Рождественский Н.Ф.* Энциклопедия законоведения. СПб.: тип. Э. Праца, 1863. 696 с.
280. *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственно-го права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1886. 299 с.
281. *Ромашков Д.И.* Истинный и ложный либерализм и консерватизм. М.: Типография И. Ефимова, 1905. 11 с.
282. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М.: ИФРАН, 1996. 289 с.
283. *Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика.* М.: Прогресс-традиция, 2000. 440 с.
284. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
285. *Самарин Ю.Ф.* На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Статьи. Воспоминания. Письма. М.: ТЕРРА, 1997.
286. *Самарин Ю.Ф.* Об отношении церкви к свободе. М., 1877. 8 с.
287. *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги // Сочинения: в 12 т. М., 1877–1911. Т. 7. С. 114.
288. *Самарин Ю.Ф., Дмитриев Ф.* Революционный консерватизм. Berlin, 1875. 149 с.
289. *Свешников М.И.* Очерк общей теории государственного права. СПб.: Книжный магазин К.Л. Риккера, 1896. 336 с.
290. *Середонин С.Н.* Исторический обзор деятельности Комитета Министров: в 5 т. СПб., 1903. Т. 3. 358 с.
291. *Сергеевич В.И.* Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы. М.: тип. Грачева и Ко, 1871. 240 с.
292. *Скалон В.Ю.* Земские взгляды на реформу управления. М., 1884. 244 с.

293. *Смирнов А.Ф.* Государственная дума российской империи. 1906–1917. М.: Книга и бизнес, 1998. 656 с.
294. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. 960 с.
295. *Соколов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентного строя. СПб.: Тип. «Печатный труд», 1912. 434 с.
296. *Соловьев В.С.* Значение государства // Собр. соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 738 с.
297. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973. 383 с.
298. *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией о государстве. Ярославль: Изд-во Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. 240 с.
299. *Спекторский Е.В.* Кризис современного государства // Русские сборники. София, 1921. Кн. 2. С. 40–56.
300. *Спекторский Е.В.* Что такое конституция. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1917. 16 с.
301. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургская школа МВД России, 1995. 302 с.
302. *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1989. 180 с.
303. *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука, 1977. 272 с.
304. *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX веков. М.: изд. Моск-го ун-та, 1980. 96 с.
305. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. 742 с.
306. *Сэй Ж.Б.* Жан-Батист Сэй. Трактат по политической экономии. Фредерик Бастиа. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000. 232 с.

307. Тексты важнейших основных законов иностранных государств / под.ред. Ф.Ф. Кокошкина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. Ч. 1. 109 с.
308. Теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2001. 520 с.
309. *Тихомиров Л.А.* Демократия либеральная и социальная. М.: Уни-вер. тип. на Страст. Бульваре, 1896. 194 с.
310. *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897. 135 с.
311. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Облиздат, 1998. 672 с.
312. *Ткачев П.Н.* Принципы и задачи современной критики // Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. 349 с.
313. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. 559 с.
314. *Тоцкий Н.* Кризис в науке государственного права. СПб.: Склад издания в юридическом книжном магазине Н.К. Мартынова, 1914. 124 с.
315. *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1983. 428 с.
316. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1918. 235 с.
317. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2008. 224 с.
318. Устав «Земли и воли» // Архив «Земли и воли» и «Народной во-ли». М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 454 с.
319. *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России. СПб.: К.К. Ретгер (п/ф. Шмицдорф), ценз., 1881. 148 с.
320. *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем; Полеми-ческие статьи; Письма о современном состоянии России // Собр. соч.: в 3 т. СПб.: В.В. Комаров, 1890. Т. 3. 224 с.
321. *Фармаковский В.И.* Книжка для земских гласных: о земских учреждениях. Симбирск: Тип. Н.Г. Анучина, 1879. 40 с.

322. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М.: Прогресс, 1994. 568 с.
323. *Франк С.Л.* Государство и личность. По поводу 40-летия судебных уставов Александра II // Непрочитанное: статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 15–25.
324. *Фуко М.* Археология знания. М.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.
325. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: Гуманитарная академия, 2010. 320 с.
326. *Хабибуллин А.Г.* Теория и идеология государства: политико-правовые процессы. СПб.: ун-т МВД РФ, 1998. 114 с.
327. *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс, 1993. 394 с.
328. *Хиришман А.О.* Риторика реакции. Извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 208 с.
329. *Хлебников Н.И.* Право и государство в их обоюдных отношениях. Варшава: тип. Варш. Жанд. Окр., 1874. 498 с.
330. *Хомяков Д.А.* Самодержавие: опыт схем, построения этого понятия. М.: Тип. л-го т-ва И.М. Машистова, 1905. 47 с.
331. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НЛО, 2008. 464 с.
332. *Цицерон.* Диалоги. М.: Наука, 1966. 224 с.
333. *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М.: Мысль, 1970. 448 с.
334. *Черменский Е.Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма. М.: Мысль, 1976. 318 с.
335. *Черняев Н.И.* Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Харьков: Тип. «Южного края», 1901. 373 с.
336. *Черняев Н.И.* О русском самодержавии. М.: Унив. тип., 1895. 71 с.

337. *Чиркин В.Е.* Государствоведение. М.: Юристъ, 2001. 384 с.
338. *Чиркин В.Е.* Теоретические проблемы политического режима в странах социалистической ориентации // Государство и право в развивающихся странах. М.: Наука, 1976. С. 6-7.
339. *Чиркин В.Е.* Формы государства, переходного к социалистическому типу. М.: Юридическая литература, 1966. 223 с.
340. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Б.Н. Чичерина: земство и Московская дума. Тамбов: Юлис, 2007. 383 с.
341. *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. СПб.: тип. «Т-ва печатного станка», 1906. 34 с.
342. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. М.: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1894–1898. Т. 3. 556 с.
343. *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: К. Солдатенков, 1862. 265 с.
344. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1899. 810 с.
345. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1-я половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 522–523.
346. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г. Штейниц, 1901. 160 с.
347. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. М.: Тип. Мартынова, 1882–1883. Ч. 2. 457 с.
348. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. 824 с.
349. *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998. 654 с.
350. *Шапошников Л.Е.* Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 325 с.

351. *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1903. 83 с.
352. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
353. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 1907. 591 с.
354. *Шершеневич Г.Ф.* Конституционная монархия. М.: Изд-во Нар. право, 1906. 38 с.
355. *Шершеневич Г.Ф.* Народные представители. Пг.: Я. Башмаков и Ко, 1917. 16 с.
356. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: в 4 т. М.: Я. Башмаков и Ко, 1910. Т. 1. 320 с.
357. *Шершеневич Г.Ф.* Программа Партии народной свободы (Конституционно-демократической). М.: Нар. право, 1906. 48 с.
358. *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 163 с.
359. *Шестаков С.А.* Российский консерватизм: история и современность. Тюмень: ТЮН МВД РФ, 2005. 255 с.
360. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.
361. *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М.: Тип. Общ-ва распр. полез. книг, 1908. 136 с.
362. *Щипанов И.Я.* Философия русского Просвещения. Вторая половина XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1971. 386 с.
363. *Энтин Л.М.* Политические системы развивающихся стран. М.: Международные отношения, 1978. 264 с.
364. *Яблонских Е.К.* История экономики России XIX века. М.: Станкин, 2000. 68 с.
365. *Яковенко И.Г.* Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый хронограф, 2009. 178 с.

366. *Якушев В.Е.* Государственная власть и проекты государственных реформ в России. С приложением проекта конституции Н. Муравьева. СПб.: издание Г.Ф. Львовича, 1906. 160 с.

Статьи в научных журналах и сборниках

367. «Х» Бессословная волость и мелкие земские единицы // Вестник Европы. 1895. Кн. 8. С. 821.

368. *Аверьянов В.В.* Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 35–41.

369. *Аверьянов В.В.* Третий полюс. Что следует иметь в виду, когда мы толкуем о консерватизме // Эксперт. 2002. № 10. С. 66–70.

370. *Аврех А.Я.* Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31.

371. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти // Русская мысль. 1894. № 11. С. 56–88.

372. *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. Кн. 1. С. 393.

373. *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. Кн. 11. С. 410.

374. *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1895. Кн. 5. С. 375.

375. *Арсеньев К.К.* Вопрос о слиянии властей на низшей ступени государственного управления // Вестник Европы. 1886. Кн. 12. С. 855.

376. *Арсеньев К.К.* Из общественной хроники // Вестник Европы. 1888. Кн. 11. С. 900.

377. *Арсеньев К.К.* На темы дня // Вестник Европы. 1917. Т. 2. С. 327–343.

378. *Арсеньев К.К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. Т. 5. С. 370–379.

379. *Арсеньев К.К.* После 1-го марта // За четверть века (1871–1894). Сборник статей. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. С. 61–63.
380. *Астахов М.* На темы дня. Торгово-промышленные Баяны и барды // Московские ведомости. 1915. 9 окт.
381. *Байтин М.И., Грузинов В.А.* Категория «форма правления» в современной отечественной науке // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3. С. 18–23.
382. *Булацель П.Ф.* Борьба с поджигателями смуты // Борьба за правду: сборник статей. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 34–228.
383. *Величко В.Л.* Интересное время; Как делают голову; Самоуправление и самодеятельность; Роковой вопрос // Русские речи: сборник статей. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 70, 147, 161, 260.
384. В.Н. «Опровержение» графа Витте // Право. СПб., 1906. № 1.
385. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1913. Т. 2. С. 424–426.
386. *Врублевский Ф.Е.* О правительственном проекте введения земских учреждений в Западном крае // Труды юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете II (второе полугодие 1909 г.). СПб., 1911. С. 385–424.
387. Высочайший прием депутатов «Союза русского народа» // Право. СПб., 1906. № 3.
388. *Гессен В.М.* О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование: сборник статей. СПб.: Н. Глаголев, 1906. С. 19–21.
389. *Гессен В.М.* Теория правового государства // Политический строй современных государств в 2 т.: сборник статей. М.: Беседа, 1905–1906. Т. 1. С. 135–184.
390. *Голицын В.* Москва в 70-е годы // Голос минувшего. М., 1919. № 5–12. С. 111–163.
391. *Головин К.Ф.* Кому нужна реформа местного самоуправления? Ответ г. Арсеньеву // Русский вестник. 1886. № 12. С. 735.

392. *Горенберг М.Б.* Новый опыт исследования государственного права России // Журнал гражданского и уголовного права. 1894. № 5. С. 81-112.
393. *Градовский А.Д.* По поводу пересмотра наших законов о печати // Судебный вестник. 1869. № 249. 15 нояб.
394. *Гримм Э.Д.* Наше политическое положение // Право. СПб., 1906. № 4.
395. *Грингмут В.А.* Есть ли в России партии? // Собрание статей В.А. Грингмута (1896-1907): в 5 вып. М.: Университетская тип., 1908. Вып. 1. С. 11-273.
396. *Грингмут В.А.* Первый шаг // Собрание статей В.А. Грингмута (1896-1907): в 5 вып. М.: Унив. тип., 1908. Вып. 3. С. 149-150.
397. *Грингмут В.А.* Три акта // Собрание статей В.А. Грингмута (1896-1907): в 5 вып. М.: Унив. тип., 1908. Вып. 3. С. 154-155.
398. *Грингмут В.А.* Царское слово // Собрание статей В.А. Грингмута (1896-1907): в 5 вып. М.: Унив. тип., 1908. Вып. 3. С. 145-148.
399. *Гуревич Л.Я.* Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. СПб., 1906. № 1. С. 195-223.
400. *Дьяконов М.А.* Новая политическая доктрина // Журнал министерства народного просвещения. 1894. С. 1-45.
401. *Жилкин И.В.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 1. С. 371-380.
402. *Жилкин И.В.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 2. С. 365-367.
403. *Жилкин И.В.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. Т. 8. С. 333-342.
404. Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу // Архив Государственного совета. Пг., 1916. Т. 2. 450 с.
405. *Ивановский В.В.* Избирательное право и избирательная техника // Русская мысль. 1905. № 11. С. 13.

406. *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 157.
407. *Кистяковский Б.А.* Кабинет министров // Свобода и культура. 1906. № 3. 16 апр. С. 139–157.
408. *Кистяковский Б.А.* Областная автономия и ее пределы // Русская мысль. 1907. Июнь. С. 157.
409. *Ковалевский М.М.* Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 6–7.
410. *Ковалевский М.М.* Обзор русской литературы по государственному за 1909 год // Вестник Европы. 1909. № 12. С. 844–855.
411. *Ковалевский М.М.* Политическая программа нового союза народного благоденствия // Страна. СПб., 1906. 2 марта. № 10. С. 20–21.
412. *Ковалевский М.М.* Политическая программа нового союза народного благоденствия // Слово. СПб., 1906. С. 17–20.
413. *Ковалевский М.М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 250–251.
414. *Ковалевский М.М.* Спор о конституционном праве // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 81–99.
415. *Ковалевский М.М.* Тени прошлого // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 335.
416. *Кодан С.В., Владимирова Г.Е.* Правовое оформление в Основных государственных законах Российской империи 1832–1892 гг. изд. организации верховной государственной власти // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 44–78.
417. *Кокошкин Ф.Ф.* Конституционно-демократическая партия перед судом Союза 17 октября // Русские ведомости. 1863–1913. 1906. № 44. С. 91–92.
418. *Кокошкин Ф.Ф.* Республика // Доклад прочитанный 7-му съезду партии Народной свободы 25 марта 1917 г. Пг., 1917. 27 с.

419. *Кони А.Ф.* Ковалевский в законодательной деятельности // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 11–27.
420. *Корнилов А.А.* Воспоминания // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 42–52.
421. *Кодан С.В.* Попытки создания основных законов Российской империи в политике, идеологии и юридической практике Российского государства (XVIII–XIX вв.) // Право и политика. 2012. № 3 (147). С. 560–569.
422. *Котляревский С.А.* Децентрализация и федерализм // Научное слово. 1905. № 7. С. 73–80.
423. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из общественной хроники // Вестник Европы. 1910. Т. 11. С. 446–448.
424. *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // Восток, Россия и славянство. М.: Эксмо, 2007. 896 с.
425. *Манькин А.С.* Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние // Материалы IX научной конференции Российской ассоциации изучения США, Москва, исторический факультет МГУ, 27–28 июня 2005 г. М.: МАКС Пресс, 2006. 363 с.
426. *Мельгунов С.П.* Из истории общественных настроений в 1863 г. // Голос минувшего. М., 1916. № 3. С. 232–243.
427. *Меньшиков М.О.* Земско-дворянский кризис // Новое время. 1913. 17 авг.
428. *Меньшиков М.О.* Колыбель оппозиции // Новое время. 1911. 24 марта.
429. *Меньшиков М.О.* Люди понимания // Новое время. 1910. 20 окт.
430. *Меньшиков М.О.* Национальное правительство // Новое время. 1907. 25 окт.
431. *Меньшиков М.О.* Независимость и деловитость // Новое время. 1914. 4 янв.
432. *Меньшиков М.О.* Образ правления // Новое время. 1906. 1 янв.
433. *Меньшиков М.О.* Объект истории // Новое время. 1907. 5 марта.

434. *Меньшиков М.О.* Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.
435. *Меньшиков М.О.* Охрана мира // Новое время. 1910. 21 окт.
436. *Меньшиков М.О.* Перестройка партии // Новое время. 1909. 26 марта.
437. *Меньшиков М.О.* Письма к ближним // Новое время. 1905. 10 июля.
438. *Меньшиков М.О.* Пятно невежества // Новое время. 1906. 23 марта.
439. *Меньшиков М.О.* Речи к народу // Новое время. 1917. 14 марта.
440. *Меньшиков М.О.* Совет монархистам // Новое время. 1909. 15 июля.
441. *Меньшиков М.О.* Сословный раздор // Новое время. 1914. 24 мая.
442. *Меньшиков М.О.* Стража общества // Новое время. 1905. 12 нояб.
443. *Меньшиков М.О.* Суть славянофильства // Новое время. 1905. 12 июня.
444. *Меньшиков М.О.* Тело без души // Новое время. 1913. 10 дек.
445. *Меньшиков М.О.* Третья оппозиция // Новое время. 1913. 12 нояб.
446. *Меньшиков М.О.* Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта.
447. *Меньшиков М.О.* Что мы выиграли // Новое время. 1905. 5 июня.
448. *Мещерский В.П.* Да или нет // Гражданин. 1898. № 88. С. 3.
449. *Мещерский В.П.* Дневник // Гражданин. 1883. № 11. С. 2.
450. *Мещерский В.П.* Дневник // Гражданин. 1899. № 64. С. 14-15.
451. *Мещерский В.П.* Об упразднении земств // Гражданин. М., 1885. № 14. С. 1.
452. *Мещерский В.П.* Дневник // Гражданин. СПб., 1886. № 38. С. 17–18.
453. *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров о реформировании социально-сословных отношений в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 161–162.

454. *М-ский А.* Нужды местного самоуправления // Русский вестник. 1888. № 3. С. 207.
455. *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. 75. С. 507–538.
456. *Новгородцев П.И.* Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. 64. С. 825.
457. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 282–294.
458. *Новгородцев П.И.* Ответ Л.И. Петражицкому // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. 66. С. 129.
459. *Новосельский Н.А.* Усиление дворянского элемента в земстве и краткосрочный кредит для помещиков // Русский вестник. 1885. № 3. С. 222.
460. *Пасхалов К.Н.* Кто пытается исказить волю государя; На пути к разрушению России; Третья Государственная Дума; «Недосиженные» законодатели; Особенность наших реформ; Цепь разрушения; По поводу статьи Л.А. Тихомирова «Самодержавие и народное представительство» // Русский вопрос: сборник статей. М.: Алгоритм, 2009. С. 57, 69, 119, 135, 213, 216, 423.
461. Переписка С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым (1895–1905 гг.) // Красный архив. М., 1928. Т. 5. С. 89–116.
462. По поводу всеподданнейшего доклада министра финансов на 1899 год. Юридическое обозрение // Вестник права. СПб., 1899. № 1. С. 252–254.
463. *Прутченко С.М.* Современные направления науки государственного права в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1896. Т. 307. Сентябрь. С. 204.
464. Речь № 6 // Полное собрание речей Императора Николая II 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.
465. *Савенко А.И.* Государственный строй России и запросы по применению статьи 87 Основных государственных законов // Сборник клуба русских националистов. Киев, 1911. Вып. 3. С. 73–77.

466. *Самарин Ю.Ф.* По поводу толков о конституции // Теория государства у славянофилов: сборник статей. СПб., 1898.
467. *Сенцов А.А.* Развитие формы Российского государства в XIX в. // Правоведение. 1980. № 4. С. 80-91.
468. *Сенцов А.А.* Развитие формы Российского государства в начале XX в. // Известия высших учебных заведений правоведения. 1990. № 4. С. 88-93.
469. *Сергеевич В.И.* Новые учения в области государственного права // Журнал министерства юстиции. № 1894. Ноябрь. С. 88-106.
470. *Скороспелова В.А.* Московское дворянское собрание 1865 г. И газета «Весть» // Вестник Московского ун-та. Серия IX. История. М., 1972. С. 43.
471. *Сокольская И.Б.* Консерватизм: идея или метод? // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 48.
472. *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12. С. 159.
473. *Струве П.Б.* О либеральном консерватизме // Русская мысль. 1912. № 1. С. 36.
474. *Тихомиров Л.А.* 25 лет назад. Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1930. № 4-5. С. 103-147.
475. *Тихомиров Л.А.* Народное представительство // Московские ведомости. М., 1912. № 144. 22 июня.
476. *Тихомиров Л.А.* Народное представительство в высших учреждениях // Московские ведомости. М., 1912. № 151. 30 июня.
477. *Тихомиров Л.А.* Некоторые недостатки узаконений 1906 года // Московские ведомости. М., 1912. № 139. 16 июня.
478. *Тихомиров Л.А.* Об исправлении кодификации 1906 года // Московские ведомости. М., 1909. № 239.

479. *Тихомиров Л.А.* Откуда беспокойство конституционалистов // К реформе обновленной России: сборник статей. М.: Типография В.М. Саблина, 1912. С. 230–232.

480. *Тихомиров Л.А.* О реформе народного представительства // К реформе обновленной России: сборник статей. М.: Типография В.М. Саблина, 1912. С. 266.

481. *Тихомиров Л.А.* Постройка без фундамента // Новое время. 1906. № 10965.

482. *Тихомиров Л.А.* Царь и народ // К реформе обновленной России: сборник статей. М.: Типография В.М. Саблина, 1912. С. 14.

483. *Томсинов В.А.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX веков. Статья 4 // Законодательство. 2013. № 12. С. 81–87.

484. *Томсинов В.А.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX века. Статья 5 // Законодательство. 2014. № 1. С. 88–95.

485. *Томсинов В.А.* Общий взгляд на развитие науки государственного права в XIX – начале XX века. Статья 6 // Законодательство. 2014. № 2. С. 88–94.

486. *Туманов Г.М.* Внутренне обозрение // Вестник Европы. 1905. Январь. Т. 1. С. 808–834.

487. *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 99.

488. *Черняев Н.И.* Из записной книжки русского монархиста // Мирный труд. 1904. № 8. С. 69–75.

489. *Чистяков О.И.* К вопросу о форме государственного единства России // Вестник Московского ун-та. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. № 2. С. 3–35.

490. *Чистяков О.И.* Проблемы организации государственного единства в истории дореволюционной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2007. № 4. С. 3–35.

491. *Чичерин Б.Н.* Бюрократия и земство // Вопросы политики. М., 1905. С. 90.

492. *Чичерин Б.Н.* Разные виды либерализма // Общественные науки и современность. М., 1993. № 3. С. 116–123.

493. *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 185-205.

494. *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 145-185.

Диссертации и авторефераты диссертаций

495. *Акашкин И.А.* Формирование политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 187 с.

496. *Андрейченко А.С.* Консервативное правопонимание в России XIX-XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 182 с.

497. *Арзамаскин Н.Н.* Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2008. 431 с.

498. *Архипов С.Н.* Социально-философский анализ консерватизма: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2004. 166 с.

499. *Багоян Е.Г.* Идея правового государства в российской либеральной мысли (конец XIX – начало XX века): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.

500. *Байгушкин А.И.* Консервативные политико-правовые воззрения в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 124 с.

501. *Бакулина О.В.* Либеральная идея и ее носители в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 23 с.

502. *Баранова Е.С.* Государственно-правовые воззрения Л.П. Карсавина: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 154 с.

503. *Борискин В.В.* Викторианская Англия в оценках российских либералов и демократов 50–60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006. 221 с.

504. *Бутитова Д.Ц.* Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества современной России: региональный аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 164 с.

505. *Брояка Ю.В.* Политико-правовые воззрения А.Д. Градовского: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 221 с.

506. *Васильев А.А.* Консервативная правовая идеология России: сущность и формы правления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

507. *Величко А.М.* Учение Б.Н. Чичерина о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 210 с.

508. *Владимирова Г.Е.* Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. 26 с.

509. *Гаптрахманов В.М.* Принципы и формы организации государственной власти в России: политико-правовые исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 25 с.

510. *Гаянов А.Р.* Эволюция формы правления российской государственности в XX веке: теоретико-методологическое и историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 196 с.

511. *Горшколепов А.А.* Идеократическая государственность: политико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 175 с.

512. *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. 34 с.

513. *Деева Н.В.* Эволюция концепций демократии в Российской политической мысли конца XIX–первой четверти XX века (либеральное, консервативное и социал-демократическое направление): дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 211 с.

514. *Деникин А.В.* Русский консерватизм XIX века как социально-философский стиль мышления: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 417 с.

515. *Диденко А.А.* Организационно-правовые формы местного самоуправления в России. 1785–1917: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. 274 с.

516. *Егоров А.Н.* Отечественная историография российского либерализма начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 879 с.

517. *Жигунова Г.В.* Общественный идеал России в философских воззрениях славянофилов: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2005. 155 с.

518. *Желдыбина Т.А.* Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 181 с.

519. *Захарова Н.И.* Городское самоуправление в системе местного самоуправления в России: Становление и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 183 с.

520. *Золотницкий Е.П.* Политический либерализм (историко- и теоретико-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 170 с.

521. *Зорина Е.Ю.* Идея разделения властей в российской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 21 с.

522. *Зороян С.Г.* Форма правления в России в начале XX века (1906 – февраль 1917): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 216 с.

523. *Иванников И.А.* Проблема государственного устройства в русской политико-правовой мысли (М.А. Бакунин, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1995. 181 с.

524. *Иванников И.А.* Проблема эволюции формы Российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX – середины XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 463 с.

525. *Игнатьева М.В.* М.М. Ковалевский как антрополог права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 168 с.

526. *Иуков Е.А.* Теория и политическая практика радикального консерватизма: дис. ... канд. полит. наук. Кемерово, 2005. 192 с.

527. *Калинин А.Ю.* Историко-теоретические основы организации местного самоуправления в России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 216 с.

528. *Карцов А.С.* Правовая идеология русского консерватизма: вторая половина XIX – начало XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 596 с.

529. *Киреева С.А.* Политический режим как элемент формы государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. 28 с.

530. *Ключникова Н.В.* Формирование либеральной идеологии в России и ее проявление в общественном движении на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 160 с.

531. *Комнатная Ю.А.* Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 175 с.

532. *Корнев А.В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 428 с.

533. *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 340 с.

534. *Котов А.Э.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 251 с.
535. *Кочукова О.В.* К.Д. Кавелин в общественном движении России (50–80-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 238 с.
536. *Кроткова Н.В.* Государственно-правовые воззрения С.А. Котляревского: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.
537. *Крымов А.В.* Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С. Соловьева: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 186 с.
538. *Кузнецов Н.Д.* Третья государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. 14 с.
539. *Кузубова А.Ю.* Политико-правовые взгляды К.Н. Леонтьева: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2007. 172 с.
540. *Кульков М.О.* Теоретические проблемы типологии форм государства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 197 с.
541. *Левитанус Б.А.* Идея федерализма в русской политической и правовой мысли второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 179 с.
542. *Лиманский Г.С.* Формирование системы местного самоуправления в России: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. 208 с.
543. *Лобановская Е.А.* Государственность и государство в правовом учении И.А. Ильина: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 177 с.
544. *Лузин В.В.* Форма правления в России в начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 18 с.
545. *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа 1907–1914 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004. 404 с.

546. *Лыкосов М.В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 202 с.

547. *Мазуров В.В.* Имперская идея в государственное правовых учениях России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 27 с.

548. *Малхозов В.А.* Нормативно-правовое регулирование деятельности городских органов местного самоуправления: Историко-теоретический аспект: На основе реформ 1870, 1892 и 1990-х годов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 176 с.

549. *Макарова Е.А.* Политико-правовые взгляды Н.А. Бердяева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 183 с.

550. *Ментюкова М.А.* Государственно-правовые воззрения Питирима Александровича Сорокина: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 190 с.

551. *Милицев В.А.* Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2006. 290 с.

552. *Наумов А.С.* Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. 25 с.

553. *Наумов А.С.* Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 142 с.

554. *Некрасов А.В.* Соотношение ортодоксально-христианской и либеральной аксиологической систем в контексте проблемы построения гражданского общества в России (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. 146 с.

555. *Немцев И.А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998. 24 с.

556. *Овчинникова Н.А.* Правовые и политические взгляды Е.Н. Трубецкого: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 209 с.

557. *Окатова А.С.* Учение В.М. Гессена о государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 231 с.
558. *Онишко Н.В.* Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 322 с.
559. *Остроумов Н.В.* Политико-правовые идеи Джона Стюарта Милля о представительной демократии: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 171 с.
560. *Пахомов В.Г.* Идеи федерализма в истории политико-правовой мысли России: конец XVIII – XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 408 с.
561. *Петрова Д.В.* IV Государственная дума (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 31 с.
562. *Погожева О.В.* Монархия как форма правления в Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 161 с.
563. *Понежсин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова: философско-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 129 с.
564. *Пустовалов А.Р.* Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.
565. *Ремнев А.В.* Комитет министров в системе высших учреждений царской России, 1861–1906 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 237 с.
566. *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.
567. *Сидненко Т.И.* Либеральное направление в отечественной историографии в конце XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 620 с.

568. *Скворцов В.П.* Либерально-демократические идеи о государстве и праве в учении Б.А. Кистяковского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 166 с.

569. *Соколов А.С.* С.Е. Крыжановский — государственный деятель Российской империи начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2006. 203 с.

570. *Соловьёв И.В.* Подцензурная печать 1858 – начала 1859 года и крестьянская реформа: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 245 с.

571. *Соловьева А.Г.* Горемыкин И.Л. и Коковцов В.Н. — российские премьеры: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 211 с.

572. *Старостин Е.О.* Правовые формы осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. 237 с.

573. *Сулимов К.А.* Морально-политический выбор консерватизма и институционализация политической идентичности: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2006. 178 с.

574. *Тальников Д.С.* Политико-правовые воззрения Павла Александровича Флоренского: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 173 с.

575. *Тарабан Г.В.* Реформирование формы правления и формы государственного устройства России начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 187 с.

576. *Тимошина Е.В.* Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 232 с.

577. *Тищенко А.Г.* Образ и форма государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли: ретроспективный и юридико-компаративный анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 221 с.

578. *Тяпин И.Н.* Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.

579. *Фролова Е.А.* Политическое и правовое учение П.И. Новгородцева: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 208 с.

580. *Цыганов В.И.* Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 213 с.
581. *Чернавский М.Ю.* Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009. 408 с.
582. *Чернавский М.Ю.* Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009. 36 с.
583. *Черноков А.Э.* Учение С.Л. Франка о государстве и праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 195 с.
584. *Шаповалов А.В.* Правовые взгляды А.Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 209 с.
585. *Шипилов С.Н.* Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты (по произведениям М.Н. Каткова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
586. *Ющенко Н.В.* Государственно-правовые взгляды С.А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 204 с.
587. *Ярошевская Е.М.* Государственный совет и политическая реакция 80 – начала 90-х гг. XIX века: дис. ...канд. ист. наук. М., 1984. 169 с.
588. *Яцкова А.П.* Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001. 218 с.